U 379/338
4.3;1

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. и 1

в конце.

ПІИТИКА.

Государственная
ордена Ленина
им. В.
53561-46
2011119387

801-83
13073-11
Б
И 379/338

РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

содержащее въ себѣ

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ, ТЕОРІЮ КРАСНОРѢЧІЯ, ПІИТИКУ И КРАТКУЮ ИСТОРІЮ ЛИТЕРАТУРЫ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ И ИМПЕРАТОРСКАГО УЧИЛИЩА ПРАВОВѢДѢНІЯ

Петромъ Георгіевскимъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и К°.
1842.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. Генваря 26 дня, 1842 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ III.

ПІИТИКА.

Предварительныя понятія. — Опредѣленіе Поэзіи, или стихотворства. — Почему нельзя принять Поэзію за одно подражаніе изящной природѣ? — Сообразность стихотворныхъ произведеній съ природою. — Разсмотрѣніе мнѣній о сущности Поэзіи. — Сходство Поэзіи съ прочими Изящными искусствами. — Свойство подражательной Поэзіи. — Преобладаніе нравственнаго элемента въ стихотворныхъ произведеніяхъ. — Врожденныя способности, отличающія истиннаго поэта. — Пріобрѣтенныя познанія, необходимыя *для поэта.* — *Существенныя и механическія* правила стихотворства. — Раздѣленіе стихосложенія. — *Употребительныя* въ Русскомъ стихотворствѣ стопы. — Раздѣленіе стиховъ по числу стопъ и мѣстоударенію. — Раздѣленіе стиховъ по роду стопъ. — Вольные, риѳмованные и бѣлые стихи. — Народное Русское стихосложеніе. — Раздѣленіе народныхъ Русскихъ стиховъ и нѣкоторыя особенныя ихъ свойства. — Сочинители піитикъ. — Раздѣленіе стихотвореній, принятое древними и новѣйшими писателями. — Отличительный характеръ восточной, сѣверной и европейской поэзіи. — Замѣчанія о классической и романтической Литературѣ § 1–25

стран.

Отдѣленіе I. Лирическая Поэзія 21
——— II. Дидактическая Поэзія 75
——— III. Смѣшенная Поэзія 97
——— IV. Эпическая поэзія 104
——— V. Драматическая поэзія 124

ПИТИКА.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Изящныхъ искусствахъ должно отличать двѣ составныя части, совершенно между собою различныя, но способствующія дѣйствію цѣлаго по особеннымъ ихъ свойствамъ. — Поэзія, живопись и музыка имѣютъ свою *механическую* часть, которой можно дать общее названіе *искусства*, и *творческую*, которую назовемъ вообще *Поэзіей:* это существо, душа ихъ. Простые звуки могутъ быть пріятны, когда приходятъ въ сотрясеніе струны отъ прикосновенія искусной руки: это простое *искусство*; въ семъ случаѣ душа наша, ощущая только сознаніе нѣкотораго порядка, бываетъ спокойна, сердце холодно. Гайденъ постигъ геніемъ своимъ величіе Божества, перенесся духомъ къ первымъ днямъ мірозданія, и оратоpія его приводитъ въ восторгъ, намъ непонятный; внимая сладостной гармоніи, мы возносимся за предѣлы обыкновенныхъ нашихъ чувствованій: это дѣйствіе *Поэзіи*. Портретъ, живо напоминающій намъ знакомое лице, доставляетъ простое удовольствіе; но Аполлонъ Белведерскій, Корреджіева Ночь, возбуждаютъ въ насъ страсть къ природѣ и чувство благо-

говѣнія къ Божеству. Изъ сего можно уже вывести различіе между *Поэзіей* и *Искусствомъ*: первая всегда свободна, какъ безконечное, составляющее существо ея: второе стѣснено всѣми возможными отношеніями; первая есть область генія, второе принадлежность таланта.

Взявъ въ разсужденіе эту творческую часть Изящныхъ искусствъ, названную нами вообще *Поэзіей*, мы увидимъ, что начала ея, какъ и начала Философіи, надобно искать во глубинѣ души человѣческой: ибо чувство изящнаго, столько же ей сродно, какъ и потребность истиннаго. Какъ та, такъ и другая объемлютъ міръ духовный и вещественный, но дѣйствуютъ въ нихъ различными способами: одна посредствомъ *фантазіи*, другая имѣетъ руководителемъ своимъ *разумъ*. — Первая болѣе творитъ, вторая соображаетъ; первая вся въ области *возможнаго*, вторая живетъ болѣе въ *существенномъ*. — Поэзія сама по себѣ совершенна, и каждое произведеніе ея есть нѣчто цѣлое, составляющее отдѣльный органическій міръ идей и созерцаній. Произведеніе Поэзіи есть плодъ нравственной свободы, и, такъ сказать, высшаго инстинкта: ибо кому онъ не данъ, тотъ производитъ только автоматовъ, не имѣющихъ ни жизни, ни души. — Науки, напротивъ, подлежатъ безпрестанному усовершенствованію, и всѣ ихъ произведенія суть только средства временныя, остающіяся въ употребленіи, пока нѣтъ лучшихъ. Занимающійся наукою опирается всегда на своихъ предшественниковъ; но поэтъ творитъ независимо; а потому существо Поэзіи есть сила творческая.

Здѣсь подъ *Поэзіею* должно разумѣть составную часть каждаго Изящнаго искусства, и въ этомъ смыслѣ можно сказать: поэзія музыки, поэзія живописи и проч. Ибо, по мнѣнію Нѣмецкаго эстетика Буттервека, каждое изящное произведеніе искусства первоначально дол-

жно быть *вымысломъ* (gedichte), прекраснымъ произведеніемъ фантазіи, прежде нежели перейдетъ въ видимую форму, во внѣшній свѣтъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

О СТИХОТВОРСТВѢ.

Опредѣленіе Поэзіи, или стихотворства.

§ 1. *Поэзія*, или стихотворство, есть способность посредствомъ гармоническаго слова выражать чувствованія, или высокіе и изящные вымыслы воображенія. Посему Поэзія, по орудію своему — *языку*, относится къ Словеснымъ искусствамъ, а по цѣли — дѣйствовать на воображеніе и чувства, къ Изящнымъ искусствамъ.

Почему нельзя принять Поэзію за одно подражаніе изящной природѣ.

§ 2. *Нѣкоторые писатели называли* Поэзію *подражаніемъ изящной природѣ*, основываясь на томъ, что воображеніе наше не можетъ представить ничего не существующаго въ природѣ. Это опредѣленіе, прикрываемое именами Аристотеля, Батё и послѣдователями ихъ, можетъ относиться только къ нѣкоторымъ родамъ Поэзіи; распространять же его на всѣ извѣстныя стихотворенія значитъ стѣснить трудъ поэтическаго генія и привести его въ состояніе механизма, посредствомъ котораго онъ списываетъ вѣрную копію съ простаго подлинника. Итакъ, подражаніе природѣ поставлять единственнымъ началомъ Поэзіи несправедливо потому, что 1) не все естественное прекрасно; 2) самое изящное въ природѣ рѣдко бываетъ чистою красотою; и 3) часто природа худшая служитъ образцемъ искусству, которое производитъ нѣчто лучшее своего образца, и какъ бы облагораживаетъ его.

Сообразность стихотворныхъ произведеній съ природою.

— § 3. Хотя *подражаніе природѣ* не есть единственное начало Поэзіи; при всемъ томъ, изящныя произведенія должны быть *согласны съ природою*. — Геній поэта долженъ дѣйствовать сообразно съ законами природы и не отступать отъ правилъ приличія и вѣроятности. Можно изобразить полководца, превышающаго своихъ воиновъ ростомъ и мужествомъ; но вооружить разбойника перуномъ Зевсовымъ, лишить фурію адскаго ея факела, и, подобно пастушкѣ, увѣнчать ее полевыми цвѣтами, будетъ нелѣпость. — Горацій говоритъ: *ficta voluptatis causa sint proxima veris*.

Разсмотрѣніе мнѣній о сущности Поэзіи

§ 4. О сущности Поэзіи были различныя мнѣнія. Блеръ и его послѣдователи называютъ Поэзію *языкомъ страстей и изступленія*. Но это качество равно принадлежитъ прозѣ: ибо страсть во всѣхъ степеняхъ столь же замѣтна у ораторовъ, какъ и у поэтовъ. Кто согласится, что въ Димосѳеновыхъ рѣчахъ страсть въ меньшей силѣ господствовала, нежели въ одахъ Пиндара? Не менѣе ли находится страсти въ рѣчи Анастасія на смерть Бецкаго, какъ и въ стихотвореніи Державина на смерть К. Мещерскаго? Сверхъ того, если въ Поэзіи изступленіе будетъ непрерывное, и однѣ только страсти будутъ признакомъ ея; тогда многія стихотворенія были бы поэтическими въ однихъ только разительныхъ мѣстахъ. — Нѣкоторые относили *вымыслы* къ сущности Поэзіи. — Конечно поэтъ, желающій украсить и оживить природу, имѣющій въ виду сдѣлать самую истину для насъ привлекательнѣе, долженъ прибѣгать къ вымысламъ; но это не всегда бываетъ необходимо: потому что многіе предметы, живописуемые Поэзіею, могутъ быть прекрасны сами по себѣ, и не имѣютъ никакой нужды въ украшеніяхъ. Если же подъ *вымышленіемъ* (fictione) разумѣть правленіе божествъ, вводимыхъ стихотворцами въ поэмы; тогда трагедіи, комедіи, оды и проч.

должно было бы исключить изъ области стихотвореній.

Примѣчаніе. Впрочемъ, иногда піитическіе вымыслы являются подъ простою одеждою прозы; а въ историческихъ и дидактическихъ поэмахъ истинные предметы бываютъ украшаемы прелестями Поэзіи. — На этомъ основаніи, нѣкоторые литераторы принимаютъ въ Поэзіи три степени: первая и высочайшая степень есть та, когда въ сочиненіи вымыслъ соединенъ съ стихотворствомъ: это находимъ въ *Иліадѣ*, *Одиссеѣ* и *Енеидѣ*; вторая степень содержитъ вымыслы безъ стихоторства, каковы, напримѣръ, сочиненія *Платона*, *Бокаччіо*; третья заключаетъ стихотворство безъ вымысла; сюда можно отнести творенія *Лукана*, *Лукреція* и т. п.

§ 5; Древніе и новѣйшіе писатели давали многія пышныя описанія Поэзіи, утверждая, что она заключаетъ въ себѣ и краснорѣчіе и живопись и музыку; другіе только хотѣли сравнить ее съ двумя послѣдними *искусствами*. *Въ самомъ дѣлѣ*, что такое Поэзія? Симонидъ называетъ живопись *нѣмою поэзіею*, и это опредѣленіе для живописи достаточно; но если скажемъ: Поэзія есть живопись одушевленная и говорящая; то не будемъ еще имѣть объ ней яснаго понятія. Она представляетъ предметъ уму, какъ Исторія и Краснорѣчіе, она занимаетъ воображеніе, какъ картина.

Сходство Поэзіи съ живописью и другими Изящными искусствами, и отличіе отъ нихъ.

«Когда въ дуги твои сребристы
«Глядится красная заря,
«Какіе пурпуры огнисты
«И розы пламенны, горя,
«Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся.

Какой живописецъ лучше изобразитъ это? Но вотъ разность: — живописецъ беретъ свой предметъ въ дѣйствіи, и представляетъ его въ покоѣ. Если бы надобно было живописцу изобразить единоборство

Ермака съ Мегметомъ-Куломъ, описанное въ извѣстныхъ стихахъ Дмитріева:

«Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула
«Сибирскихъ странъ богатыря и т. д.

онъ не могъ бы этого сдѣлать иначе, какъ представивъ двухъ атлетовъ въ одинаковомъ положеніи, или для каждаго изъ этихъ стиховъ сдѣлалъ бы особливую картину. Въ Поэзіи представляются разные предметы не только въ порядкѣ послѣдовательномъ, но и совокупномъ; такимъ образомъ одинъ стихъ можетъ изобразить два обстоятельства несовмѣстныя, какъ напримѣръ:

«Авроры свѣтлый взоръ затмилъ блестящи звѣзды.

Предметы Изящныхъ искусствъ не ограничены сами по себѣ, но ограничены только ихъ средствами. Природа представляется всѣмъ художникамъ; но живописецъ, имѣя однѣ краски, можетъ подражать только тому, что̀ подвержено чувству зрѣнія. — Кисть Вернета никогда не выразитъ:

«И вдругъ быстротекущимъ блескомъ,
«И горъ сердца трясущимъ трескомъ
«Концы вселенной колебалъ.

Точно также музыкантъ можетъ звуками подражать только тому, что подвержено чувству слуха. — Правда, что каждое изъ этихъ искусствъ, употребляя знаки натуральные, живѣе представляетъ предметъ свой, нежели Поэзія, въ которой отношеніе знаковъ, или словъ, съ вещами совершенно условное; но слово наше равновѣситъ всѣмъ средствамъ другихъ искусствъ; оно столь тѣсно сопряжено съ нашими мыслями, что всегда можетъ производить очарованіе.—Доказательствомъ этого служатъ театральныя зрѣлища, гдѣ Поэзія является въ соединеніи съ живописью и музыкою: вотъ почему область Поэзіи обширнѣе, нежели область всѣхъ искусствъ вмѣстѣ.

§ 6. Искусные стихотворцы, для большаго очарованія, употребляютъ въ описаніяхъ своихъ такія слова, которыхъ звуки приличны свойству описываемыхъ предметовъ. — Отъ этого происходитъ *подражательная Поэзія* или въ *звукахъ*, или въ *размѣрахъ*. — Подражаніе въ звукахъ предполагаетъ подборъ буквъ, соотвѣтствующихъ въ произношеніи описываемому дѣйствію; напримѣръ, — Свойство и употребленіе подражательной Поэзіи.

Крыловъ весьма удачно изображаетъ *мычаніе* вола въ слѣдующихъ словахъ . . . . «и мы

«Грѣшны, тому давно, когда зимой *горлы*
«Намъ были худы . . . .

Но когда составленіе стиховъ, по расположенію стопъ, или словъ, бываетъ сообразно заключающемуся въ нихъ содержанію; то сіе называется *подражаніемъ въ размѣрахъ*. — Такъ могутъ быть выражаемы: а) *легкость* или *скорость;* напримѣръ: у Державина —

«Вихрь полунощный, летитъ богатырь;
«*Тьма отъ чела, съ посвиста пыль*, и т. д.

У Гнѣдича въ Иліадѣ описаніе быстроты коня:

«Бурный бѣжитъ по полямъ, поражая копытами землю.

б) *тяжелость*, или *медленность*; какъ напр. у Крылова въ Баснѣ — *Муха* и *Дорожные*:

«Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
«Сыпучими песками въ гору,
«Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
«Четверкою рыдванъ
«Тащился . . . .

§ 7. Нравственная цѣль стихотворныхъ произведеній должна состоять въ возбужденіи чувствованій высокихъ и въ соединеніи пріятнаго съ полезнымъ *). Преобладаніе нравственной цѣли.

*) Горацій отличаетъ въ Поэзіи пріятное безъ пользы, и полезное безъ пріятности. — Первое бываетъ очень часто, послѣднее почти невозможно. Самая дидактическая поэма должна понравиться, чтобъ научить насъ.

ственнаго элемента въ стихотворныхъ произведеніяхъ.

Религія, надежда безсмертія, любовь къ отечеству, къ славѣ, уваженіе знаменитыхъ подвиговъ, удивленіе ко всему великому — вотъ предметы истинной Поэзіи! Кто могъ пробудить, или усилить эти высокія чувствованія; тотъ достигъ крайней степени пінтическаго убѣжденія.

Мнѣніе Державина о нравственной цѣли Поэзіи.

§ 8. Державинъ въ своемъ разсужденіи о *Лирической Поэзіи* такъ говоритъ о нравственной цѣли стихотвореній: «Всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ-то: божественный Моисей, языческіе: «Орфей, Озиридъ, Зороастръ, Солонъ, Оденъ, наконецъ Магометъ и многіе другіе были поэты; они «изрѣкали законы свои стихами. — Китайцы и нѣкоторые другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе «дѣтей, что заставляютъ ихъ затверживать наизустъ «стихотворные отрывки, или краткіе наставительныя «пѣсни. — Въ *схоліяхъ* (застольныхъ пѣсняхъ) древнихъ Грековъ, при самыхъ ихъ забавахъ, наставленія не были изъ виду выпускаемы. — Сѣверные «Скальды и полуденные Барды были провозвѣстниками вѣры, законовъ, славы, чести, любви къ отечеству и вѣрности своему Государю. — Творенія Пиндара и Горація, кажется, потому наипаче дошли «до насъ, что въ первыхъ заключаются наставленія «царямъ, а во вторыхъ правила любомудрія. — «Псалтирь исполнена благочестія».

Примѣч. Маститый нашъ поэтъ И. И. Дмитріевъ, за два мѣсяца до кончины, вотъ что писалъ въ Альбомъ юному поэту Якубовичу: «Поэзія, порожденіе «неба, хотя и склоняетъ взоръ свой къ землѣ; но «здѣсь она проницаетъ по глубину сердецъ, наблюдаетъ сокровенные ихъ изгибы и живописуетъ страсти, держась всегда *нравственной цѣли*, воспламеняетъ къ добродѣтели, ко всему изящному и высокому, а тамъ изливается въ удивленіи къ мірозда-

«нію и въ трепетномъ благоговѣніи къ Непостижи-«мому. — Вотъ назначеніе истинной поэзіи! вотъ по-«чему называется она органомъ боговъ, а вдохновен-ный ею поэтомъ!» — Блаженъ, кто въ душѣ своей сознавалъ такое чувство, стоя уже надъ могилою!

§ 9. Въ доказательство того, что отличныя стихотворенія преимущественно способны къ возбужденію высокихъ чувствованій, разсмотримъ нѣкоторыя строфы изъ единственной оды *Богъ*, въ которой Державинъ, водимый небеснымъ вдохновеніемъ, начерталъ хвалу непостижимой славѣ Создателя.

Подтвержденіе предъидущаго положенія разборомъ нѣкоторыхъ строфъ изъ Оды: Богъ.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ,
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ:
Но огненны сіи лампады,
Иль рданыхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры,
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Можно ли величественнѣе изобразить всемогущество Бога? — Постепенное усиленіе важности предметовъ превышаетъ наше понятіе, и придаетъ особенную силу этому мѣсту. — Вообразить необъятную неизмѣримость вселенныя и тмы свѣтящихся тѣлъ, плавающихъ въ обширномъ океанѣ творенія— мысль высокая! — Но поэтъ ею не довольствуется: онъ представляетъ вѣчнымъ огнемъ пылающіе эѳиры; выводитъ міріады тѣлъ блистающихъ въ кругѣ вселенныя; и наконецъ обращаясь къ Создателю, говоритъ, что все сіе предъ Нимъ, *какъ нощь предъ днемъ*. — Духъ нашъ пылаетъ благоговѣніемъ къ славѣ Создателя; мы проливаемъ радостныя слезы; и лира поэта благословенна!

«Какъ капля въ море опущенна
«Вся твердь передъ Тобой сія.

При этомъ поразительномъ сравненіи неприметно вспомнишь о высокомъ выраженіи вѣнценоснаго Пророка: *Яко тысяча лѣтъ предъ очима твоима, Господи, яко день вчерашній, иже мимо идетъ.* — Ломоносовъ, подобно сему, представляетъ *горящій вѣчно океанъ*. — Два стиха эти тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ слѣдствіе, изъ нихъ выведенное, разительнѣе.— Если всѣ безчисленныя сферы, содержащія тмы темъ вселенныхъ, подобныхъ нашей — предъ Богомъ, какъ нощь предъ днемъ, есть малая капля, опущенная въ море: то послѣ сего стихотворецъ спрашиваетъ:

«Но что мной зримая вселенна,
«И что передъ Тобою я?
»Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
«Міры умножа милліономъ,
«Стократъ другихъ міровъ, и то,
«Какъ ежели сравнить съ Тобою,
«Лишь будетъ точкою *одною*,
«А я передъ Тобой — ничто!

Здѣсь мы видимъ, до какой степени пѣснопѣвецъ унизилъ человѣка въ сравненіи его съ величіемъ безпредѣльнаго пространства вселенной.— Посмотримъ, какимъ образомъ искусство его возвыситъ человѣка до имени первѣйшаго на землѣ творенія — до образа Божества. Стихотворецъ, кажется, сомнѣвается, сказавъ: *ничто*.

«Ничто! но Ты во мнѣ сіяешь
«Величествомъ Своихъ добротъ,
«Во мнѣ Себя изображаешь,
«Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.

Далѣе поэтъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ повторяетъ опять: *ничто!* и говоритъ:

. . . . «Но жизнь я ощущаю,
«Несытымъ нѣкакимъ летаю

«Всегда паренъемъ въ высоты,
«Тебя душа моя быть чаетъ,
«Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
«Я есмь! — конечно есь и ты.

Всѣ роды земныхъ тварей управляются одною грубою чувственностію. — Но человѣкъ, вопреки Декартамъ, Гельвеціямъ, совершенно забывшимъ о безсмертныхъ его свойствахъ, есть существо, возносящееся выше сферы, его заключающей. — Духъ его паритъ горѣ; всѣ блага жизни недовольны остановить его паренія. — Такъ! повторимъ съ поэтомъ: бытіе и превосходство человѣка очевидно доказываютъ бытіе и совершенство Бога!

Стихотворецъ далѣе обращается къ воспѣваемому Существу:

«Ты есь, природы чинъ вѣщаетъ,
«Гласитъ мое мнѣ сердце то,
«Меня мой разумъ увѣряетъ,
«Ты есь, — и я ужь не ничто.

Поэтъ достигъ своей цѣли: онъ хотѣлъ бытіемъ Бога доказать величіе и превосходство человѣка. — И подлинно, какой безумецъ дерзнетъ противурѣчить этой священнѣйшей истинѣ, съ которою соединено счастіе всего человѣчества, безъ которой нѣтъ добродѣтели, нѣтъ общества. — При семъ нельзя не вспомнить словъ Карамзина: — «Гдѣ же тотъ найдется «извергъ, который бы захотѣлъ увѣрить меня, что «Провидѣніе есть слово безъ значенія? Я взгляну «на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, по«ложу руку на сердце, и скажу атеисту: ты бе«зумецъ!»

Пѣвецъ Бога и въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ умѣлъ соединить прелестнѣйшіе цвѣты Поэзіи со всею важностію истинной Философіи. — Какая утѣшительная истина заключается въ слѣдующихъ словахъ!

«На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
«Какъ праведникъ всегда почтенъ;
«Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
«Какъ извергъ завсегда презрѣнъ.
«Не тронъ, не подвиги чьи громки
«Чтутъ безпристрастные потомки —
«Лишь добродѣтель: ей священный
«Повѣренъ ключъ весть чести въ храмъ.

Врожденныя способности, отличающія истиннаго поэта.

§ 10. Какъ Поэзія вообще есть порожденіе высшихъ свойствъ души человѣческой, такъ и въ поэтѣ она требуетъ высшаго образованія природнаго генія. — Искусство, строгое наблюденіе правилъ, талантъ подражанія не составляютъ еще стихотворнаго генія. —Онъ предполагаетъ быструю и гибкую способность принимать чувственныя впечатлѣнія, необыкновенную дѣятельность духа, пламенное воображеніе, соединенное съ зрѣлымъ разсудкомъ и тонкимъ вкусомъ. — Прекрасно выразился, говоря о Поэзіи, Батюшковъ, что она требуетъ *всего человѣка*.

Древніе называли Поэзію языкомъ боговъ, говорящею живописью, музыкою: въ этомъ смыслѣ Омиръ былъ подлинный поэтъ. — Мы имѣемъ такой же образецъ въ нашемъ Ломоносовѣ.

«Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбарей,
«Въ трудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней
«Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень потаенный,
«Сей огнь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнный.

Онъ родился бѣднымъ рыболовомъ, подъ холоднымъ полюсомъ сѣвера; но произведеніе Поэзіи говоритъ ему громче всѣхъ невозможностей. — Врожденное чувство прекраснаго поражается мрачными красотами сѣверной природы; все возбуждаетъ въ немъ этотъ восторгъ душъ великихъ; — и вотъ первыя его ощущенія:

«Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенный
«Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной разъяренной,
«Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,

«Прислушивая волнъ однообразный шумъ....
«Лице горитъ его, грудь тягостно вздыхаетъ
«И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
«Слеза извѣстная таланту одному.
Батюшковъ.

§ 11. Кромѣ врожденныхъ способностей, стихотворецъ долженъ также имѣть пріобрѣтаемыя познанія. — Сюда принадлежатъ: совершенное обладаніе тѣмъ языкомъ, на которомъ пишетъ, и знаніе правилъ своего искусства, весьма много способствующее къ развитію врожденныхъ способностей и къ лучшему ихъ направленію. — Наконецъ вкусъ и критика руководствуютъ стихотворца въ выборѣ и расположеніи частей сочиненія его и въ искусномъ соединеніи ихъ въ одно прекрасное цѣлое. Пріобрѣтенныя познанія, необходимыя для поэта.

§ 12. Въ стихотворствѣ должно отличать правила, проистекающія изъ самаго существа и цѣли поэзіи (poesis rerum), отъ другихъ, касающихся только *механической* и внѣшней правильности (poesis verborum), *или случайныхъ формъ* какого либо сочиненія. — Послѣднія тогда полезны, когда возвышаютъ *существенныя* красоты стихотворенія, и они позволяютъ иногда нѣкоторыя отступленія. — Существенныя же правила не должны быть ни малѣйше нарушаемы: ибо отъ того слабѣетъ внутреннее достоинство цѣлаго сочиненія. — По этой причинѣ, правила сіи важнѣе механическихъ, касающихся внѣшняго строенія стиха и извѣстныхъ подъ именемъ *Метрики*, или *Стопосложенія*. Существенныя и механическія правила стихотворенія.

§ 13. Стопосложеніе бываетъ: 1) *Метрическое*, въ которомъ стихи слагаются по мѣрамъ, содержащимъ въ себѣ нѣсколько музыкальныхъ тактовъ; — оно принадлежало собственно Грекамъ, отъ нихъ заимствовано Римлянами, а въ послѣдствіи также нѣкоторыми изъ новѣйшихъ Европейскихъ языковъ; 2) *Силлабическое*, или *слогочислительное*, гдѣ стихи со- Раздѣленіе стихосложенія.

чиняются по числу слоговъ; — 3) *Тоническое*, сочиняющееся по удареніямъ, и употребительное въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ.

Употребительныя въ Русскихъ стихахъ стопы.

§ 14. Всякое слово въ Русскомъ языкѣ имѣетъ *удареніе*, и тотъ слогъ, на которомъ находится ударе́ніе, называется *долгимъ* (—), прочіе же *короткими* (◡). — Соединеніе тѣхъ и другихъ составляетъ *стопу*, а соединеніе стопъ составляетъ *стихъ*. — Стопы состоятъ изъ двухъ и трехъ слоговъ, и различаются мѣстомъ ударенія. — Двоесложныя стопы: *Ямбъ* (◡ —), *Хорей* (— ◡), *Пиррихій* (◡ ◡), *Спондей* (— —). — Троесложныя стопы: *Дактиль* (— ◡ ◡), *Анапестъ* (◡ ◡ —), *Амфибрахисъ* (◡ — ◡).

Раздѣленіе стиховъ по числу стопъ и мѣстоударенію.

§ 15. Изъ двоесложныхъ и троесложныхъ стопъ составляются стихи, которые, по числу стопъ, бываютъ *одностопные*, *двустопные*, *трестопные*, *четверостопные*, *пятистопные* и *шестистопные*; менѣе же одностопныхъ и болѣе шестистопныхъ стиховъ не бываетъ. — Стихъ, по мѣстоударенію, называется *мужескимъ* и *женскимъ*; первый имѣетъ *удареніе на* послѣднемъ слогѣ, а второй на предпослѣднемъ.

Раздѣленіе стиховъ по роду стопъ.

§ 16. Стихи, по роду стопъ, бываютъ: *Ямбическіе*, *Хорическіе*, *Дактилохорическіе*. — Сверхъ того, по причинѣ сходства Русскаго языка съ древними, введены въ нашу Поэзію нѣкоторые размѣры древнихъ стиховъ, между которыми особенно замѣчателенъ *Экзаметръ*. — Прекрасные переводы Гнѣдича и Жуковскаго доказываютъ, что Экзаметръ можетъ быть весьма благозвучнымъ подъ перомъ искуснаго писателя.

Примѣчаніе. Ломоносовъ первый у насъ началъ писать чистыми ямбами и хореями, и показалъ пріятнѣйшее для слуха сочетаніе риѳмъ.—До него стихотворцы Русскіе: *Скорина*, *Кубасовъ*, *Симеонъ Полотскій*, *Буслаевъ*, *Кантемиръ* и нѣкоторые другіе держались силлабическаго размѣра стиховъ, введен-

наго съ Польскаго Митрополитомъ *Петромъ Могилою*; считали только слоги, и заключали 9-ти, 11 и 13 сложныя строки свои женскою риѳмою. — Если отнять отъ этихъ стиховъ риѳму, то останется проза.

Вольные, риѳмованные и бѣлые стихи.

§ 17. Стихи, имѣющіе различное число стопъ, называются *вольными*; имѣющіе однозвучное окончаніе *риѳмованными*, а неимѣющіе риѳмъ *бѣлыми*. Послѣдніе взяты нами съ Французскаго языка, а Французами съ Англійскаго, въ которомъ этого рода стихи ранѣе вошли въ употребленіе.

Примѣчаніе. Слово *риѳма* значило у Русскихъ первоначально стихотвореніе. — Симеонъ Полотскій называетъ стихи свои риѳмами, себя риѳмотворцемъ, собраніе своихъ стихотвореній риѳмологіономъ, а нынѣшнюю риѳму называетъ *краесогласіе*.

Народное Русское стихосложеніе.

§ 18. Кромѣ показанныхъ размѣровъ, у насъ еще находятся народные Русскіе стихи, основанные на *удареніяхъ* словъ; они не имѣютъ ни стопъ, ни равнаго числа слоговъ, ни созвучія, ни сочетанія риѳмъ. — *Вообще правила старинnаго Русскаго стихосложенія*, дошедшаго до насъ посредствомъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, состоятъ въ томъ, что каждый стихъ долженъ имѣть извѣстное число удареній не грамматическихъ, на которыхъ основано наше новѣйшее стихосложеніе, а *риторическихъ* *).

Раздѣленіе народныхъ Русскихъ стиховъ и нѣкоторыя особенныя.

§ 19. Народные Русскіе стихи бываютъ *пѣсенные* и *сказочные*. — Первые имѣютъ отъ одного до трехъ удареній, послѣдніе по три ударенія, но съ *дактилическимъ* окончаніемъ; между тѣмъ какъ окончаніе пѣсеннаго стиха въ три ударенія должно быть *хореѐическое*. — Сверхъ того, народные Русскіе стихи раздѣляются на *куплеты*, въ которыхъ никогда не бываетъ болѣе четырехъ стиховъ короткихъ, или двухъ

*) Граматическое удареніе должно быть на каждомъ словѣ, а *риторическимъ* отличается главное слово въ рѣчи; оно можетъ переходить на всѣ почти слова рѣчи, смотря по различію смысла.

их свойства.

длинныхъ. — Послѣдній стихъ въ куплетахъ нерѣдко бываетъ повтореніемъ перваго, и предшествуется обыкновенно какимъ нибудь припѣвомъ. — Въ Русскомъ стихотвореніи позволяются также *вольности стихотворческія*, состоящія въ измѣненіи слогоударенія, въ употребленіи, для наполненія стиха, частицъ и даже слоговъ, вставляемыхъ въ слова. — Нѣкоторые новѣйшіе наши писатели подражали народному пѣсенному размѣру въ два ударенія съ дактилическимъ окончаніемъ.

Древніе сочинители Піитикъ.

§ 20. Собраніе правилъ о стихотворствѣ вообще и о каждомъ его особенномъ родѣ составляетъ науку подъ именемъ *Піитики*. Самая древнѣйшая учебная книга сего рода составлена *Аристотелемъ*; она дошла до насъ неполная, и содержитъ основательныя мысли о началѣ Поэзіи вообще, и не совсѣмъ справедливыя о ея сущности; но его теорія драматическихъ сочиненій есть самая глубокомысленная.— *Горація*ва *Ars poètica*, которой подражалъ Боало, хотя и не объемлетъ всѣхъ частей *стихотворной теоріи*, но заключаетъ въ себѣ основательныя философскія истины, служащія къ распространенію здраваго и тонкаго вкуса. На русскомъ языкѣ замѣчательная теорія и исторія Поэзіи издана профессоромъ *Шевыревымъ*.

Раздѣленіе стихотвореній, принятое Греческими и Латинскими писателями

§ 21. Нѣтъ сомнѣнія, что разныя отрасли стихотворства произошли не въ томъ порядкѣ, въ какомъ нынѣ предлагаются.—Первые поэты, слѣдуя внушеніямъ сердца своего, и руководясь своимъ геніемъ, не знали никакихъ правилъ.—Древніе, говоритъ Сульцеръ, не принимали на себя труда раздѣлять стихотворенія на разные роды. — Какъ скоро дарованія ихъ поэтовъ производили что либо новое; то они давали этому произведенію названіе болѣе сообразно наружному его виду, или размѣру стиховъ, нежели внутреннему содержанію. — У Аристотеля находимъ

мы раздѣленіе Поэзіи: 1) на *Эпопею*, 2) *Трагедію*, 3) *Комедію* и 4) *Диѳирамбъ*.— Къ Эпопеѣ относитъ онъ всѣ повѣствовательныя сочиненія, къ Комедіи всѣ сатирическія, а къ Диѳирамбу всѣ лирическія. —*Горацій*, не раздѣляя Поэзіи на части, говоритъ объ *Эпической поэмѣ*, *Трагедіи*, *Комедіи* и *поэзіи Лирической*.

§ 22. Такъ какъ климатъ, видъ неба, воды и земли — все дѣйствуетъ на душу поэта, отверзтую для впечатлѣній; то многіе, на этомъ основаніи, раздѣляютъ Поэзію на *Восточную*, *Сѣверную* и *Европейскую*.—Характеръ Восточной поэзіи пышность, излишество украшеній, жесткость; въ пѣсняхъ же сѣверныхъ Скальдовъ видимъ нѣчто суровое, мрачное, дикое, напоминающее и пасмурное небо Сѣвера и туманы морскіе и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную въ ужасахъ. — Наконецъ, характеръ Европейской поэзіи — прелесть и утонченность вкуса, нѣкоторая нѣга, роскошь воображенія, свѣжесть чувствъ и ясность мыслей, напоминающихъ и небо и всю благотворную природу странъ южныхъ. — *Батюшковъ* справедливо замѣчаетъ: «напрасно урожденецъ Сициліи, или Неаполя, желалъ бы состязаться въ пѣсняхъ своихъ съ Бардомъ Морвена, и описывать, подобно ему, мрачную природу сѣвера; напрасно сѣверный поэтъ желалъ бы изображать роскошныя долины, прохладныя пещеры, плодоносныя рощи, тихіе заливы и небо Сициліи, высокое и вѣчно ясное.»

Раздѣленіе стихотвореній на разные роды, принимаемое новѣйшими писателями.

§ 23. Нѣкоторые новѣйшіе писатели заключаютъ всѣ формы Поэзіи только въ двухъ разрядахъ, относя къ первому Эпическія, а ко второму Драматическія стихотворенія.— Другіе весь полный кругъ стихотвореній описываютъ съ одной стороны Эпопеей, Лирикой и Драмой, составляющихъ самостоятельныя формы Поэзіи, соотвѣтствующія Пластикѣ, Музыкѣ и Сценикѣ, а съ другой Поучительными сти-

хотвореніями, Идилліями и Романсами, получающими названіе относительныхъ. — Нѣмецкіе же новѣйшіе эстетики раздѣляютъ Поэзію: 1) на *Субъективную*, заключающую въ себѣ *Лирическую* и *Дидактическую* Поэзію; въ первой изъ нихъ поэтъ выражаетъ свои чувства, во второй свои мысли; во 2) на *Объективную*, гдѣ стихотворецъ находится какъ бы на сторонѣ, а другое лицо поступаетъ на его мѣсто. — Поэзія объективная слѣдуетъ главнымъ формамъ времени — прошедшаго, настоящаго и будущаго. — *Драматическая* Поэзія представляетъ прошедшее, какъ настоящее; *Эпическая* Поэзія разсказываетъ прошедшее, какъ прошедшее; для того она замѣняла у Древнихъ Исторію. — Мы будемъ, при прохожденіи Піитики, держаться этого послѣдняго раздѣленія Поэзіи на четыре разряда, присоединивъ къ нимъ, такъ называемую, *Смѣшанную* Поэзію, заключающую стихотворенія, по содержанію своему относящіяся къ разнымъ изъ показанныхъ четырехъ главныхъ видовъ.

Примѣчаніе. Впрочемъ, этимъ раздѣленіемъ мы не желаемъ, да и не можемъ ограничить неограниченный геній. — Различные роды стихотвореній непримѣтно сливаются другъ съ другомъ: бываютъ повѣствованія въ родѣ лирическомъ, бываютъ изображенія страстей пылкихъ въ поэмахъ эпическихъ; вездѣ истинное соединяется съ вымысломъ, правдоподобное съ существеннымъ. — Это замѣчаніе заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ особенномъ новѣйшемъ раздѣленіи Поэзіи на *Классическую* и *Романтическую*.

Краткія замѣчанія объ отличительныхъ свойствахъ

§ 24. Многіе изъ новѣйшихъ полемическихъ писателей, раздѣляя Поэзію на *Классическую* и *Романтическую*, разумѣютъ подъ первою Поэзію Грековъ и Римлянъ во времена язычества, Поэзію, которой основаніемъ служилъ міръ миѳологическій, предметами — событія и преданія, извѣстныя намъ изъ Исто-

ріи и Миѳологіи сихъ двухъ народовъ *), а отличительнымъ свойствомъ — бореніе человѣка съ судьбою. — Подъ именемъ второй разумѣютъ они Поэзію среднихъ вѣковъ, или временъ рыцарскихъ, которой основаніемъ служатъ понятія, введенныя Христіанскою вѣрою, предметами — событія первыхъ вѣковъ ея, нравы тогдашнихъ Европейцевъ, подвиги рыцарей, защитниковъ невинности и карателей злобы, а отличительнымъ свойствомъ — наклонность къ понятіямъ отвлеченнымъ, унылая мечтательность и стремленіе къ лучшему, блаженнѣйшему міру. Это раздѣленіе остроумно, но не совсѣмъ справедливо, потому во 1) что понятія, приличныя вѣкамъ рыцарскимъ, неприличны ужé нашему просвѣщенному вѣку; во 2) не всѣ даже и Европейскіе народы участвовали въ понятіяхъ, образѣ жизни и подвигахъ старинныхъ Италіянцевъ, Испанцевъ, Французовъ, Германцевъ во времена рыцарскія, а чрезъ то Поэзія многихъ изъ нихъ, особливо Славянскихъ народовъ, *лишилась бы народности и мѣстности*; въ 3) опыты новѣйшихъ поэтовъ показываютъ, что они не ограничивались вѣками средней Исторіи, подвигами Европейскихъ витязей и мѣстомъ ихъ дѣйствія, но умѣли перенести воображеніе Европейцевъ въ страны Мавровъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Османновъ, (какъ то: *Байронъ* въ Гяурѣ, Абидосской невѣстѣ; *Томасъ Муръ* въ Лалла-рукѣ), и чрезъ то распространили область Поэзіи Романтической. Не должно заключать поэта въ предѣлы мѣстъ и событій, но предоставить ему полную свободу выбора и изложенія; и вотъ, мнѣ кажется, первая цѣль Поэзіи, которую мы называемъ Романтическою.

Поэзіи Романтической и Классической.

*) Таковы наприм. повѣсть о Золотомъ вѣкѣ, нравы пастуховъ Аркадскихъ, плаваніе Аргонавтовъ, война Троянская, странствованія Улиссая Енея, исторія Эдипа, Агамемнона и т. п.

И такъ, согласуясь съ общимъ употребленіемъ, станемъ называть новѣйшую Поэзію, не основанную на Миѳологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ — *Поэзіей Романтическою* *). Отличныя произведенія ея первые представили *Арабы*, или *Мавры*. — Народъ этотъ первый показалъ Европейцамъ, что можно имѣть Поэзію народную, независимую отъ преданій Греціи и Рима. Поэзія Мавровъ блистаетъ свѣжестію, новостію чувствованій, выраженій и картинъ, плѣняетъ незасмною, роскошною своею прелестію. — Въ наши времена Лордъ *Байронъ*, отбросивъ единообразные приступы Древнихъ къ пѣснямъ ихъ поэмъ, родословныя героевъ, и эти вѣчныя восклицанія: *пою*, или призываніе музы, заговорилъ языкомъ, близкимъ къ сердцу сыновъ XIX столѣтія, и создалъ новый языкъ для выраженія новыхъ формъ, давъ новое направленіе Поэзіи. — Въ цѣлой Европѣ все, что только сильно чувствовало и мыслило, приняло *Романтическую* Литературу, которую можно назвать также *Народною*, потому что предметы въ Романтической Литературѣ избираются преимущественно изъ народной Исторіи, народныхъ нравовъ и обычаевъ.

Примѣчаніе. Неоспоримо, что Классическая Поэзія, стремясь отъ частнаго къ общему, а Романтическая отъ общаго къ частному, или къ самобытному, народному, одна безъ другой быть не могутъ; и проявленіе какой либо одной изъ нихъ зависитъ только отъ преобладанія формъ, или идеи. — Въ этомъ смыслѣ, самая Греческая Поэзія, преимущественно именуемая Классическою, содержитъ также романтизмъ, особенно стремящійся къ изображенію народныхъ идеаловъ и самобытной пластической красоты, исключительно принадлежащей климату Греціи.

*) Собственно говоря, нѣтъ Поэзіи Романтической, но Литература.

О РОДАХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Отличительное свойство Лирической Поэзіи

§ 25. *Поэзія Лирическая* есть самая древнѣйшая. — «Это», говоритъ Державинъ, «отливъ разгоряченнаго духа, отголосокъ растроганныхъ чувствъ, упоеніе, или изліяніе восторженнаго сердца.—Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести *Лирическимъ* воскликновеніемъ. — Все окружающее его наполняло живымъ чувствомъ.» — Вотъ истинный источникъ Поэзіи Лирической; а потому, она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе ея, чѣмъ и отличается отъ прочихъ стихотвореній.

Названіе Лирической Поэзіи отъ лиры.

§ 26. *Лирическое* стихотвореніе получило у Грековъ названіе свое отъ *лиры*, музыкальнаго инструмента, которымъ они въ древнѣйшія времена сопровождали пѣніе. Лиру эту *Пиндаръ* въ одной изъ своихъ одъ называетъ *седмиструнною*. — Лира, по словамъ Омира, была лучшимъ украшеніемъ пировъ царскихъ: пѣвца принимали тамъ, какъ друга Музъ и любимца Аполлона, и, по причинѣ такого лестнаго одобренія, всѣ отличнѣйшіе въ Греціи дарованіями люди посвящали себя этому божественному искусству.— У Евреевъ происходило пѣніе съ псалтирью, съ гуслями: *Исповѣдайтеся Господеви въ гуслѣхъ, во псалтири десятиструннемъ пойте ему*; а у нѣкоторыхъ народовъ съ арфою, съ цитрою и съ прочими струнными инструментами.

Чувствованія, вы-

§ 27. Лирическая поэзія совершенно посвящена *чувству*. — Но подъ этимъ *чувствомъ* не надобно ра-

ражаемыя Лирическою Поэзіею.

зумѣть одно только чувство сердца, ниже одно нравственное, ниже одно религіозное. Такое чувство можетъ быть мечтательное, чувство къ истинѣ, къ природѣ, чувство веселостей, шутки и проч. Лишь холодная острота и сухой разсудокъ не должны первенствовать въ Лирической поэзіи. — Потому-то у Французовъ оды суть лишь эпиграммы. — Но сколько Лирическая поэзія ни происходитъ отъ чувства, однакожъ въ ней должны быть и *мысли*, но мысли лирическія. — Такія мысли выше всего обыкновеннаго, новыя, но не съ трудомъ изысканныя, естественныя и съ чувствомъ тѣсно сопряженныя. — И этихъто мыслей не достаетъ многимъ стихотвореніямъ, издаваемымъ подъ именемъ Лирическихъ.

Единство чувствованій.

§ 28. Въ Лирическомъ стихотвореніи должно господствовать *единство чувствованій*, какъ въ Эпопеѣ и Драмѣ единство дѣйствія; а потому, начавъ ненавистію, не должно оканчивать любовію. — Позволительны небольшія отступленія и вводныя картины, не противурѣчащія господствующему чувствованію. — Сверхъ того, какъ начало, такъ и окончаніе Лирическаго стихотворенія должны быть быстры и пылки; и поэтъ долженъ тотчасъ прервать сочиненіе, коль скоро примѣчаетъ, что вдохновеніе его слабѣетъ.

Безпорядокъ лирическій.

§ 29. *Вдохновеніе*, или *восторгъ* поэта лирическаго предполагаетъ страсть въ высочайшей степени, потому что вся душа его преисполнена главнымъ чувствованіемъ и предметомъ, его возбудившимъ. — Отсюда происходятъ блистательныя, пламенныя изображенія, картины и чувства. — Та же самая сила и особенное направленіе души не позволяютъ лирическому стихотворцу наблюдать лирическаго порядка въ своихъ мысляхъ, также связи картинъ. — Отъ того проистекаетъ, такъ называемый, *лирическій безпорядокъ*, болѣе видимый, нежели существенный: ибо воображеніе поэта какъ бы ни было воспламенено,

между періодовъ и строфъ должны находиться скрытый порядокъ и ходъ мыслей. — Сей-то *лирическій безпорядокъ* примѣчается не только въ высшихъ Лирическихъ стихотвореніяхъ, но и въ небольшихъ пѣсняхъ не должно быть ни малѣйшаго слѣда системы.—Образцами прекраснаго лирическаго разнообразія, или безпорядка, могутъ служить всѣ *Пиндаровы Оды*. — Нынѣшнія Лирическія стихотворенія на заказъ, или на случай, не удаются потому, что имъ не достаетъ Пиндарова разнообразія.

Связь Лирической поэзіи съ Эпическою и Дидактическою

§ 30. Съ выраженіемъ чувства могутъ быть соединены описанія; и потому часто *Лирическая поэзія переходитъ въ Эпическую*. Но Эпическія описанія въ Лирической поэзіи не должны идти спокойнымъ шагомъ Эпопеи; и если описаніе первенствуетъ, то Лирика теряетъ свой характеръ. — *Съ Дидактическою поэзіею граничитъ Лирическая* философскими, теоретическими и практическими мыслями. — Подъ этою философіей разумѣется философія жизни *для различія отъ школьной*. Безъ такой философіи Лирическая поэзія утомляетъ, особливо въ такое время, когда разумъ человѣческій уже сдѣлалъ большіе успѣхи въ образованіи. — Для того древняя Романтическая поэзія нынѣ не удовлетворительна.

Языкъ, свойственный Лирической поэзіи.

§ 31. *Языкъ Лирической поэзіи* иногда не различается отъ языка обыкновенной жизни, какъ то въ пѣсняхъ, гдѣ чувства и мысли самыя естественныя рѣшатъ достоинство сочиненія. — Чѣмъ выше Лирическая поэзія возносится къ идеалу, тѣмъ языкъ ея удаляется отъ общественнаго. Потому-то на языкѣ близкомъ къ общежительному (la langue de conversation), каковъ Французскій, не удаются оды. — Ни одна нація не обращала столько вниманія на образованіе языка высшей Лирической поэзіи, какъ Греческая, наприм. въ хорахъ трагиковъ — Эсхила, Софокла и Еврипида.

У какихъ народовъ древности Лирическая поэзія имѣла настоящій свой видъ?

§ 32. Греки не только *пѣли* стихотворенія Лирическія, но и *сочиняли* ихъ, примѣняясь къ лирѣ; а потому, поэзія Лирическая, кромѣ Греціи, у Евреевъ только и, вѣроятно, еще у Друидовъ и Бардовъ могла имѣть настоящій свой величественный видъ. — Хотя Римскіе поэты, такъ же какъ и нынѣшніе, писали: *пою*, но не пѣли; говорили о звукахъ *лиры*, но лиры у нихъ не было; такъ что ни одинъ изъ ихъ поэтовъ, не выключая самого Горація, не старался сдѣлать Одъ своихъ способными къ пѣнію.

Древнѣйшіе Греческіе лирики.

§ 33. Большая часть Лирическихъ древнихъ Греческихъ твореній не дошла до нашихъ временъ. По мнѣнію Лагарпа, *Линусъ* почитается изобрѣтателемъ размѣра и сладкогласія, т. е. что онъ первый умѣлъ соглашать мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ. У Виргилія въ 6-й Эклогѣ находимъ, что этотъ лирикъ возсѣдитъ на Парнассѣ вмѣстѣ съ Музами, имѣя чело, украшенное цвѣтами.

«Utque viro (Gallo) Phoebi chorus assurrexerit omnis,
«Ut Linus haec illi divino carmine pastor
«Floribus atque apio crines ornatus amaro,... dixerit...

Линусъ былъ наставникомъ *Орфея*, который наконецъ славою превзошелъ своего учителя; ибо силою Музыки и Поэзіи заставилъ учредить въ Греціи духовные обряды, заимствованные имъ отъ Египтянъ.—Изъ другихъ лириковъ извѣстны: *Симонидъ*, *Стезихоръ*, *Тиртей*, почти по одной только похвалѣ, какую воздавалъ имъ Горацій. — О другихъ извѣстнѣйшихъ лирикахъ скажется въ своемъ мѣстѣ.

Раздѣленіе Лирическихъ стихотвореній на разные роды.

§ 34. Чувствованія, располагающія душу стихотворца къ лирическому пѣнію, могутъ быть различны, по степени ихъ силы, по ихъ направленію и свойству предметовъ; отъ этого происходятъ разные роды Лирическихъ стихотвореній, отличающихся содержаніемъ и способомъ выраженія. Они суть: I) *Ода*, II) *Гимнъ*, III) *Дивирамбъ*, IV) *Пѣсня*, V)

Кантата и *Романсъ*, VI) *Элегія*, VII) *Посланіе*, (эпистола), VIII) *Баллада*, IX) *Лироэпическія стихотворенія*, и X) *мелкія лирическія стихотворенія*, какъто: a) *Мадригалъ*, b) *Тріолетъ*, c) *Сонетъ*, d) *Рондо*, e) *Эпиграмма*, f) *Эпитафія* и g) *Надпись*.

I. ОДА.

Происхожденіе Оды и предметы ея.

§ 35. *Ода* — слово греческое, значащее *пѣснь*, или *пѣніе*. Начало Оды надлежитъ выводить изъ природной склонности человѣка къ пѣнію. Онъ поетъ или въ восторгѣ, или въ упоеніи любви; поетъ даже въ скукѣ, въ горестяхъ, находя въ томъ облегченіе. Человѣкъ, природа, вселенная, Богъ, суть предметы высокой Оды. Сильное чувствованіе рождаетъ и возвышаетъ ее. — А потому, немногія стихотворенія требуютъ такого отличнаго дарованія: ибо въ высокой Одѣ соединены бываютъ избранныя выраженія съ высокостію мыслей, пламенное воображеніе съ основательнымъ разсудкомъ, красота и разнообразность предметовъ съ искусствомъ въ изображеніи, плавностію и пріятностію стиховъ.

Отличіе Оды отъ другихъ родовъ стихотвореній.

§ 36. Въ одной только *Одѣ* поетъ показываетъ себя, въ другихъ же стихотвореніяхъ онъ скрываетъ лице свое. — Въ Апологѣ, напримѣръ, говорятъ животныя; въ Идилліяхъ выставляются говорящими жреду собою пастухи; въ Сатирахъ и Посланіяхъ нравоучительныхъ видѣнъ важный, или шутливый философъ, возстающій противъ пороковъ и страстей и т. д. — Въ одной только Одѣ мы видимъ самого поэта, видимъ человѣка, вдохновеннаго музами, и говорящаго языкомъ величественнымъ. — Хотя въ Эпопеѣ предполагаютъ также поэта вдохновеннымъ; но тамъ его вдохновеніе какъ бы ограждено спокой-

ствіемъ: Муза разсказываетъ, а онъ пишетъ; вмѣсто того, въ Одѣ онъ исполняется восторгомъ и нѣкоторымъ духомъ пророческимъ; кажется, сами Музы говорятъ его устами.

Раздѣленіе Одъ.

§ 37. Оды бываютъ: 1) *торжественныя*, или *Пиндарическія*, 2) *Философскія*, или *поучительныя*, и 3) *страстныя*, или *Анакреонтическія*. — Сверхъ сихъ, находятся еще Оды *духовныя* и Оды *шуточныя*. — Въ торжественныхъ Одахъ воспѣваются знаменитыя событія, подвиги героевъ, добродѣтели Монарховъ побѣдителей и миротворцевъ. — Философскія Оды служатъ изліяніемъ пылкихъ ощущеній, произведенныхъ въ душѣ стихотворца нравственными мыслями, или истинами, возвышающими нашу душу.— Въ Анакреонтическихъ поэтъ воспѣваетъ одни тихія чувствованія, внушаемыя или любовію, или другою какою либо нѣжною страстію; а посему, нѣжность и легкость суть главныя свойства этихъ Одъ.

Примѣчаніе. Нѣмецкій эстетикъ *Буттервекъ* дѣлитъ Оды на *Пиндарическія Гораціанскія* и на *Клопштокскія*, соединяющія въ себѣ свойства двухъ первыхъ родовъ. — У насъ можно раздѣлить Оды на *Ломоносовскія* и на *Державинскія*, причисляя къ первымъ Оды торжественныя, а ко вторымъ тѣ, въ которыхъ подъ перомъ Державина, или, лучше сказать, волшебнымъ его воображеніемъ, принимаютъ поэтическій видъ мысли нравоучительныя, философскія, острыя и даже сатирическія: что можно видѣть особенно въ *Фелицѣ*, въ *изображеніи Фелицы*, *видѣніи Мурзы*, въ Одѣ *на Счастіе*.

Наружный составъ Оды у Грековъ и размѣръ.

§ 38. Греки наблюдали въ Одѣ три части: *Строфу*, *Антистрофу* и *Епода*. — Строфа и Антистрофа имѣли равное число стиховъ, и могли быть пѣты на одинъ голосъ; Еподъ имѣлъ стихи другой мѣры и требовалъ другаго голоса. — Симъ образомъ сочинены Оды Пиндара и большая часть драматиче-

скихъ хоровъ. — Но прежде Пиндара, еще Алцей и и Сафо изобрѣли другія формы, въ которыхъ они вмѣшивали различнаго рода стихи. — Этѣ формы избраны Горацiемъ въ лирическихъ его стихотвореніяхъ — Новѣйшія Оды состоятъ изъ строфъ, и на Рускомъ языкѣ пишутся *ямбическими*, рѣдко *хорическими* четырестопными стихами. — Впрочемъ эти размѣры не суть исключительные.

§ 39. Въ торжественныхъ и даже философскихъ Одахъ особенно надлежитъ отличать: *приступъ*, *безпорядокъ*, *отступленія* и *конецъ*.

Какія части наблюдаются въ торжественныхъ и философскихъ Одахъ?

а) *Приступъ* бываетъ стремительный и тихій. — Вотъ примѣръ *тихаго* приступа:

«Примите, древнія дубравы,
«Подъ сѣнь свою питомца музъ!
«Не шумны пѣть хочу забавы,
»Не сладости цитерскихъ узъ;
«Но да воззрю съ полей широкихъ,
«На красну, гордую Москву,
«Сѣдящу на холмахъ высокихъ,
«И спящи вѣки воззову.

Дмитріевъ.

Примѣры *стремительнаго* приступа:

«Гдѣ буйны, гордые Титаны,
«Смутившіе Астреи дни?
«Стремглавъ низвержены, попраны
«Въ прахъ, въ прахъ! рекла... и гдѣ они?

Дмитріевъ.

или:

«Носитель молніи и грома
«Всесильнаго Петрова дома!
«Куда несешься съ высоты,
«Принявъ перуны въ когти мощны,
«Куда паришь орелъ полночный?
«И на кого ихъ бросишь ты?

Державинъ.

b) *Безпорядокъ* лирическій, называемый Боало *прелестнымъ безпорядкомъ* (un beau desordre), есть дѣйствіе искусства. Это видно въ сей строфѣ:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
«Ведетъ на верхъ горы высокой,
«Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
«Въ долинѣ тишина глубокой.
«Внимая нѣчто ключь молчитъ,
«Который завсегда журчитъ,
«И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится;
«Лавровы вьются тамъ вѣнцы;
«Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
«Далече дымъ въ поляхъ курится.

Ломоносовъ.

c) *Отступленіе*, или *уклоненіе*, состоитъ въ томъ, когда стихотворецъ прерываетъ начатую имъ матерію, и говоритъ о другой, служащей для первой объясненіемъ. — Такъ Державинъ въ Одѣ *Вельможа* послѣ словъ:

«Злодѣй! увы! — и грянулъ громъ!»

показывающихъ его негодованіе на безбожнаго и безсовѣстнаго Сибарита, вдругъ начинаетъ говорить:

«Блаженъ народъ, который полнъ
«Благочестивой вѣры къ Богу.

d) *Конецъ* Оды требуетъ сильныхъ, поразительныхъ мыслей. — Лирическій поэтъ при концѣ Оды, какъ лебедь при концѣ жизни, напрягаетъ остающіяся силы, и старается наиболѣе плѣнить своимъ пѣніемъ.

Произхожденіе Оды у Грековъ.

§ 40. Собственная *Ода у Грековъ* произошла отъ Трагедіи: ибо греческая Трагедія родилась изъ *хоровъ* въ честь Бахуса. Они составляли необходимую часть Трагедіи, и если ихъ совершенно отдѣлить, неоспоримо будутъ принадлежать къ наилучшимъ Одамъ. — Таковы *хоры* напр. въ Софокловомъ Эдипѣ между 1-мъ и 2-мъ, также между 2-мъ и 3-мъ дѣйствіями. — Нѣкоторые утверждаютъ, что и Пин-

даровы Оды были въ связи съ драматическими твореніями.

§ 41. *Пиндаръ*, родившійся около 500 лѣтъ до Р. Х. въ Ѳивахъ, былъ современникъ Эсхила, Анакреона, и слѣдственно жилъ въ самый цвѣтущій вѣкъ греческой поэзіи. — Изъ всѣхъ произведеній сего поэта дошли до насъ только Оды на побѣды: 14 Олимпійскихъ, 12 Пиѳійскихъ и 14 Немейскихъ. — Онъ писалъ также гимны и другія Лирическія стихотворенія, которыя, къ сожалѣнію, потерялись, и изъ которыхъ можно бъ было лучше судить о характерѣ Пиндара; но и тѣ, которыя остались, принадлежатъ къ чудесамъ человѣческаго ума. — Направленіе Одъ Пиндара совсѣмъ отлично отъ новѣйшихъ. — Его предметы были самые сухіе: пара хорошихъ коней, искусный конеправитель, сильный боецъ, или борецъ! Какое сухое поле! Для сего Пиндаръ поступалъ съ Лирической поэзіей какъ съ вольною и отважною игрою воображенія. — Похвала побѣдителя была для него дѣломъ случайнымъ; ибо побѣдители поставляли для себя честью отличною быть воспѣтыми Пиндаромъ. — Столь искусственная и столь торжественная мѣра стопъ у Пиндара никому изъ Грековъ не удавалась. Отличительное свойство твореній Пиндара.

Алцей извѣстенъ по мастерской отдѣлкѣ стопъ. — Но намъ достались одни только отрывки изъ его сочиненій. — Всѣ древніе стихотворцы съ уваженіемъ говорятъ объ Алцеѣ. Алцей.

Сафо, родившаяся въ Митиленѣ, на островѣ Лесбосѣ, (около 600 лѣтъ до Р. Х.), заслужила названіе десятой музы.—Изъ многихъ ея твореній дошли до насъ только нѣсколько стиховъ; но каждый стихъ ея, каждая мысль проницаютъ сердце, возбуждаютъ умиленіе, заставляютъ принять участіе въ ея горести. Сафо.

Примѣчаніе. Вообще намъ очень мало, или всего менѣе досталось изъ Греческой Лирической поэзіи.

Начало Оды у Римлянъ, и сужденія о твореніяхъ Горація.

§ 42. Чрезъ подражаніе Греческой произошла *Римская Ода.* — Основатель ея одинъ изъ остроумнѣйшихъ и единственный въ своемъ родѣ *Горацій*, современникъ и другъ Виргилія, соединявшій въ себѣ Пиндара, Анакреона и Сафо. — Онъ первый, какъ самъ говоритъ, принялъ Греческую мѣру стопъ, и хотя подражалъ Алцею, но съ подражаніемъ умѣлъ соединить отличное Римское образованіе. — Многіе поэзіи его болѣе удивляются, нежели достойно цѣнятъ. — Горацій, неоспоримо, имѣлъ болѣе разсудка, нежели воображенія, болѣе вкуса, нежели творческой силы, или генія; но его умъ соединилъ столько разнообразныхъ талантовъ, что заставляетъ ревновать самыхъ геніевъ. — Будучи преисполненъ искусства, кажется всегда натуральнымъ, у него каждое слово на своемъ мѣстѣ, и каждое слово стихотворно. — Въ силѣ и краткости можно сравнить его въ Тацитомъ; но по красивости (elegantia) Горацій навсегда пребудетъ единственнымъ. — Мудрено ли, что съ такими качествами онъ былъ любимецъ не только современниковъ, но и всѣхъ вѣковъ; впрочемъ болѣе любимецъ мужей, нежели юношей: ибо, для оцѣнки красотъ его, требуются зрѣлость вкуса и размышленіе. — Горацій, будучи ближе къ новѣйшему образу мыслей, имѣлъ множество переводовъ, но, большею частію, неудачныхъ; потому что онъ имѣлъ обманчивую легкость, или, какъ говорятъ: *Facile difficille.*

Русскіе переводчики Горація.

Примѣчаніе. Многіе лирическіе поэты наши переводили Горація, а нѣкоторые подражали ему. — *Державинъ* и *Капнистъ* лучше всѣхъ постигли философическую его поэзію — Они брали только основу Одъ Горація, и писали свои прекрасныя оригинальныя стихотворенія. — *Дмитріевъ* и *Жуковскій* болѣе ихъ держались подлинника, и подарили насъ немногими его Одами, ознаменованными преимущественно

печатью ихъ генія. — *Поповскій* и *Тучковъ* издали по переводу почти всѣхъ лирическихъ стихотвореній Горація. — *Востоковъ*, *Мерзляковъ*, *Милоновъ*, *Филимоновъ* въ разныя времена, но съ разнымъ успѣхомъ, печатали свои переводы изъ Горація. — Два первые ближе держались оригинала; и нѣсколько Одъ ихъ долго у насъ останутся образчиками вѣрныхъ и хорошихъ переводовъ. — Въ послѣднее время *В. Орловъ* издалъ переводъ Гораціевыхъ Одъ. — Стихи у него гладки; но не получаемъ изъ нихъ яснаго понятія о Горацiи.

Прудецій послѣдователь Горація.

§ 43. Сколько намъ извѣстно, Горацій не имѣлъ себѣ послѣдователей изъ древнихъ Римлянъ. — Не прежде, какъ по введеніи Христіанской Вѣры, когда Ода обратилась на религіозные предметы, послѣдовалъ ему *Прудецій*. — Вообще въ новѣйшей Словесности, Оды, въ родѣ Гораціевыхъ, составляютъ труднѣйшія стихотворенія. — Между романтическими стихотвореніями напрасно бы кто сталъ искать Одъ; онѣ имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, хотя *Канцона* и приближается къ Одамъ.

Началo Русской правильной Оды; — сужденія объ Одахъ Кантемира, Тредьяковскаго и Сумарокова.

§ 44. *Русская Ода* началась *Кантемиромъ*, въ сочиненіяхъ котораго находится нѣсколько Одъ Философскихъ; но всѣ онѣ суть подраженіе Одамъ Гораціевымъ. — Оды и отрывки *Тредьяковскаго* доказываютъ, что онъ былъ мужъ ученый, но не умѣлъ сохранить приличій вкуса; что онъ, зная всѣ источники украшеній, не умѣлъ ими пользоваться. — Слава правильной Оды принадлежитъ Ломоносову и Сумарокову. — Въ то время, когда Ломоносовъ, находясь въ Марбургѣ, старался подражать Гюнтеру и другимъ Нѣмецкимъ поэтамъ, *Сумароковъ* обработывалъ варварскіе хореи Тредьяковскаго. — Около 70 Одъ Философскихъ и торжественныхъ, написанныхъ Сумароковымъ, показываютъ въ немъ хорошаго стихотворца, не рѣдко сохраняющаго важность своихъ

предметовъ. — Слогъ его менѣе цвѣтущъ, менѣе величественъ, нежели у Ломоносова; но за то имѣетъ болѣе движеній и разнообразія. — Почти всѣ Оды его короче Одъ Ломоносова, и потому планы ихъ простѣе и легче. — Въ нихъ менѣе обнаруживается искусство поэта; рѣже встрѣчаются принужденные восторги, съ трудомъ приведенные эпизоды, или отступленія. — Почтенный нашъ критикъ Мерзляковъ сравниваетъ Ломоносова съ «орломъ, ширяющимся «въ небесахъ медленно, стройно и важно; а Сумарокова уподобляетъ птицѣ, всегда почти летающей «надъ поверхностью земною, и въ оборотахъ разнообразнѣйшихъ и быстрѣйшихъ достигающей своей «цѣли.»

Достоинства и нѣкоторые недостатки лирическихъ твореній Ломоносова.

§ 45. *Ломоносовъ*, знаменитый своею ученостію, всѣми признанъ отцемъ Россійскаго стихотворства. — Батюшковъ замѣчаетъ: «Ломоносовъ тоже учинилъ «на трудномъ поприщѣ Словесности, что Петръ Ве«ликій на поприщѣ гражданскомъ. — Петръ Ве«ликій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ «невѣжества; создалъ для него законы, силу воен«ную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ возста«ющаго народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и сти«хотворство». . . .

Онъ первый писалъ чистыми ямбами, и показалъ пріятное для слуха сочетаніе риѳмъ. — Лирическая поэзія до него заключалась въ однѣхъ народныхъ пѣсняхъ и духовныхъ псалмахъ, писанныхъ Симеономъ Полоцкимъ и Св. Димитріемъ Ростовскимъ. — Ломоносовъ первый началъ обладать высокимъ искусствомъ въ измѣненіи тоновъ своей лиры и въ искусномъ соединеніи языка Русскаго съ Славянскимъ. — Онъ написалъ 18 торжественныхъ Одъ, въ которыхъ, прославляя кроткую, добродѣтельную Монархиню, былъ громозвучнымъ органомъ общихъ благодарныхъ чувствованій. — Въ первыхъ его Одахъ

гораздо болѣе огня, болѣе пылкости воображенія, нежели въ послѣднихъ. — Рѣшительно можно сказать, что и доселѣ никто еще не сравнялся съ Ломоносовымъ въ высокости слога и въ оборотахъ сильныхъ и краткихъ; но за то во всѣхъ почти его Одахъ замѣтно методическое расположеніе по правиламъ.— Часто для связи строфъ употребляетъ онъ холодныя выраженія: *Но что я зрю? Какое зрѣлище предстало? — Но горы и поля скачите! ликуйте множество озеръ*! — Такія частыя обращенія къ бездушнымъ предметамъ разочаровываютъ насъ. — Самые эпизоды, вводимые Ломоносовымъ для разнообразія своихъ Одъ, всѣ почти однообразны. — Но если будемъ разсматривать каждую строфу отдѣльно; то найдемъ неподражаемую высоту, силу и стремительность. — Мерзляковъ замѣчаетъ: «Любя славу «Ломоносова, нельзя не сожалѣть также о томъ, что «онъ писалъ однѣ торжественныя Оды; ибо онѣ не «могутъ быть занимательны для иностранцевъ; на- «противъ, нравоучительныя переводятся на всѣ язы- «ки: онѣ пріятны для всѣхъ драгоцѣнными всеобщи- «ми истинами, въ нихъ заключаемыми. — Прелести «языка для насъ, мысли для всѣхъ.»

§ 46. Къ примѣчательнымъ Лирическимъ поэтамъ Екатеринина вѣка относится *Петровъ*. — Въ числѣ его стихотвореній находятся нѣкоторыя образцовыя, отличающіяся полнотою мыслей сильныхъ и краткихъ, и исполненныя картинъ превосходныхъ, написанныхъ пламенною кистью. — Талантъ его извѣстенъ былъ самой Монархинѣ. Петрова называютъ стихотворцемъ-философомъ. Не смотря на грубость и шероховатость его слога, онъ занимаетъ ближайшее мѣсто къ Ломоносову и Державину. Впрочемъ, и у него есть цѣлыя Оды, написанныя гладкими, гармоническими стихами. — Еще замѣтимъ: Ломоносовъ хвалитъ очень открыто и просто; Петровъ съ осо-

Совершенства и недостатки Одъ Петрова, и сличеніе ихъ съ Одами Ломоносова.

беннымъ искусствомъ хвалилъ въ Одахъ своихъ Потемкина, Румянцева, Орловыхъ; но хвалилъ не изъ лести, а какъ мудрецъ, какъ вѣрный сынъ Россіи, съ восторгомъ разсуждающій о полезныхъ для отечества подвигахъ согражданъ знаменитыхъ.

Въ Одѣ на побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ (1770 года) находимъ неподражаемыя строфы, въ которыхъ яркими красками изображено величественно-ужасное зрѣлище морскаго сраженія!

Память Петрова должна быть любезною для Русскаго сердца. — Онъ въ Одѣ своей на рожденіе В. К. Александра Павловича, 1777 года, пророческимъ гласомъ предрекъ славу Великаго сего Самодержца.

Петровъ скончался 1800 года. Стихи, написанные имъ въ послѣдніе годы жизни, показываютъ, что крѣпкій талантъ его не ослабѣвалъ съ силами тѣлесными. — Сочиненія его, напечатанныя вполнѣ въ 1811 году, содержатся въ трехъ томахъ.

Замѣчаніе объ Одахъ Хераскова.

Херасковъ принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ писателей. Имъ сочинены похвальныя, торжественныя, духовныя, Анакреонтическія и нравоучительныя Оды. — Отдавая должное уваженіе познаніямъ, вкусу и трудолюбію Хераскова, справедливость требуетъ сказать, что Оды его не имѣютъ быстрыхъ порывовъ, не дышутъ пламенемъ лирическимъ. — Важнѣйшія его творенія суть: *Россіяда* и *Владиміръ*.

О Лирическихъ твореніяхъ Державина.

§ 47. *Державинъ* занимаетъ первое мѣсто въ числѣ стихотворцевъ Екатеринина вѣка, и можетъ стать на ряду съ знаменитѣйшими въ свѣтѣ лириками. — При вступленіи его на поле словесности, наша Лирическая поэзія состояла почти изъ однѣхъ похвальныхъ Одъ и дурныхъ пѣсенъ, не имѣя свойственнаго ей разнообразія и прелестей. И эти оды и гимны были почти всѣ рабскія подражанія Ломоносову и Сумарокову, а пѣсни — искаженныя копіи сочиненій

сего послѣдняго. — Державинъ первый далъ Одѣ нашей видъ Горацiанской, то есть: изторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ сочиненiй, наполняемыхъ общими риторическими мѣстами и располагаемыхъ обыкновенно по принятымъ формамъ. Первыми его учителями въ стихотворствѣ были, кажется, Ломоносовъ и Петровъ. — У перваго онъ научился звучности языка пiитическаго и живописи Поэзiи, у другаго похитилъ онъ тайну заключать живую, или глубокую мысль въ живомъ и рѣзкомъ стихѣ, тайну совершенно неизвѣстную Ломоносову.— Въ скоромъ времени, Державинъ сравнился съ наставниками, и конечно превзошелъ Петрова. — Не долго однако же слѣдовалъ онъ по дорогѣ, проложенной его предшественниками. Своенравный геній его, испытавшій богатство и свойство языка почти новаго, пробилъ себѣ путь особенный.—Онъ первый началъ говорить въ Одѣ, какъ вдохновенный пѣснопѣвецъ, утѣшитель человѣчества. — Мысли его, украшенныя картинами природы и искусства, обворожаютъ воображенiе. Вообще характеръ Одъ Державина, по большей части, нравоучительный: онъ хвалитъ, шутитъ, укоряетъ, учитъ. Въ его твореніяхъ встрѣчаются многія новыя, составленныя имъ слова, которыя столь прекрасны въ его стихахъ, и столь смѣшны у его подражателей; онъ ввелъ также много гармоническихъ, собственно Русскихъ словъ, которыя забыты были, или, отъ всенароднаго употребленiя, казались низки для Поэзiи.—Это, давая особенную оригинальность его твореніямъ, осталось неприкосновенною его собственностiю.

О характерѣ Одъ его.

Главныя отличiя слога Державина суть: 1) *Живопись*, но она состоитъ болѣе въ цвѣтѣ и яркости красокъ, нежели въ достоинствѣ рисунка, которому весьма часто не достаетъ гармонiи и симметрiи; 2) *разнообразiе*; 3) *благородство, сила, высокость мыслей и чувствованiй;* 4) *движенiя* быстрыя, измѣня-

Объ отличительныхъ свойствахъ слога.

ющіяся, которыя весьма рѣдко встрѣчаются въ ровномъ и однообразномъ до излишества Ломоносовѣ; 5) *краткость* и *выразительность* въ мысляхъ, а иногда въ выборѣ словъ и оборотовъ заключающаяся; наконецъ 6) *гармонія* и описательная Поэзія. — Изъ этихъ качествъ, сила мыслей, живопись и гармонія суть отличительныя. — Но при всѣхъ этихъ совершенствахъ, слогъ Державина не можетъ быть примѣромъ правильнаго или классическаго слога, каковъ онъ у Ломоносова и у нѣкоторыхъ современныхъ Державину поэтовъ. — Слогъ его часто неровенъ, иногда неисправенъ. Онъ позволялъ себѣ самыя смѣлыя перестановки и довольно странные обороты словъ; во многихъ Одахъ его встрѣчаются небрежность, излишняя вольность и даже очевидныя погрѣшности въ оборотахъ и выраженіяхъ, неправильность рифмъ и мѣры.—Все это происходило, кажется, отъ того, что господствующею способностію генія Державина было воображеніе пламенное и богатое, увлекаясь которымъ, онъ не всегда былъ въ состояніи находить слова и обороты для своихъ мыслей, составлялъ, выдумывалъ, сокращалъ, силясь безпрерывно предметъ свой выразить такъ, какъ онъ ему представлялся, или какъ ему хотѣлось его представить, и въ то же время развлекался новыми разительными картинами.

Недостатки въ слогѣ Державина.

Вообще Державинъ былъ обильнѣе въ умственныхъ своихъ способностяхъ, нежели въ средствахъ языка, — и долженъ былъ самъ изобрѣтать и вводить ихъ, какъ новыя, неупотребительныя. — Какой трудъ! какія оковы для пылкаго и свободнаго генія! — Забудемъ нѣкоторыя его погрѣшности, и отдадимъ ему должную дань удивленія на стезѣ побѣдъ его!

Всѣ творенія Державина можно раздѣлить на *Гимны* и преложенія *Псалмовъ*, на *Оды Героическія*, *Философскія*, *Анакреонтическія*, *Трагедіи*, *Драматическія*

Сочиненія, писанныя

представленія и на прочія мелкія сочиненія, или *Смѣсь*. — По связи съ предметомъ, мы будемъ здѣсь говорить только объ его Одахъ. Державинымъ.

Лучшія *Героическія Оды* Державина слѣдующія: *къ Каллiопѣ*, исполненная картинъ очаровательныхъ; на *Шведскій миръ*, которая дышитъ любовію ко благу человѣчества; на *Взятіе Измаила*, богатая разительными картинами, сильными выраженіями, но весьма растянутая и неровная въ ходѣ своемъ; *Памятникъ Герою въ честь Репнина*, превосходнѣйшее твореніе, отличающееся какою-то высокою простотою слога. За этѣми Одами слѣдуетъ живописная Ода подъ названіемъ: *Осень при Очаковѣ*; Ода совершенно Пиндарическая на *Взятіе Варшавы*; Ода на *Пріобрѣтеніе Крыма*, исполненная быстрыхъ переходовъ; на *рожденіе В. К. Михаила Павловича*; Ода на *побѣды въ Италіи* и на *переходъ чрезъ Альпійскія горы*. — Всѣ эти Оды и нѣкоторыя другія совершенно достойны великихъ своихъ предметовъ. Исчисленіе лучшихъ героическихъ Одъ Державина.

При сужденіи объ *Анакреонтическихъ Одахъ* Державина, воспользуемся замѣчаніями Князя Вяземскаго, который говоритъ: «Державинъ, и по творческимъ «подражаніямъ, можетъ занять мѣсто на ряду съ ве«личайшими поэтами. — Сомнѣваюсь, чтобы Ана«креонъ превзошелъ нашего пѣвца въ прелести и «простотѣ стихотвореній, освященныхъ его име«немъ. — Я забываю Анакреона, читая Хариты, «Русскую пляску; вижу передъ собою Державина, «сего единственнаго пѣвца, творящаго среди печаль«ныхъ снѣговъ сѣвера огненныя розы поэзіи, — ро«зы, соперницы цвѣтовъ, нѣкогда благоухавшихъ подъ «счастливымъ небомъ Аттики. Въ самомъ подража«ніи его нѣтъ ничего рабскаго, ничего заимственнаго. «Читая Державина и Анакреона, вы скажете ко«нечно: ихъ души были сродны.» Замѣчаніе объ его Одахъ Анакреонтическихъ.

Лучшія Философскія Оды Державина.

Но самое драгоцѣнное сокровище нашей Словесности составляютъ *философскія Оды* Державина, которыя суть собственный родъ его, и могутъ назваться *Державинскими*. — Какая словесность древнихъ, или новѣйшихъ народовъ, могла служить ему образцомъ для Одъ: *Фелица*, *Изображеніе Фелицы*, *Видѣніе Мурзы*, *Счастіе*, *на походы въ Персію* и проч.? Не говорю уже объ Одѣ *на смерть Князя Мещерскаго*, или *къ первому сосѣду*, гдѣ Державинъ, слѣдуя Горацію, одѣлъ глубокія истины прелестію поэзіи, но кисть и краски занялъ онъ не у Римскаго поэта. — Но что сказать о *Водопадѣ*, гдѣ все дышитъ дикою и ужасною красотою, гдѣ поэзія побѣдила живопись. Жаль только, что въ этой Одѣ не наблюдено единства, можетъ быть, отъ того, что она составлена въ разныя времена и изъ разныхъ частей. Наконецъ нѣкоторыя изъ Одъ Державина, какъ напр. *Вельможа*, могутъ назваться *Лирическими Сатирами*, гдѣ поэтъ, посреди лирическихъ восторговъ, пламенѣлъ негодованіемъ Ювенала противъ развратныхъ любимцевъ счастія. — Всѣ показанныя стихотворенія отличаются своею оригинальностію, и лирикъ нашъ, какъ создатель рода, до него неизвѣстнаго, останется неподражаемымъ. — Нѣсколько пьесъ, написанныхъ Державинымъ въ послѣдніе его годы, можно назвать прощальною пѣснію умирающаго лебедя.

§ 48. Многіе сравнивали *Державина* съ *Ломоносовымъ*; но между ними общее одно: и тотъ и другой писалъ Оды; духъ же и направленіе ихъ поэзіи различны. Оба наши поэты дышутъ въ стихахъ своихъ тѣмъ климатомъ, который воспиталъ ихъ: — въ *Ломоносовѣ* чаще всего встрѣчаются картины сѣвера; въ *Державинѣ*, потомкѣ Багрима — повсюду великолѣпіе востока, безчисленно разнообразныя изображенія благотвореній солнца, нѣга, роскошь, благоуханныя розы — и не рѣдко тундры. — *Ломоносовъ*, ка-

жется, всегда *обладалъ* своимъ предметомъ; *Державинъ* же былъ всегда увлекаемъ предметомъ, его восхитившимъ. — Все это замѣтно въ его Одахъ героическихъ, которыя не всѣ имѣютъ высокія качества Одъ Ломоносова, донынѣ остающихся у насъ единственными; но за то въ *Ломоносовѣ* видны слѣды труда и тщательная отдѣлка холоднаго искусства, *Державинъ* же всегда и вездѣ поэтъ. — И тотъ и другой бываютъ иногда на равной высотѣ; но первый восходитъ постепенно и бываетъ равенъ въ своемъ паренiи, другой быстро и непримѣтно на нее возлетаетъ. Отъ того читатель *Ломоносова* неподвиженъ; *Державинъ* всегда увлекаетъ его за собою. — Первый пѣвецъ Россiи, другой же пѣвецъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ! — *Ломоносовъ* въ слогѣ болѣе точенъ, бережливѣе, связнѣе, *Державинъ* цвѣтнѣе, разнообразнѣе, роскошнѣе. — Но при всемъ различiи своихъ характеровъ, оба первые наши лирика имѣютъ одну общую погрѣшность: *Ломоносовъ* часто употреблялъ холодныя выраженiя: *Но что я вижу? — Какое зрѣлище предстало?* — и проч. *Державинъ* часто въ началѣ строфы, или стиха, повторялъ одно слово, и посредствомъ его соединялъ иногда несвязныя мысли.

«Падутъ — и вождь непобѣдимый
«Въ Сенатѣ Цесарь средь похвалъ,
. . . . . .
«Падутъ — и несравненный мужъ
«Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы
. . . . . .
«Падутъ — и не мечты прельщали
«Когда меня въ цвѣтущiй вѣкъ, — и проч.

Въ Одѣ *на счастiе* — слово: *въ тѣ дни* — безъ всякой нужды повторяется въ десяти строфахъ, а другое — *бывало* въ пяти куплетахъ безъ особливой надобности, единственно для поддержанiя наружной

связи, которая, однакожъ, безъ внутренней связи мыслей ничего не значитъ. Притомъ же, въ мысляхъ Державина бываетъ иногда болѣе блеску, нежели вѣрности.

Суждение К. Вяземскаго о Державинѣ и Ломоносовѣ.

Заключимъ сравненіе превосходныхъ нашихъ лириковъ умными сужденіями К. Вяземскаго, который говоритъ: «Будемъ справедливы и признаемся, что «достоинство Державина, какъ поэта, многимъ пре«восходитъ достоинство его предшественника; но что «не менѣе того труды и подвиги Ломоносова — тру«ды и подвиги исполинскіе. — Если Державинъ обя«занъ природѣ своимъ геніемъ; мы обязаны Ломоно«сову тѣмъ, что геній Державина, не имѣя нужды «бороться съ предлежащими трудностями языка, могъ «явиться на поприщѣ, его достойномъ.»

Другіе извѣстные писатели Одъ.

§ 49. Оды *Дмитріева* отличаются особливою исправностію слога и изяществомъ, хотя не столь живописны, какъ Оды Ломоносова и Державина. — Отпечатокъ Одъ *Капниста* — унынія, а иногда и величественность. — Оды *Карамзина* суть выраженіе мыслей умнаго человѣка, облеченное въ форму поэзіи. — Въ торжественныхъ Одахъ *Мерзлякова* сверкаетъ дарованіе сильное. — *Костровъ*, *Бобровъ*, *К. Долгорукій*, *Востоковъ*, а въ новѣйшія времена: *Языковъ*, *Теплаковъ*, *Веневитиновъ*, *Бенедиктовъ*, *Лермантовъ* сдѣлались извѣстны своими лирическими стихотвореніями. Нѣкоторыя стихотворенія первоклассныхъ нашихъ поэтовъ *Жуковскаго* и *Пушкина* относятся къ лирическимъ.

II. ГИМНЫ.

Содержаніе Греческихъ и Евр.

§ 50. Гимнъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ лирическимъ стихотвореніямъ. — Греки подъ Гимномъ разумѣли похвальную и благодарственную пѣснь божеству, которая возглашаема была на торжествахъ,

при звукѣ музыкальныхъ орудій. — «Гимнами, гово- рейских Гим-
«ритъ Державинъ, Евреи воспѣвали истиннаго Бога новъ.
«и чудеса Его, а язычники поклоняемыхъ ими бо-
«говъ и человѣковъ, прославившихся знаменитыми
«подвигами. — Возносили ихъ при жизни, славосло-
«вили и по смерти. . . Лира, или псалтирь, согласо-
«вались ихъ предметамъ. — Пѣли Гимны при восхо-
«жденіи солнца, при наступленіи ночи, при собира-
«ніи жатвы и винограда, при заключеніи мира, рав-
«но и при открытіи войны.»

§ 51. Древніе Гимны раздѣляются на *феургическіе,* Раздѣ-
или священнотаинственные, на *піитическіе,* или все- леніе
народные, и на *философическіе.* древ-
них
Гим-
новъ.

1) *Феургическіе* Гимны пѣты были посвященными въ таинства, во время отправленія обрядовъ. — Изъ этого рода одни только *Орфеевы*, и самые древнѣйшіе, дошли до нашихъ временъ.

2) *Піитическіе* содержали въ себѣ вѣрованіе народа, и были сочиняемы стихотворцами, единственными тогда богословами. — И дѣйствительно, простой народъ у Грековъ и Римлянъ поклонялся тѣмъ богамъ, какихъ стихотворцы ему предлагали. — Сюда же причисляются Гимны въ честь героевъ и полубоговъ.

3) *Философическіе* сочиняемы были философами, которые хотя по наружности и поклонялись идоламъ, но втайнѣ признавали единое Верховное божество, источникъ и начало всѣхъ вещей.

Примѣчаніе. У Древнихъ былъ еще родъ Гимна подъ названіемъ *Пеана,* — пѣтаго преимущественно въ честь Аполлона, а иногда во славу Марса, Минервы, Плутона. — Полагаютъ, что *Пиндаръ* наиболѣе сочинялъ *Пеаны*, но ни одного изъ нихъ до насъ не дошло. — Впрочемъ, въ *Пеанахъ*, кромѣ религіозныхъ чувствованій, воспѣвались воинскіе подвиги и гражданскія добродѣтели.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ле

Содержаніе нынѣшнихъ Гимновъ.

§ 52. Новѣйшіе Гимны болѣе приближаются къ Одѣ, или похожи на небольшую поэму во славу Бога, или въ похвалу какой либо добродѣтели. — Таковы суть: *Гимнъ Богу* — Дмитріева, *Гимнъ солнцу слѣпаго старца Оссіана*—Капниста, *Гимнъ Кротости*— и на *Безсмертіе души* — Державина и проч. . . . Гимнъ *Кротости*, обращенный къ лицу Александра I, содержитъ слѣдующіе замѣчательные стихи:

«А если Царская порфира
«И скиптръ украсятся тобой, (кротостью),
«Монархъ тотъ благодѣтель міра;
«Не солнцу ль равенъ онъ красой?
«На высотѣ блистая трона,
«Онъ освѣщаетъ и живитъ;
«Въ предѣлахъ своего закона
«Течетъ — и всѣмъ благотворитъ.

Въ Гимнѣ на *безсмертіе души*, Державинъ, кажется, нѣсколько уклонился въ тонкія философскія размышленія, холодныя для сердца, и вообще мало соотвѣтствующія цѣли и способу піитическаго убѣжденія.

Слогъ, размѣръ и древнія формы Гимновъ.

§ 53. *Слогъ* Гимна сообразуется съ его содержаніемъ: онъ спокойнѣе, торжественнѣе слога Оды, но не менѣе его возвышенъ и благороденъ. — У Древнихъ были Гимны въ стихахъ, какъ напримѣръ у Омира и Каллимаха, и въ прозѣ, какъ у Платона и Аристида. — Поэты Греческіе употребляли въ Гимнахъ, также какъ и въ Одахъ, *строфу*, *антистрофу* и *эподъ*, чему подражалъ и Державинъ въ своемъ Гимнѣ подъ названіемъ: *Срѣтеніе Орфеемъ солнца*. — Наши стихотворцы не наблюдаютъ опредѣленной формы въ Гимнахъ, и употребляютъ стихи всякаго размѣра, даже и вольные.

О Псалмахъ Давида

§ 54. Древность сохранила для насъ превосходные образцы Гимновъ. — Главное мѣсто занимаютъ божественные *Псалмы Давида*. — Они въ самыхъ да-

же буквальныхъ переводахъ превосходятъ все, что языческіе древніе поэты имѣютъ лучшаго въ этомъ родѣ, при всей гармоніи и красотѣ ихъ стиховъ. — Святый Іеронимъ пишетъ, что Давидъ соединяетъ въ себѣ и Симонида, и Пиндара, и Алцея, и Горація. — *David Simonides noster, Pindarus, Alcaeus, Flaccus quoque.* — И дѣйствительно, читая Псалмы сего царственнаго Пророка, находимъ въ нихъ все, что Лирическая поэзія можетъ имѣть выспреннаго и выразительнаго; вездѣ величіе, сила съ простотою.— Псалмы сіи еще тѣмъ замѣчательнѣе, что величайшее имѣли вліяніе на новѣйшую Поэзію, и почти на всѣхъ Христіанскихъ языкахъ подражателей. — Батё замѣчаетъ: «ни въ одномъ изъ свѣтскихъ сочините-«лей нѣтъ такихъ высокихъ изображеній и мыслей, «какія находятся въ священныхъ пѣснопѣніяхъ, отъ «того, что тѣ воспѣвали ложную религію, и не имѣ-«ли ни одной искры огня, воспламенявшаго Проро-«ковъ. — Словомъ, если Пиндаръ и Горацій были «внушаемы природою; то Давидъ и Моисей были «внушаемы Творцемъ природы.»

Примѣчаніе. Псалтирь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значитъ *умъ, доблесть, арфа.* — Стихи, въ Псалтири положенные, сочинены по разнымъ случаямъ, и называются *псалмы*, т. е. *напѣвы*, или *пѣсни*, число ихъ до 150; раздѣляются по церковному уставу на 20 *кависмъ*, то есть сѣданій. Значеніе слова Псалтирь.

§ 55. Древнѣйшіе греческіе Гимны приписываются *Орфею* и *Омиру*, а позднѣйшіе *Каллимаху, Проклу* и *Клеанфу*. — *Орфей*, урожденецъ Фракійскій, и сопутникъ Аргонавтовъ, почитается сочинителемъ 86 гимновъ. По мнѣнію Павзанія, Гимны Орфеевы хотя не такъ были обработаны, и не столько заключали пріятности, какъ Омировы; но въ нихъ болѣе было набожности. Изъ Гимновъ *Омировыхъ* дошли до насъ 36. — *Каллимаховыхъ* Гимновъ мы имѣемъ только 6; Извѣстные сочинители древнихъ Гимновъ.

они писаны элегическими стихами, и показываютъ больше науки, нежели піитическаго генія. — Изъ многочисленныхъ сочиненій *Клеанѳа*, дошелъ до насъ только одинъ Гимнъ, въ честь Зевеса. — Этому Гимну превосходно подражалъ Державинъ въ стихотвореніи своемъ: *Утро*.

Къ Гимнамъ же относятъ различные *хоры* изъ греческихъ трагедій и нѣкоторыя *Оды Горація*.

Русскіе поэты, перелагавшіе Псалмы.

§ 56. Изъ Русскихъ стихотворцевъ *Симеонъ Полоцкій* (род. въ 1628 году) первый переложилъ въ стихи *Псалтирь*. Книга эта достойна особеннаго вниманія потому, что чтеніе ея возбудило въ Ломоносовѣ страсть къ стихотворству. — А. *Сумароковъ*, послѣ Симеона Полоцкаго, переложилъ всѣ псалмы Давида, которые находятся въ его сочиненіяхъ, раздѣленные на 20 книгъ. — Почти ни въ одномъ псалмѣ не сохранено высокаго достоинства подлинника. — Нѣкоторые псалмы писаны размѣромъ и слогомъ басенъ, и притомъ слогомъ басенъ же Сумарокова. Тоже должно сказать и о другихъ духовныхъ его сочиненіяхъ. — *Ломоносовъ* чувствовалъ всю важность и высокость Св. Писанія, и потому въ преложеніяхъ псалмовъ выражался несравненно превосходнѣе Сумарокова. — *Державинъ* также перекладывалъ псалмы Давида, и нѣкоторые весьма удачно, а въ другихъ менѣе сохранилъ важности, чистоты и ровнаго благородства слога, нежели Ломоносовъ. — *Мерзляковъ* въ преложеніяхъ гимновъ Священнаго Писанія не многихъ имѣетъ себѣ соперниковъ. — Слогъ его отличается краткостію и силою.

Исчисленіе лучшихъ Гимновъ Державина.

§ 57. Лучшіе, написанные *Державинымъ*, Гимны: 1) *Богъ*, 2) *Властителямъ и Судіямъ*, 3) *Величество Божіе*, 4) *Уповающему на свою силу*, 5) *Успокоенное невѣріе*, 6) *Безсмертіе души*, 7) *на Нищету земной славы*, 8) *Желаніе въ горняя*, 9) *Молитва*, 10) *Гимнъ Богу*, 11) *Гимнъ солнцу*. — Но Ода *Богъ*, по все-

общему признанію, есть единственное, превосходное твореніе нашего пѣснопѣвца. Она занимаетъ умъ, плѣняетъ воображеніе, ознаменована духомъ благоговѣнія къ Существу Непостижимому, и имѣетъ всѣ достоинства возвышенной и вдохновенной Поэзіи. — Укажемъ на нѣкоторыя мѣста сего безсмертнаго творенія:

«О ты, пространствомъ безконечный,
«Живый въ движеньи вещества . . .

Всѣ извѣстныя системы древности были согласны съ этою истиною. — Пѣвецъ Бога, можетъ быть, имѣлъ также въ виду слѣдующее мѣсто вѣщеноснаго Пророка: «*Камо иду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, тамо еси; аще вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя наказетъ мя, и удержитъ десница Твоя. — Богъ нашъ на небеси и на земли . . .*« Псаломъ 138. ст. 7 — 10.

«Измѣрить океанъ глубокій,
«Сочесть пески, лучи планетъ,
«Хотя и могъ бы умъ высокій,
«Тебѣ числа и мѣры нѣтъ.

Подобно Икару, дерзнувшему стремиться къ солнцу, мысли человѣческія стремятся къ созерцанію славы Творца, и теряются въ непостижимыхъ его свойствахъ. — Юнгъ сказалъ: *Если бъ мы были способны постигнуть Бога; то Богъ не былъ бы Богомъ, или бы мы не были человѣки.*

«Не могутъ духи просвѣщенны,
«Отъ свѣта Твоего рожденны,
«Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
«Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
«Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
«Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Какое разительное уподобленіе! Подобно мигу, исчезнувшему въ океанѣ вѣчности, мысль человѣческая, дерзнувшая стремиться къ Божеству, исчезаетъ въ его величіи. — Поэтъ нашъ имѣлъ сильную причи-

ну сказать это: онъ видѣлъ гибельныя слѣдствія тонкихъ умозрѣній нѣкоторыхъ философовъ XVIII столѣтія, стремившихся попрать все священное и на развалинахъ Вѣры соорудить храмы буйству и нечестію. — Но что жъ? системы сіи рушились, умозрѣнія исчезли; но вѣра въ Единаго Бога всегда будетъ сіять, всегда будетъ утѣшать людей и творить ихъ счастливыми.

«Хаоса бытность довременну
«Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
«А вѣчность прежде вѣкъ рожденну
«Въ самомъ себѣ Ты основалъ.

Какая Поэзія! Духъ бытія на крылахъ своихъ вылетаетъ изъ безднъ вѣчности, — но Богъ есть Творецъ, а не художникъ. — Твореніе Его собственно ему принадлежитъ; и самая вѣчность основана въ немъ самомъ.

«Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
«Ее содержишь и живишь,
«Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
«И смертію животъ даришь.

Вся природа оправдываетъ эту истину: что все смертію стремится къ жизни. — Настоящія дѣйствія естественнаго міра суть картина будущаго состоянія нравственнаго. — «Смерть и гробъ, говоритъ Юнгъ, «есть мрачный переходъ, сладкій сонъ, который, воз«ставляя утомленныя силы наши, пробудитъ насъ «для новой безсмертной жизни.» — Эта мысль присущна всѣмъ вѣкамъ. — Апостолъ Павелъ такъ говоритъ о безсмертіи: — «Но речетъ кто, како воз«станутъ мертвіи? — Кіимъ же тѣломъ пріидутъ? «Ты еже сѣеши не оживетъ, аще не умретъ. — «Такожде и воскресеніе мертвыхъ. Сѣется въ тлѣ«ніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь, воз«стаетъ въ славѣ; сѣется тѣло душевное, возстаетъ «тѣло духовное.» — (Посланіе къ Коринѳянамъ. Гл. 15 ст. 35 — 44.) Юнгъ, Аддиссонъ, Клопштокъ и

Гердеръ, словомъ, всѣ извѣстные въ областяхъ высокой Поэзіи и Краснорѣчія мужи украсили мысль эту всѣми цвѣтами, приличными роду ихъ сочиненій.

Въ послѣдующихъ строфахъ (разборъ которыхъ приведенъ въ § 11 введенія въ Піитику) пѣвецъ Бога, доказавъ бытіемъ творческимъ — бытіе человѣка, послѣ начинаетъ описывать самого себя:

«Частица цѣлой я вселенной.
«Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
«Срединѣ естества я той,
«Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
«Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
«И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Здѣсь Державинъ мѣтитъ на извѣстное опредѣленіе человѣка философами среднихъ вѣковъ: *nexus utriusque mundi.*

Аддисонъ въ своемъ Зрителѣ подтверждаетъ то же: «Человѣкъ, говоритъ онъ, занимаетъ среднее «мѣсто между естественною и духовною природою, «между видимымъ и невидимымъ міромъ.»... Но что сказать о трехъ послѣднихъ строфахъ? Онѣ превосходны, неподражаемы! — Державинъ, писавъ ихъ, кажется, былъ въ Ангельскомъ восхищеніи. — Можно ли и намъ читать ихъ безъ нѣкоего благоговѣйнаго восторга? можно ли не пролить радостныхъ слезъ при изображеніи высокихъ и утѣшительныхъ истинъ?

Примѣчаніе. На вопросъ: ужели нѣтъ ни малѣйшихъ недостатковъ въ Одѣ: *Богъ*? — будемъ отвѣчать замѣчаніями на эту Оду *Мерзлякова*. — «Державинъ, воспѣвая о величественныхъ свойствахъ «Предвѣчнаго Существа, говоритъ много о пространствѣ, блескѣ, или свѣтѣ, о мѣрѣ и числѣ. — Но «какія отношенія сіи качества вещественныя имѣютъ «къ существу духовному? — Всемогущество, Пре-

Замѣчаніе Мерзлякова объ Одѣ: Богъ.

«мудрость, Благость — вотъ качества, указанныя «намъ самою природою! вотъ понятія о существѣ «непостижимомъ! — Они должны быть главнѣй- «шимъ предметомъ стихотворца, воспѣвающаго Бога, «котораго совершеннѣйшихъ свойствъ не можемъ мы «понять иначе, какъ по отношенію къ намъ самимъ. — «Премудръ, Всемогущъ, Благъ! вотъ что ближе къ «сердцу человѣка. — Свѣтелъ, безмѣренъ въ про- «странствѣ, непостижимъ въ силахъ, хладныя для «него и весьма темныя идеи!»

Другіе сочинители Гимновъ.

§ 58. *Дмитріевымъ* сдѣланныя преложенія псалмовъ суть образцовыя, отличающіяся изяществомъ. — Онъ же написалъ прекрасный *Гимнъ Богу*, въ которомъ особенно замѣчательны по высокости мыслей слѣдующіе стихи:

«Великъ (Богъ) равно Ты въ насѣкомомъ,
«Какъ въ буряхъ, къ намъ ревущихъ съ громомъ
«Съ недосягаемыхъ небесъ.

или

«Ты взоромъ солнцы возжигаешь,
«Ты маніемъ міры вращаешь!
«Ты духомъ Ангеловъ творишь!
«И словомъ, мыслію одною,
«Сію пылинку предъ Тобою,
«Громаду свѣта истребишь!....

Карамзинъ написалъ *Пѣснь Божеству*, отличающуюся благородствомъ мыслей. — *Жуковскаго Гимнъ Богу*, написанный шести-стопными ямбами, отличается изяществомъ слога и благородствомъ чувствованій. — Въ *Опытахъ духовной Поэзіи*, *Ѳ. Глинки*, находятся многіе весьма хорошіе образцы Гимновъ. — Надобно замѣтить, что изъ нынѣшнихъ поэтовъ *Ѳ. Глинка* самый оригинальный. — Онъ не исповѣдуетъ ни классицизма, ни романизма; слогъ его не напоминаетъ ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой

и ровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковскимъ и Батюшковымъ. — Небрежность риѳмъ и слога, обороты то смѣлые, то прозаическіе, простота съ изысканностію, добродушіе, теплота чувствъ, однообразіе мыслей и свѣжесть живописи — все даетъ особенную печать его произведеніямъ.

III. ДИѲИРАМБЪ.

Отличіе древнихъ Диѳирамбовъ отъ Гимна и Оды.

§ 59. Средину между героическими Одами и Гимнами занимаетъ *Диѳирамбъ*, получившій названіе отъ *Бахуса*, при празднествахъ котораго Греки сочиняли и пѣли его. — Онъ былъ нѣкотораго рода Гимнъ, отличавшійся необыкновеннымъ восторгомъ. — А потому, въ Диѳирамбахъ господствуетъ во всемъ пространствѣ лирическій безпорядокъ, смѣлыя картины, новыя слова и обороты въ языкѣ. — Въ нихъ также не наблюдается никакой опредѣленной формы: чѣмъ они не принужденнѣе, тѣмъ болѣе нравятся.— Изобрѣтеніе Диѳирамба приписываютъ Коринѳянамъ.

Извѣстные Греческіе сочинители Диѳирамбовъ.

§ 60. До насъ не дошло ни одного древняго Диѳирамба полнаго. — Къ славнѣйшимъ греческимъ диѳирамбистамъ принадлежали *Лазусъ*, *Периклетъ*, *Филоксенъ* и *Пиндаръ*; сего послѣдняго мы не имѣемъ Диѳирамбовъ, хотя 13 Олимпійская Ода, повидимому, относится къ этому роду стихотвореній. — Римляне, какъ народъ болѣе Грековъ приверженный къ строгой нравственности, не полюбили этого рода Поэзіи.— *Двѣ* только *Гораціевы Оды* сходны съ Диѳирамбами: въ книгѣ второй XIX и въ третьей XXV, изъ которыхъ первая удачно переведена у насъ Державинымъ.

Характеръ нынѣшнихъ Диѳирамбовъ и отличіе ихъ отъ Оды.

§ 61. *Новѣйшіе Диѳирамбы*, сочиненные въ подражаніе греческимъ, по измѣнившимся отношеніямъ и духу времени, непремѣнно должны были потерять свойственный имъ характеръ. — Вообще нынѣ къ Диѳирамбамъ относятся Лирическія стихотворенія, отличающіяся отъ Оды безпорядкомъ въ ходѣ, расположеніи и размѣрѣ. — На русскомъ языкѣ есть замѣчательный Диѳирамбъ: *Возвращеніе Вакха изъ Индіи*, сочиненный нѣмецкимъ поэтомъ *Вилламовымъ* и удачно переведенный *Бенищкимъ*.

IV. ПѢСНЯ.

Содержаніе Пѣсни

§ 62. *Пѣсня* есть выраженіе чувствованій нѣжныхъ, тихихъ, пріятныхъ, не возбуждающихъ въ поэтѣ восторга, или изступленія. А потому, радость при созерцаніи красотъ природы, сладостныя ощущенія дружбы, пріятности общественной и семейной жизни, шутка и забава, обыкновенныя въ кругу ближнихъ, составляютъ содержаніе пѣсней. — Иногда же въ пѣсняхъ выражаются чувствованія горести и унынія, при разлукѣ съ друзьями.

Слогъ и тонъ пѣсни, раздѣленіе ея на куплеты, размѣръ стиховъ.

§ 63. *Слогъ* Пѣсни простой, легкій, естественный и звучный. — Это послѣднее свойство Пѣсни, назначаемой для пѣнія и музыки, должно обращать на себя особенное вниманіе стихотворца. — *Тонъ* Пѣсни есть или страстный голосъ глубокаго чувства, или легкое, очаровательное описаніе и повѣсть. Между тѣмъ и въ самыхъ шуткахъ сочинитель долженъ наблюдать приличіе и скромность. — Пѣсни дѣлятся на *куплеты*, обыкновенно въ 4 стиха. — *Родъ* и *мѣра* стиховъ избираются въ нихъ по существу предмета, и покоряются всѣмъ условіямъ музыки и пѣнія. Иногда въ пѣсняхъ употребляются *припѣвы*, которые послѣ каждаго куплета повторяются.

§ 64. Пѣсня, вѣроятно, составляетъ древнѣйшій родъ стихотвореній: ибо и дикіе утѣшались ею; а притомъ, пастушеская жизнь первобытныхъ людей весьма благопріятствовала успѣхамъ этого рода сочиненій. Греція была богата сочинителями пѣсенъ; но до насъ дошли немногіе отрывки, а большею частію намъ извѣстны одни только имена сочинителей. — Форма и предназначеніе греческихъ пѣсенъ были весьма различны; но замѣчательнѣйшія изъ нихъ назывались *схоліями* или *застольными пѣснями*. — Онѣ были, при неопредѣленномъ размѣрѣ стиховъ, нравственнаго, историческаго, баснословнаго, или смѣшаннаго содержанія; а не рѣдко были пѣты также и за работою, какъ и наши простонародныя пѣсни. — *Линусъ* и *Орфей* начали стихотворное свое поприще сочиненіемъ пѣсенъ; *Θесписъ* прославлялъ виноградъ, Силена и Вакха пѣснями. — Но образцами легкости, затѣйливости и прелести, какъ по содержанію, такъ и по слогу, могутъ быть пѣсни *Анакреоновы*, а по нѣжности — отрывки стихотвореній *Сафо*.

Начало пѣсни Греческіе и Римскіе пѣснопѣвцы.

Лучшіе римскіе пѣснопѣвцы были *Катуллъ* и *Горацій*.

§ 65. Нынѣшнія Пѣсни, по большей части, раздѣляются на *Еротическія*, *Вакхическія* (веселыя — застольныя) и на *Сатирическія* (насмѣшливыя), называемыя у Французовъ *Водевилями*. — Наши русскія Пѣсни дѣлятся: на *военныя*, *плясовыя*, *хороводныя*, *святочныя*, *застольныя* и проч. — Однѣ изъ этихъ Пѣсенъ *старинныя* или простонародныя, ведущія начало свое съ XVI столѣтія, и сочиненныя старымъ размѣромъ, основаннымъ на, такъ называемыхъ, *риторическихъ* удареніяхъ словъ. — Такое народное Русское стихосложеніе, которымъ сочинены сказки и простонародныя пѣсни, можетъ называться *тоническимъ*. Другія же у насъ Пѣсни суть *новѣйшія*, писанныя ямбами, чаще хореями четырехстопными и трехстопными.

Общее раздѣленіе Пѣсенъ въ особенности Русскихъ.

*

Русскіе сочинители Пѣсенъ

§ 66. А. *Сумароковъ* написалъ великое множество пѣсенъ и хоровъ, но низкихъ въ слогѣ и мысляхъ, и давно забытыхъ. — *Богдановичъ* оставилъ нѣсколько пріятныхъ пѣсенъ. Но извѣстнѣйшіе изъ новыхъ сочинителей пѣсенъ: *Дмитріевъ*, *Карамзинъ*, *Мерзляковъ* и *Жуковскій*. Пѣсни Дмитріева лучшія на нашемъ языкѣ. Онъ точно нашелъ этотъ затѣйливый, легкій образъ выраженія, который составляетъ прелесть піесъ этого рода. — Ю. А. *Нелединскій-Мелецкій* писалъ, хотя и весьма немного, превосходнѣйшія новѣйшія любовныя пѣсни; всѣ онѣ исполнены чувствительности и украшены прелестями поэзіи. — Нѣкоторыя пѣсни Б. *Дельвига* отличаются характеромъ и тономъ народности; другія же замѣчательны по единству и силѣ чувства, также простотѣ стиховъ.

V. КАНТАТА и РОМАНСЪ.

Свойство Кантаты и содержаніе ея.

§ 67. *Кантата* (отъ cantare, пѣть) есть стихотвореніе, изобрѣтенное Италіянцами въ XV вѣкѣ. Она назначается для пѣнія и сочиняется въ размѣрѣ, приличномъ къ положенію ея на музыку. — Содержаніемъ Кантаты бываетъ происшествіе историческое, или баснословное, также изображеніе сильной страсти; а потому, она требуетъ такихъ же избранныхъ выраженій, какъ Ода, но отвергаетъ ея безпорядокъ.

Речитативъ и арія.

§ 68. Кантата составляется изъ *речитатива* (повѣствованія) и изъ *арій* (пѣсенъ). *Речитативъ*, содержащій какой либо разсказъ, или описаніе, составляетъ бо́льшую часть Кантаты, пишется шестистопными и вольными стихами, и не имѣетъ надобности въ риѳмахъ. — *Арія* же есть собственно лирическая часть Кантаты, отличающаяся чувствованіемъ и

нѣжностію; пишется стихами въ размѣрѣ, удобномъ къ положенію на голосъ. — У Французовъ *Ж. Б. Руссо* почитается лучшимъ сочинителемъ Кантатъ, изъ которыхъ одна, подъ названіемъ *Цирцея*, весьма удачно переведена на русскій языкъ *Востоковымъ*. — Оригинальныхъ же хорошихъ Кантатъ на нашемъ языкѣ не находится. — Впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, къ Кантатѣ можно причислить стихотвореніе Державина: *Персей* и *Андромеда*.

Отличіе Романса отъ пѣсни, содержаніе его, слогъ и писателя.

§ 69. *Романсъ* есть родъ пѣсни, и отличается отъ оной только тѣмъ, что сочинитель выражаетъ въ немъ не свои собственныя чувствованія, или приключенія, а другаго лица, которое иногда обнаруживаетъ ихъ пѣснію. — *Содержаніе* Романса любовное, героическое, но обыкновенно печальное. Романсы требуютъ *слога* обработаннаго, но не высокопарнаго, и имѣютъ также нѣкоторое сходство съ небольшими Балладами, составляя переходъ отъ поэзіи Лирической къ Повѣствовательной. Въ стихотвореніяхъ *Батюшкова* находятся прекрасные примѣры Романсовъ, какъ-то: *Плѣнный*, *Пѣснь Гаральда Смѣлаго* и проч. *Мерзляковъ* написалъ также очень хорошій Романсъ, подъ названіемъ: *Велисарій*. — Вотъ нѣсколько стиховъ изъ него:

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія. —
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
«Подайте мальчику на хлѣбъ;
«Онъ Велисарія питаетъ! —

* *
*

«Несчастный, за кого въ слезахъ
«Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,

«Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
«Законы подавалъ вселенной;
«Но въ счастіи своемъ равно
«Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ;
«И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
«Не называй меня великимъ! —

* *
*

«Не видя свѣта и людей,
«Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
«И видитъ въ памяти своей
«Народы, вѣки и державы. —
«Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
«Скодь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
«И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
«Сталъ Велисарью благодѣтель!....

VI. ЭЛЕГІЯ.

Назначеніе древнихъ Элегій.

§ 70. Вдревлѣ *Элегію* называли пѣснію печальною, которую поютъ съ флейтою; а потому, это стихотвореніе сначала посвящено было слезамъ и жалобамъ, что̀ доказываетъ и самое производство слова: *Элегія*. — Въ послѣдствіи, содержаніе Элегіи измѣнилось, такъ что не однѣ стенанія и жалобы, но нѣжныя и даже веселыя ощущенія ею были выражаемы. — Это видно изъ слѣдующихъ стиховъ Горація:

«Versibus impariter junctis quaerimonia primum;
«Post etiam inclusa est voti sententia compos.

Содержаніе нынѣшнихъ Элегій

§ 71. Нынѣ подъ *Элегіею* разумѣютъ лирическое стихотвореніе, изображающее смѣшенное чувствованіе печали и радости, чувствованіе сладостнаго уныніе, возбуждаемаго въ душѣ о утраченномъ какомъ либо

благѣ. Симъ-то изображеніемъ двухъ различныхъ чувствованій — радости и печали, Элегія отличается отъ прочихъ лирическихъ стихотвореній.

§ 72 Предметы Элегіи: печаль по утраченныхъ друзьяхъ, несчастная и безнадежная любовь, мысли о превратности всего земнаго, собственныя и чуждыя страданія и т. п. Отъ того и тонъ Элегіи состоитъ въ нѣкоторой томности, непозволяющей стихотворцу прійти въ сильный восторгъ. Симъ-то спокойнымъ выраженіемъ чувствованій Элегія отличается отъ Оды. Предметы Элегіи, тонъ ея и отличіе отъ Оды.

§ 73. Элегіи пишутся *слогомъ* простымъ. Въ нихъ нѣтъ сильныхъ картинъ и сравненій, а господствуетъ языкъ сердца. — Все, что изумляетъ, что терзаетъ, отнюдь несвойственно Элегіямъ; даже самыя ощущенія любви, когда они насильственны и жестоки, бываютъ болѣе содержаніемъ Трагедіи. — Напротивъ, печаль и радость тогда только могутъ быть предметомъ Элегіи, когда уже пройдетъ, такъ сказать, первый ихъ пылъ; а только, при воспоминаніи ихъ, раждаются въ душѣ болѣе услаждающія, нежели волнующія ощущенія. Слогъ Элегіи

§ 74. Древнія Элегіи сочиняемы были въ смѣшенныхъ *Экзаметрахъ* и *Пентаметрахъ*. Но неизвѣстно, кто первый далъ Элегіи такую форму, и самъ Горацій говоритъ: Древній и новѣйшій размѣры Элегій.

«Quis tamen exiguos elegos emiserat auctor,
«Grammatici certant, et adhuc sub judice lis est.

Въ новѣйшихъ языкахъ старались замѣнить древній размѣръ *Александрійскими* стихами, также *пятистопными* ямбами, или избирали другіе роды стиховъ.— Наши поэты употребляютъ въ Элегіяхъ различные размѣры.

§ 75. Отъ *Грековъ* дошли до насъ немногіе отрывки въ стихахъ элегическихъ. Къ нимъ относятъ Греческіе Элегиче-

скіе писатели.

военныя пѣсни Тиртея, не имѣющія впрочемъ ничего общаго съ позднѣйшими Элегіями, и нѣсколько стиховъ *Мимнерма*, который, какъ полагаютъ, первый началъ описывать въ Элегіи любовь, и которому Проперцій отдаетъ преимущество въ нѣжности даже предъ Омиромъ, говоря: *plus in amore valet Mimnermi versus Homero.* Элегіи же *Каллимаха* и *Филета* намъ извѣстны только потому, что Древніе отзывались о нихъ съ особенною похвалою. — Вообще объ Элегіяхъ греческихъ мы знаемъ только изъ подражанія имъ Римлянъ.

Римскіе Элегическіе писатели.

§ 76. Въ цвѣтущія времена *Римской* поэзіи жили превосходные элегическіе писатели: *Катуллъ*, *Тибуллъ*, *Овидій* и *Проперцій*.

Катуллъ.

Двѣнадцать отрывковъ, написанныхъ со вкусомъ и исполненныхъ пріятности, помѣстили *Катулла* въ число любезнѣйшихъ поэтовъ. Безпристрастные цѣнители стиховъ его, знаютъ ихъ наизустъ, и Расинъ часто говаривалъ объ нихъ съ восхищеніемъ. — Эпизодъ Аріадны, оставленной на островѣ Наксѣ, составляющій часть брачной пѣсни Ѳетидѣ и Пелею, есть изъ числа тѣхъ немногихъ отрывковъ, въ коихъ Древніе съ великимъ искусствомъ заставляли говорить любовь. — Лучшею для *Катулла* похвалою служитъ то, что Виргилій въ 4-й книгѣ Энеиды занялъ у него мысли, выраженія и даже цѣлые стихи. — Аріадна *Катуллова* послужила украшеніемъ Дидонѣ Виргилія. Книга его, посвященная Корнелію Непоту, не содержитъ и ста страницъ, но Катулла содѣлала безсмертнымъ.

Овидій

Сочиненія и несчастія *Овидія* равно прославили его. Потомство наслаждается одними, но причины другихъ не знаетъ. — Элегіи *Овидіевы* хотя и писаны были въ златое время Римской поэзіи; но всѣ онѣ, исключая 3-й Элегіи, посредственны. Въ нихъ, къ

единообразію предмета, присоединяется единообразіе слога; чувствительности въ нихъ очень мало, но ума слишкомъ много. — Конечно, Элегіи его лились изъ сердца, но безъ поэтическаго духа. Онъ жаждалъ возвратиться въ Римъ, и всевозможною лестію старался преклонить Августа къ милости. — *Овидіевы* Элегіи подали поводъ новѣйшимъ имѣть ложныя мнѣнія объ этомъ родѣ стихотвореній. Плачъ, вой, сѣтованія выдавали себя за Элегіи. — Нѣкоторыя Овидіевы Элегіи, писанныя къ извѣстнымъ лицамъ, имѣютъ названіе: *Epistolae ex ponto;* но ничѣмъ не отличаются отъ книгъ: *Tristium.*—Прямой піитическій характеръ Овидія и веселость воображенія его обнаруживаются во всей силѣ въ его *Превращеніяхъ* (Metamorphoseon), занимающихъ отличное мѣсто между произведеніями древности. Любители отвлеченностей, блуждая по раскрашенному лабиринѳу *Превращеній*, не скажутъ ли: безсмертенъ Овидій? *).

Тибуллъ.

Августъ Тибуллъ изъ всѣхъ древнихъ поэтовъ есть единственный, котораго образъ чувствованія такъ соединенъ съ романтическимъ, что могъ бы легко почесться поэтомъ новѣйшимъ. — Его поэзія имѣетъ нѣчто мечтательное, чего напрасно бъ сталъ кто искать у другихъ поэтовъ древности. Его живѣйшее чувство къ сельской жизни вездѣ обнаруживается. Его нарѣчіе дышитъ удивительною нѣжностію и пріятностію. Слогъ его весьма легокъ, вкусъ чистъ, образъ выраженія безъ погрѣшности и столь плѣнительный, что въ переводѣ изобразить весьма трудно.

Проперцій.

Проперцій есть одинъ изъ остроумнѣйшихъ поэтовъ и труднѣйшихъ для подражанія. Въ его Элегіяхъ способъ сочиненія и образъ чувствованія совершенно древніе; въ немъ примѣтно геніяльное соеди-

*) Отрывки изъ Превращеній Овидія удачно переведены на русскій языкъ Г. Деларю. — Стихи его гладки и звучны.

неніе торжественнаго съ шуточнымъ. Онъ неисчерпаемъ въ веселыхъ мысляхъ и оборотахъ.

Русскіе сочинители Элегій

§ 77. А. *Сумароковъ* первый у насъ писалъ Элегіи, приложивъ къ нимъ эпиграфъ:

«Противнѣе всего Элегіи притворство,
«И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство.

И ни въ одномъ стихѣ не оправдалъ своего эпиграфа. Нынѣ въ Элегіяхъ, какъ въ выраженіи тоски душевной и стремленіи въ міръ лучшій, пальма первенства принадлежитъ *Жуковскому*. Онъ началъ литературное свое поприще переводомъ Греевой Элегіи: *Сельское Кладбище*, и тогда уже показалъ, что истинное выраженіе возвышенныхъ помысловъ и искреннихъ чувствъ гармоническими стихами, есть удѣлъ Жуковскаго.— Къ отличнымъ писателямъ Элегій должно также отнести *Батюшкова* и *Баратынскаго*. *Умирающій Тассъ*, *Переходъ чрезъ Рейнъ*, *Развалины замка въ Швеціи*, остались у насъ памятниками самороднаго дарованія Батюшкова. —

О Героидѣ.

Опредѣленіе Героиды, отличіе ея отъ Элегіи, размѣръ и слогъ.

§ 78. Элегіи, которыя пишутся не отъ имени сочинителя, а отъ одного извѣстнаго, или какого либо вымышленнаго лица, къ другому такому же, называются *Героиды*.— А потому *Героида* собственно есть письмо, или посланіе о несчастныхъ приключеніяхъ, соединяемыхъ съ страстною любовію. Но піитическій ея характеръ, по мнѣнію Буттервека, почти одинъ съ характеромъ Элегіи. — *Героиды* обыкновенно пишутся шестистопными *ямбами*, и требуютъ слога возвышеннаго, гдѣ бы любовь, досада, стыдъ, ревность, печаль, ненависть и отчаяніе живо изображены были.

§ 79. *Овидій* первый изобрѣлъ и привелъ въ совершенство Героиды, а до него этотъ родъ стихотвореній не былъ извѣстенъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ. Лучшими изъ Героидъ Овидія почитаются: *Дидона къ Энею, Сафо къ Фаону, Пенелопа къ Улиссу, Парисъ къ Еленѣ, Медея къ Язону.* — У насъ А. *Сумароковъ*, пытавшійся писать почти во всѣхъ родахъ словесности, упражнялся также въ сочиненіи Героидъ. — *Гнѣдичъ* написалъ извѣстное стихотвореніе, въ родѣ Героиды: *Перуанецъ къ Испанцу.* — *Мерзляковымъ* удачно переведена Овидіева Героида: *Пенелопа къ Улиссу.* Исчисленіе лучшихъ Овидіевыхъ Героидъ.

VII. ПОСЛАНІЕ.

§ 80. Каждый родъ стихотвореній имѣетъ особенное свойство, какъ-то: Ода — торжественность, Пѣсня — нѣжность, Басня — простоту, Сатира — колкость, Элегія — уныніе и т. д. Въ одномъ только *Посланіи* (*Эпистолѣ*) многіе роды вмѣстѣ смѣшиваются: ибо оно можетъ быть страстнымъ и поучительнымъ, шутливымъ, печальнымъ и нерѣдко язвительнымъ; отъ того *Посланіе* и относятъ къ разнымъ родамъ Поэзіи: лирическому, дидактическому и повѣствовательному. — Но такъ какъ главное свойство Посланія есть выраженіе чувствованій сочинителя; по этой причинѣ, оно и отнесено здѣсь къ лирическимъ стихотвореніямъ. Почему Посланіе болѣе относится къ Лирической поэзіи?

§ 81. Подъ *Посланіемъ* собственно разумѣется философское, или литературное письмо въ стихахъ. Содержаніемъ его бываетъ изображеніе различныхъ чувствованій, мыслей, а иногда и описаніе происшествій, — и вообще все, что входитъ въ составъ обыкновенныхъ писемъ, съ тою только разностью, что пишущій Посланіе имѣетъ въ виду всѣхъ своихъ читателей, а не того одного, къ которому пишетъ. Опредѣленіе Посланія и содержаніе.

Слогъ Посланій и размѣръ стиховъ, въ нихъ употребляемые.

§ 82. *Слогъ* Посланія измѣняется по предметамъ, о которыхъ пишется, и по лицамъ, къ которымъ дѣлается обращеніе; а потому, онъ бываетъ то возвышенный, то шутливый, то важный; но вообще онъ долженъ быть легокъ и благороденъ. Римляне употребляли въ Посланіяхъ экзаметры и элегическіе стихи; Французы пишутъ ихъ Александрійскими стихами, а Англичане пятистопными ямбами, оканчивающимися риѳмами. — Наши сочинители Посланій, для большей свободы, избираютъ стихи не равной мѣры, или шестистопные, пятистопные и четырестопные ямбы.

Раздѣленіе Посланія по содержанію.

§ 83. Посланіе раздѣляется на разные роды: *нравоучительное*, гдѣ прославляются добрые нравы и представляются примѣры, достойные подражанія; таково *Посланіе къ Тургеневу* — Муравьева и *Посланіе къ Плещееву* — Карамзина. Если же такого рода Посланія содержатъ критику противъ пороковъ и странностей людскихъ; то онѣ причисляются къ Сатирамъ, какъ на прим. Княжнина Посланіе *отъ Ривмоскрыпова дяди*; Фонъ Визина *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*. Но когда Посланіе касается ученаго предмета; то принимаетъ видъ поэмы дидактической; таково письмо Ломоносова къ Шувалову *о пользѣ стекла*. Иногда же Посланія выражаютъ кроткія страсти, нѣжность, дружество; что̀ можно видѣть у Карамзина въ *Посланіи къ Женщинамъ*, и у Жуковскаго въ Посланіи къ *Батюшкову*. — Наконецъ Посланіе, описывающее любовь, печаль, отчаяніе, принадлежитъ къ Элегіямъ, либо къ Героидамъ.

Сочинители Посланій.

§ 84. Посланіе (эпистола) едва ли въ Греціи получило свое начало: ибо Греки не любили стихотвореній, сближающихся съ прозою. Мы не знаемъ древнѣйшихъ, кромѣ *Гораціевыхъ*, которыя послужили образцами многимъ новѣйшимъ; самъ же *Горацій*, ка-

жется, никому не подражалъ, и его Посланія въ древней словесности единственныя, и различаются отъ Сатиръ только недѣлимымъ своимъ направленіемъ. — *Овидій* и *Авзоній* оставили также хорошіе образцы римскихъ Эпистолъ. Въ новѣйшія времена Посланіе было возстановлено Французами. *Клеманъ-Маро* первый писалъ Посланія, подражая Горацію.— Боало̀ еще сдѣлался любезнѣе публикѣ Посланіями; нежели Сатирами. На русскомъ языкѣ лучшія Посланія писаны *Дмитріевымъ*, *Карамзинымъ*, *Жуковскимъ*, *Батюшковымъ*, М. Н. *Муравьевымъ*, Кн. *Вяземскимъ* и *Пушкинымъ*.

VIII. БАЛЛАДА.

Происхожденіе Баллады и различное употребленіе ея у Нѣмцевъ и Италіянцевъ

§ 85. *Баллада* — стихотвореніе, неизвѣстное Древнимъ и изобрѣтенное Италіянцами. У нихъ она не иное что есть, какъ плясовая пѣсня, имѣющая только на концѣ *обращеніе* къ какому нибудь присутствующему, или отсутствующему лицу. — *Ballo* на Италіянскомъ языкѣ значитъ *пляска*. — У Нѣмцевъ Баллада состоитъ въ повѣствованіи о какомъ либо любовномъ, или несчастномъ приключеніи, и отличается отъ Романса наиболѣе тѣмъ, что всегда основана бываетъ на *чудесномъ*. — Хотя Буттервекъ, ихъ эстетикъ, полагаетъ, что содержаніе Баллады непремѣнно берется изъ отечественныхъ происшествій; но это не всегда наблюдается.

Содержаніе нынѣшнихъ Балладъ и отличіе отъ лиро-эпическ-

§ 86. У насъ обыкновенно *Балладою* называютъ романическо-лирическое стихотвореніе, имѣющее наружный видъ пѣсни. А потому, Баллада по формѣ своей относится къ поэзіи Лирической, а по содержанію къ Эпической. — Но отъ лиро-эпическихъ стихотвореній отличается тѣмъ, что въ нихъ содержаніе берется изъ древности (что видно изъ начала

ихъ стихотворенія. стихотвореніи: *Ермакъ*), также изъ Исторіи и замѣчательныхъ событій настоящаго времени; тогда какъ въ Балладѣ изображаются характеры и событія рыцарскихъ временъ, баснословныя преданія, или обыкновенные случаи, встрѣчающіеся въ этой жизни, или взятые изъ піитическаго міра. Потому-то сочинители Балладъ заставляютъ въ нихъ дѣйствовать богатырей, волшебниковъ, добрыхъ и злыхъ духовъ, привидѣнія, и прочія существа, соотвѣтствующія, сколько нибудь, повѣрью народному.

Слогъ Баллады, тонъ ея и размѣръ. § 87. Главныя свойства *слога* Балладъ: естественность, легкость, пріятность, игривость, затѣйливость. Вообще сочинителю Балладъ необходимы богатое воображеніе, глубокое чувство и особенная мечтательность, имѣющая вліяніе на дѣйствіе и тонъ разсказа. — *Тонъ* же Баллады — унылый, томный, не рѣдко трагическій, или комическій, а иногда грозный и угрюмый, смотря по изображаемымъ предметамъ.— *Жуковскій*, отличный сочинитель нашихъ Балладъ, употреблялъ въ нихъ размѣръ, по большей части, ямбическій; но прелестная его Баллада: *Свѣтлана* — написана размѣромъ хорепическимъ. — *Пушкинъ* въ народной своей Балладѣ: *Наташа*, доказалъ, до какой степени онъ освоился съ русскимъ духомъ.

IX. ЛИРОЭПИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

§ 88. *Лироэпическими стихотвореніями* называются тѣ, которыя, по формѣ своей, слогу и краткости, принадлежатъ къ поэзіи Лирической, а по содержанію къ поэзіи Эпической. — Они бываютъ нѣсколько длиннѣе Одъ и Гимновъ, но могутъ быть прочтены однимъ разомъ.

Содержаніе ихъ, § 89. Въ Лироэпическихъ стихотвореніяхъ поэтъ, увлеченный занимательностію и важностію предмета

своего, не довольствуется изліяніемъ однихъ чувствованій, но вводитъ дѣйствующія лица, и повѣствуетъ о великихъ событіяхъ древности, или настоящаго времени. — Стихотворенія сіи пишутся размѣромъ лирическимъ, но не всегда дѣлятся на строфы. — Образцы же ихъ находятся у *Державина*, а особенно въ стихотвореніяхъ *Дмитріева*: *Ермакъ* и *Освобожденіе Москвы*. размѣръ и писатели.

Къ этому же роду стихотвореній, въ нѣкоторомъ отношеніи, принадлежитъ извѣстное произведеніе Жуковскаго: *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, отличающееся пламеннымъ и сильнымъ восторгомъ, смѣлыми картинами, разительными переходами отъ одного предмета къ другому. — Исчислять другія красоты этого единственнаго у насъ творенія, значило бы выписать его вполнѣ; а потому, мы ограничимся только краткими о немъ замѣчаніями.

§ 90. Стихотвореніе: *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, можетъ быть раздѣлено на три части, или пѣсни. — Покажемъ ходъ ихъ. — *Первая пѣснь* начинается слѣдующею картиною: ночь водворила спокойствіе въ станѣ Русскихъ воиновъ, и луна сребристыми лучами своими освѣщаетъ долину, на которой расположенъ станъ. Пѣвецъ, вдохновенный священнымъ чувствомъ, уклоняется въ тихое уединеніе, дабы минуты сіи посвятить Музамъ, и, при звукахъ лиры, воспѣть пѣснь свою. — Бряцаніе струнъ возбуждаетъ вниманіе воиновъ; они спѣшатъ предаться наслажденію, составляютъ братскій кругъ около пѣвца, который начинаетъ пѣснь свою: Разборъ стихотворенія Жуковскаго: Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ.

«На полѣ бранномъ тишина!
«Огни между шатрами!
«Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
«Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!
«Наполнимъ кубокъ круговой!
«Дружнѣе руку въ руку!

«Запьемъ виномъ кровавый бой,
«И съ падшими разлуку!

Далѣе слѣдуетъ другая величественная картина! — Тогда какъ пѣвецъ, среди нѣсколькихъ своихъ ратныхъ сподвижниковъ, посвящаетъ кубокъ воспоминанію *чадамъ древнихъ лѣтъ*, въ это время *тѣни* великихъ вождей представляются въ видѣ несущихся призраковъ *надъ шатрами:*

«Смотрите, въ грозной красотѣ,
«Воздушными полками,
«Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
«Надъ нашими шатрами!

Въ тѣняхъ сихъ изображаются *Святославъ*, *Димитрій Донской* и *Петръ Великій*. — Воины уже готовы были слѣдовать влеченію сердецъ своихъ, при видѣ представившихся имъ героевъ древности; но внезапно поражаются изумленіемъ, при восклицаніи пѣвца:

«Но кто сей рьяный великанъ,
«Сей Витязь полуночи?
«Друзья! на спящій вражій станъ
«Вперилъ онъ страшны очи! — и т. д. . .

Но они не долго были въ этомъ изумленіи; имъ открылся знакомый ликъ отца-героя, и всѣ воскликнули:

«О горе, горе сопостатъ!
«То грозный нашъ *Суворовъ!*

Пѣвецъ оканчиваетъ *первую пѣснь* свою принесеніемъ хвалы почившимъ героямъ:

«Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
«Хвала вамъ, чада славы!
«Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
«Бѣжимъ на пиръ кровавый! . . . и т. д.

Вторую пѣснь начинаетъ пѣвецъ посвященіемъ кубка *Отечеству*. — Исчисливъ прелести родины, говоритъ о чувствахъ, обязывающихъ каждаго любить отечество свое.

«Тамъ все! тамъ рождшихъ милый домъ, . . .
«И сонмъ друзей безцѣнный,
«И царскій тронъ, и прахъ царей,
«И предковъ прахъ священный! . . .

И воины въ сладостномъ восторгѣ повторяютъ восклицаніе пѣвца:

«За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
«На вражьи грянемъ силы:
«Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
«Зажгутъ отцевъ могилы!

Потомъ посвящается кубокъ *Царю*, вмѣстѣ съ обѣтомъ непоколебимой къ Нему преданности, выраженной въ слѣдующихъ стихахъ:

«Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
«Цвѣти твоя Держава!
«Священный тронъ Твой — намъ олтарь!
«Предъ нимъ обѣтъ нашъ — слава!
Не измѣнимъ: мы отъ отцевъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О Царь! здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!

Далѣе пѣвецъ, изобразивъ свойства достойнаго воина, обращаетъ пѣснь свою къ прославленію знаменитыхъ нашихъ полководцевъ, увѣковѣчившихъ незабвенными своими подвигами славу нашего отечества. — Прославленіе начинаетъ онъ съ имени спасителя отечества *Князя К. Смоленскаго;* — и потомъ воспѣваетъ хвалу прочимъ сподвижникамъ — вождямъ: *Раевскому, Ермолову, Витгенштейну, Милорадовичу, Коновницыну, Платову, Бенигсену, Тормасову, Ворон-*

цову и другимъ героямъ. Нѣкоторые изъ нихъ и донынѣ еще украшаютъ славное воинство Россійское.

Въ заключеніе пѣсни, относящейся къ прославленію знаменитыхъ вождей, пѣвецъ вмѣстѣ съ воинами, обращаясь къ нимъ, восклицаетъ:

«Вожди Славянъ, хвала и честь!
«Свершайте истребленье!
«Отчизна къ вамъ взываетъ: месть!
«Вселенная: спасенье!

Воздавъ хвалу именамъ сподвижниковъ — вождей, пѣвецъ обращаетъ кубокъ свой въ *воспоминаніе героевъ*, павшихъ на полѣ чести за Вѣру, Царя и отечество:

«Друзья, кипящій кубокъ сей
«Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ!
«Уже не придутъ въ сонмъ друзей;
«Не станутъ въ ратномъ строѣ;
«Ихъ празденъ мечъ; безмолвенъ щитъ;
«Ихъ ратники унылы;
«И сиръ могучихъ конь стоитъ
«Близъ тихой ихъ могилы!

Сколь трогательно изображена потеря падшихъ вождей *Багратіона*, *Кульнева* и *Кутайсова!* Миръ священному праху вашему, незабвенные герои! Воспоминаніе о васъ никогда не изгладится изъ благородной памяти отечества; и всегда, всегда,

«При вашемъ имени вскипитъ
«Въ вождѣ ретивомъ пламя;
«Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
«И водрузитъ тамъ знамя!

Этими стихами оканчивается *вторая пѣснь* разсматриваемаго нами стихотворенія.

Третья пѣснь, или часть Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ, начинается посвященіемъ кубка *мщенію*,

праведному мщенію, долженствующему обратиться на истребленіе злодѣйскихъ полчищъ въ нѣдрахъ любезнаго нашего отечества.— Сколь поразительны слѣлующія слова, повторяемыя за пѣвцомъ воинами:

«Отвѣдай, хищникъ, что сильнѣй:
«Духъ алчности, иль мщенье?
«Пришлецъ! мы въ родинѣ своей;
«За правыхъ Провидѣнье!

Столь же плѣнительно описаніе сладостнаго чувства *дружбы*, какъ одного изъ небесныхъ благъ, ниспосланнаго для утѣшенія благородныхъ сердецъ:

«Блаженъ! кому Создатель далъ
«Усладу жизни — друга!
«Съ нимъ счастье вдвое; въ скорбный часъ
«Онъ сердцу утѣшенье;
«Онъ наша совѣсть; онъ для насъ
«Второе Провидѣнье! —

Потомъ пѣвецъ подноситъ кубокъ въ дань *Музамъ*, желая какъ бы тѣмъ изобразить могущество Поэзіи, и воздать достойную хвалу *любимцамъ Музъ*.

«Пѣвцы — сотрудники вождямъ;
«Ихъ пѣсни — жизнь побѣдамъ;
«И внуки, внемля ихъ струнамъ,
«Въ слезахъ дивятся дѣдамъ!

Съ воспоминаніемъ о *Болиѣ*, что:

. . . «Арфой ополченный
«Леталъ предъ строями Славянъ,
«И гимнъ гремѣлъ священный . . .

родилось воспоминаніе о *Ломоносовѣ*:

«Петру возникъ среди снѣговъ
«Пѣвецъ податель славы. . .

Вмѣстѣ съ тѣмъ кратко, но сильно, выражена хвала безсмертному пѣвцу Фелицы:

«О Камскія дубравы,
«Гордитесь! вашъ *Державинъ* сынъ!
«Готовь свои перуны,
«Суворовъ, чудо — исполинъ —
«*Державинъ* грянетъ въ струны! —

Послѣ того, поэтъ, сдѣлавъ весьма приличное и умилительное обращеніе къ тогдашнему своему положенію, исполненный нѣкоего внезапнаго вдохновенія, восклицаетъ:

«Подымемъ чашу!... Богу силъ!
«О братья, на колѣна!
«Онъ искони благословилъ
«Славянскія знамена! —
«О братья! взоры къ небесамъ!
«Тамъ, жизни сей награда!
«Оттоль Отецъ, незримый намъ,
«Гласитъ: мужайтесь чада!

Нельзя не замѣтить слѣдующаго за тѣмъ краткаго, но поразительнаго описанія *кончины воина*, павшаго на полѣ славы съ надеждою на *безсмертіе*:

«Блаженъ, кого постигнулъ бой!
«Пусть долго, съ жизнью хилой,
«Старикъ трепещущей ногой
«Влачится надъ могилой....
«Сынъ брани мигомъ ношу въ прахъ
«Съ могучихъ плечъ свергаетъ,
«И бодръ на молнійныхъ крылахъ
«Въ міръ лучшій улетаетъ! —

И тогда, какъ пѣвецъ, въ концѣ пѣсни своей, прелестно изобразивъ *добродѣтели*, долженствующія отличать воина, обращается съ благоговѣйнымъ моленіемъ къ *Богу*, поборнику правыхъ, уже начинаютъ появляться первые лучи солнца — предвѣстники грозной битвы. — Вотъ какъ изображена величественно-прекрасная *картина восхожденія солнца*:

«Но свѣтлыхъ облаковъ гряда
«Ужъ утро возвѣщаетъ;
«Уже восточная звѣзда
«Надъ холмами играетъ;
«Рѣдѣетъ сумракъ; сквозь туманъ
«Проглянули равнины,
«И дальній лѣсъ, и тихій станъ
«И спящія дружины. —

Наконецъ, послѣ живѣйшаго изображенія *тревоги*, появившейся во всемъ станѣ отъ *вѣстоваго перуна*, пѣвецъ торжественно восклицаетъ къ окружавшимъ его воинамъ:

«Друзья! *прощанью* кубокъ сей!
«И смѣло въ бой кровавой
«Подъ вихорь стрѣлъ, на рядъ мечей,
«За смертью, иль за славой!....»

X. МЕЛКІЯ ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

а. Мардигалъ.

§ 91. *Мадригалъ* есть родъ небольшаго стихотворенія, въ которомъ острая мысль, обыкновенно при концѣ выражаемая, должна непремѣнно рождаться отъ нѣжности и чувствительности, а не отъ колкости и язвительности, что̀ свойственно только Эпиграммѣ, осмѣивающей людскія странности. Разность Мадригала съ Эпиграммою удачно выразилъ *Дмитріевъ* въ сихъ стихахъ: Отличіе Мадригала отъ Эпиграммы

«Поэтъ Оргонъ, хваля жену свою не въ мѣру,
«Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ; —
«Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ Мадригалъ,
«И Эпиграмму на Венеру. —

Число стиховъ, назначаемое для Мадригала, слогъ его, размѣръ и писатели.

§ 92. *Мадригалъ* выражается иногда въ двухъ, четырехъ, шести стихахъ, но не долженъ имѣть болѣе двѣнадцати. — Отличительныя свойства *слога* его легкость, пріятность и затѣйливость. Пишется, по большей части, вольными ямбическими стихами. — Древнимъ не было извѣстно слово *Мадригалъ*, хотя многія мелкія сочиненія *Сафы, Овидія, Катулла* и *Тибулла*, по нѣжности и пріятности своей, могли бы назваться прекрасными Мадригалами. Странно, что нѣкоторые наши стихотворцы: *Тредьяковскій*, А. *Сумароковъ, Николевъ*, писали Мадригалы на нѣкоторые торжественные случаи, какъ то: на *взятіе Бендеръ*, на *побѣду при Кагулѣ*, а Тредьяковскому вздумалось написать Мадригалъ даже въ *похвалу аудіенцъ-залѣ*.

b. Тріолетъ.

Содержаніе Тріолета и наружный составъ стиховъ его.

§ 93. *Тріолетъ*, изобрѣтеніе Французовъ, имѣетъ предметомъ изображеніе острой и нѣжной мысли. Собственно Тріолетъ можно назвать стихотворною игрушкою, состоящею изъ восьми стиховъ равной мѣры и на двѣ риѳмы; четвертый стихъ есть повтореніе перваго, а седьмой и осьмой повтореніе перваго и втораго. — Наши поэты употребляютъ въ Тріолетахъ почти всегда четверостопныя ямбы. — Вотъ примѣръ:

«Какъ годъ тебѣ еще свершится,
«Опасна будешь ты сердцамъ!
«Съ свободой не одинъ простится,
«Какъ годъ тебѣ еще свершится!
«Блестящимъ прелестямъ курится
«На свѣтѣ вѣчно ѳиміамъ;
«Какъ годъ тебѣ еще свершится,
«Опасна будешь ты сердцамъ! —

c. Сонетъ.

§ 94. *Сонетъ*, изобрѣтеніе Италіянцевъ, отличается отъ другихъ Лирическихъ стихотвореній не содержаніемъ, а *формою*. — Онъ состоитъ изъ 14-ти стиховъ, раздѣленныхъ на 4 строфы; изъ нихъ первыя двѣ заключаютъ по четыре, а послѣднія по три стиха. Первыя двѣ строфы пишутся на двѣ только рѳмы, полагаемыя черезъ стихъ; третья строфа начинается двумя особенными рѳмами, но такъ, что третій стихъ ея соотвѣтствуетъ рѳмою второму стиху послѣдней строфы; первый же и окончательный стихи послѣдней строфы имѣютъ особливую рѳму. Трудность наружнаго составленія Сонета подала мысль *Боало* сказать: «Un sonnet sans defaut vaut seul un «grand poëme! — Содержаніемъ же его можетъ быть выраженіе чувствованій нѣжныхъ, мечтательныхъ, а иногда и высокихъ мыслей. Наши стихотворцы мало занимались сочиненіемъ Сонетовъ, болѣе приличныхъ звучнымъ языкамъ южной Европы. — Впрочемъ, любопытно прочесть *Сонетъ*, приведенный для образца въ *Піитикѣ Рижскаго*. — *Тредьяковскій* нѣкогда вздумалъ перевести съ Французскаго *Сонетъ* Г. *де-Барро*, считающійся отличнымъ, помѣстивъ его въ своихъ Правилахъ Піитическихъ, 1735 года.

Наружный составъ Сонета и содержаніе.

d. Рондо.

§ 95. *Рондо* (отъ Франц. слова *rond* круглый) самымъ названіемъ показываетъ, что оно изобрѣтено Французами, которые назначили для него довольно трудную форму; отъ точнаго соблюденія ея зависитъ и достоинство этого стихотворенія. — У Французовъ *Рондо* обыкновенно составляется изъ 13-ти стиховъ, раздѣленныхъ на три неравныя строфы и имѣющихъ только двѣ рѳмы, т. е. 8 мужескихъ и 5 женскихъ, или 8 женскихъ и 5 мужескихъ одного окончанія.

Форма, назначенная Французами для Рондо и содержаніе.

Притомъ два, или три начальныхъ слова строфы (а иногда одно), повторяются въ окончаніи ея, и служатъ какъ бы припѣвомъ. — *Содержаніе* Рондо бываетъ важное и шуточное. Въ русской поэзіи это стихотвореніе весьма рѣдко встрѣчается; а притомъ, наши стихотворцы позволяютъ въ немъ большую себѣ противъ Французовъ свободу, наблюдая повтореніе начальныхъ только словъ, какъ напримѣръ:

«*Я счастливъ былъ* во дни невинности безпечной,
«Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ. —
«О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?
Я счастливъ былъ. —

* * *

«*Я счастливъ былъ* во дни волшебствъ, очарованій,
«Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
«Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я счастливъ былъ.... и т. д....

Дмитріевъ.

е. Эпиграмма.

Значеніе Эпиграммы у Древнихъ.

§ 96. *Эпиграмма*, греческое слово, значитъ *надпись*. — Въ древнія времена, Эпиграммы были не иное что, какъ надписи, высѣкаемыя на лицевой сторонѣ храмовъ, на подножіяхъ статуй, на могилахъ и другихъ народныхъ памятникахъ; но послѣ стали употреблять ихъ для преданія потомству вкратцѣ какого либо происшествія, или для описанія чьего либо нрава; и хотя предметъ ихъ измѣнился, но названіе свое онѣ сохранили.

Содержаніе нынѣшнихъ Эпиграммъ и части.

§ 97. *Эпиграмма*, принимаемая въ нынѣшнемъ ея значеніи, есть небольшое Сатирическое стихотвореніе, въ которомъ выражена острая, колкая мысль, имѣющая цѣлію изобразить людей и дѣла ихъ со стороны нравственнаго ихъ несовершенства. Всякая

Эпиграмма содержитъ въ себѣ двѣ части: 1) *предложеніе* предмета, или вещи, произведшей мысль, и 2) *самую мысль*, или *острое слово*; что вмѣстѣ можно назвать *узломъ* и *развязкою*. — Предложеніе излагается просто, ясно, и должно возбудить вниманіе читателя; а острая мысль выражается кратко, и поражаетъ своею неожиданностію.

Размѣръ стиховъ и наружная форма Эпиграммъ

§ 98. Эпиграмма можетъ принимать видъ важный, шутливый, кроткій и язвительный, не касаясь однакожъ ни чьей личности. — Въ ней употребительны стихи вольные и одномѣрные обыкновенно размѣра *ямбическаго*. — Греки и Римляне писали свои Эпиграммы элегическими и ямбическими стихами. — Но наружная *форма* Эпиграммы совершенно зависитъ отъ произвола сочинителя: онъ можетъ помѣстить въ ней разсказъ, описаніе и даже разговоръ. — Вотъ примѣры Эпиграммъ, изложенныхъ въ видѣ *разговора*:

Я разорился отъ воровъ!
«Жалѣю о твоемъ я горѣ.»
Украли пукъ моихъ стиховъ.
«Жалѣю я объ ворѣ.»

Дмитріевъ.

или:

«Ты ль это Боало?... Какой смѣшной нарядъ!
Тебя узнать не льзя: совсѣмъ перемѣнился.»
— Молчи! нарочно я Графовымъ нарядился:
Сбираюсь въ маскарадъ.

Дмитріевъ на переводъ поэмы: L'art poëtique.

О Греческой Анѳологіи, о Римскихъ и Рус-

§ 99. Древнѣйшее собраніе Эпиграммъ есть *Греческая Анѳологія*, или цвѣтникъ, въ которомъ сохранились прекраснѣйшія сочиненія многихъ стихотворцевъ. — Богатѣйшій изъ древнихъ поэтовъ острыми и рѣзкими Эпиграммами есть Римлянинъ *Мар-*

скихъ эпиграмматистахъ.

ціалъ. *) Кромѣ его сочиненій, различныя мелкія стихотворенія *Катулла*, отличающіяся тонкостію оборотовъ, принадлежатъ къ тому же разряду стихотвореній. — Эпиграммы *Авзонія* суть подражанія Катулловымъ, но не имѣютъ ихъ достоинства. — Вотъ одна изъ замѣчательныхъ Эпиграммъ *Авзонія*:

Infelix Dido nulli bene nupta marito!
Hoc pereunte, fugis; hoc fugiente, peris!

У насъ лучшія Эпиграммы *Дмитріева*, *Крылова*, *Милонова*, *Горчакова*, Кн. *Вяземскаго* и *Воейкова*.

f. Эпитафія.

Содержаніе Эпитафіи и Кенотафіи.

§ 100. *Эпитафія* есть надпись, изображаемая на гробницахъ. — Въ Эпитафіи заключается или похвала усопшему, или нравоученіе, или и то и другое вмѣстѣ. — Она должна отличаться *слогомъ* важнымъ и благороднымъ, и пишется иногда въ прозѣ, раздѣленной на краткія строки, и имѣющей видъ бѣлыхъ стиховъ. — Эпитафія отсутствующему называется *Кенотафіею*. Бываютъ также и Сатирическія Эпитафіи, которыя суть тѣ же Эпиграммы, но только въ формѣ Надгробій.

g. Надпись.

Достоинство Надписи.

§. 101. *Надпись* есть краткое описаніе чего либо замѣчательнаго, какъ то: вещи, дѣянія, особы; иногда же заключается въ ней одно только выраженіе чувствованій сочинителя. — Въ тѣсномъ же смыслѣ *Надпись* сочиняется для начертанія на томъ

*) Эпиграммы *Марціала* и *Катулла* драгоцѣнны намъ особенно потому, что представляютъ отпечатокъ домашней жизни и обычаевъ Римлянъ во времена первыхъ ихъ Императоровъ: безъ Эпиграммъ, эти подробности были бы для насъ совершенно потеряны.

предметѣ, на который пишется, или говорится. — Надписи пишутся стихами и прозой, и въ послѣднемъ случаѣ не рѣдко состоятъ изъ одного, или двухъ словъ: *Петру I Екатерина II-я*. Вообще ясность, краткость и многозначительность суть главнѣйшія достоинства Надписи. — Вотъ прекрасная *Надпись къ портрету Александра Перваго*:

«Мужъ твердый въ опытахъ и скромный побѣдитель!
«Какой вѣнецъ Ему? какой Ему олтарь?
«Вселенная! пади предъ Нимъ: Онъ твой Спаситель!
«Россія! Имъ гордись: Онъ сынъ твой, Онъ твой Царь.

К. Вяземскій.

Примѣчаніе. Другія особливо употребительныя между Французами мелкія забавныя стихотворенія, какъ то: *Логогрифъ*, *Шарада*, *Буриме*, *Акростихъ* и т. д. суть утѣха остроумія въ пріятномъ обществѣ. Ихъ довольно знать по названіямъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Содержаніе Дидактическихъ стихотвореній.

§ 102. *Поэзія Дидактическая*, или *поучительная*, имѣющая предметомъ представлять понятія и общія истины подъ покровомъ стихотворнымъ, для лучшаго впечатлѣнія ихъ въ умъ и памяти читателей, столь близка къ прозѣ, что многіе сомнѣвались причислить ее къ стихотвореніямъ. — Но это несправедливо. Каждое изящное произведеніе искусства имѣетъ цѣлію эстетически занимать насъ; дидактическія стихотворенія также эстетически занимаютъ насъ, хотя чрезъ наставленіе, которое не должно только первенствовать. — Еще при разборѣ Лири-

ческихъ стихотвореній замѣчено, что самая Ода, въ высочайшемъ своемъ полетѣ, не рѣдко излагаетъ всеобщія истины; — и Лирическая поэзія переходитъ иногда въ Дидактическую. — Посему, Дидактическія стихотворенія также допустить должно, какъ и Лирическія. — Расинъ и Эшенбургъ были того же мнѣнія. — Первый утверждаетъ мнѣніе свое тѣмъ, что въ Дидактической Поэзіи для украшенія истины употребляется много стихотворнаго искусства, а второй, что оная, подобно прочимъ стихотвореніямъ, имѣетъ одну цѣль, то есть, плѣняя изяществомъ картинъ и описаній, предлагаетъ полезныя для жизни поученія.

Раздѣленіе Поэзіи Дидактической.

§ 103. Дидактическая Поэзія раздѣляется на, собственно такъ называемое, *Поучительное стихотвореніе* (la poësie didactique) и *Аллегорическое* — Въ первомъ представляются уму истины и возбуждаемыя оными чувствованія непосредственно, а во второмъ нравственныя истины сообщаются въ видѣ картинъ.— Къ первому разряду принадлежатъ: I) *Дидактическая Поэма*, II) *Сатира* и III) *Гномическая Поэзія*; а къ послѣднему IV) *Басня* и *Притча*.

1. ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Опредѣленіе и содержаніе Поэмы Дидактической.

§ 104. *Дидактическая Поэма* есть піитическое представленіе приведенныхъ въ систему истинъ, ведущихъ къ извѣстной цѣли, и изложенныхъ безъ наблюденія строжайшаго систематическаго порядка. — *Предметами* ея могутъ быть тѣ только истины, которыя занимаютъ совокупно умъ, воображеніе и чувства, какъ то: бытіе Бога, безсмертіе души, величіе добродѣтели и т. п. также произведенія искусствъ и словесности. — Вездѣ піитическая занимательность

должна сопровождать дидактическую. — Для избѣжанія единообразія позволяются *эпизоды*, или *отступленія*, которыя, однакожъ, должны быть рѣдки, и служить какъ бы нѣкоторымъ отдохновеніемъ уму, утомленному отъ предлагаемыхъ истинъ.

Наружная форма Дидактическихъ Поэмъ.

§ 105. *Форма*, даваемая Дидактической Поэмѣ, зависитъ отъ произвола автора. Онъ можетъ сдѣлать ее повѣствовательною, или драматическою, влагая поученія свои въ уста извѣстныхъ философовъ, или нравоучителей; можетъ даже прибѣгать къ помощи баснословныхъ боговъ, Музъ, и дѣлать обращенія по образцу Эпическихъ поэмъ.

Разные виды Дидактическихъ поэмъ и слогъ ихъ.

§ 106. Нѣкоторые литераторы раздѣляютъ Дидактическую Поэму на *философскую* и *поучительную*, или наставительную. Въ философской — поэтъ, избравъ себѣ предметомъ какія либо истины, входитъ въ основанія ихъ, изъясняетъ причины вещей, выводитъ изъ того умозаключенія; такъ Лукрецій писалъ о *естествѣ вещей*, а Англійскій стихотворецъ Попэ—*опытъ о человѣкѣ*. Въ наставительной поэмѣ предлагаются поэтомъ правила какой либо науки, художества, или ремесла. Сюда относятся: Виргиліевы *Георгики*, Гораціева *Наука о Стихотвореніи*, Изіодова поэма: *Работы*, Делилева поэма — *Сады*, *Опытъ о Критикѣ* Попэ и т. п. Всѣ эти поэмы пишутся слогомъ пріятнымъ, цвѣтущимъ и вообще умѣреннымъ. — Но въ изображеніи предметовъ великихъ и священныхъ для человѣка, каковы: Богъ, таинства религіи, безсмертіе — употребляется слогъ возвышенный.

Начало Дидактической поэзіи, и Греческіе Дидак-

§ 107. Предположить должно, что Дидактическая Поэзія, выключая Лирическую, существовала прежде другихъ родовъ поэзіи, потому что бытописанія, законы и нравственныя поученія были сочиняемы стихами. Въ *Греціи* древнія поучительныя стихотворенія долго сливались съ науками; но отъ нихъ до-

тические писатели.

шли до насъ одни лишь отрывки. — *Орфею* приписываютъ физическую поэму о *свойствѣ камней*. — *Изіодова* поэма о *Земледѣліи*, появившаяся нѣсколькими годами прежде Иліады, есть единственное стихотвореніе, совершенно отвѣчающее понятію Поучительной поэзіи; въ немъ соединена простота съ поэтическимъ чувствомъ, и равновѣсіе разсудка съ воображеніемъ. — *Емпедоклъ* изложилъ въ стихахъ свою *Естественную философію*. Стихотвореніе *Арата* объ *Астрономіи* наполнено, большею частію, поэтическими описаніями за недостаткомъ астрономическихъ свѣдѣній. *Ѳеогнидъ*, *Никандръ*, *Парменидъ* сочинили въ стихахъ многія разсужденія о разныхъ ученыхъ матеріяхъ.

Римскіе Дидактическіе писатели.

§ 108. *Римляне* рано начали подражать Грекамъ въ Дидактическихъ стихотвореніяхъ. *Лукрецій* писалъ *de natura rerum*; твореніе это получило свое начало болѣе изъ философскаго, нежели поэтическаго энтузіазма, для того оно имѣетъ нѣкоторые недостатки, но вмѣстѣ и весьма многія красоты. Рѣдкіе могутъ сравняться съ Лукреціемъ въ изображеніи всего ужаснѣйшаго въ природѣ и пріятнѣйшаго. — Изображеніе моровой язвы у него неподражаемо. — Въ цвѣтущее время Римской поэзіи писалъ *Виргилій* практическое поучительное стихотвореніе о *Земледѣліи*, или лучше, о *Домоводствѣ*. — Мастерское произведеніе ума человѣческаго! — Въ немъ показаны всѣ сельскія занятія съ поэтической стороны; и живописными описаніями, соединенными со всею твердостію языка, возвышена Дидактическая поэзія до возможнаго совершенства. — *Овидіево* стихотвореніе: *Fasti*, поражаетъ смѣющимися картинами, игривыми описаніями, при отличной обработанности слога и разнообразіи. — Здѣсь Дидактическая Римская поэзія и остановилась: ибо послѣ родилось суетное стихотвореніе въ этомъ родѣ: *ars amandi*; пародія

собственнаго Поучительнаго стихотворенія, при всѣхъ своихъ живописныхъ описаніяхъ и тонкихъ познаніяхъ человѣка.

Стихотворенія Поучительныя на Русскомъ языкѣ.

§ 109. *Русская* Словесность не имѣетъ образцовыхъ Поучительныхъ поэмъ. — Можно замѣтить только: *Гавриду* — Боброва; *Вселенную*, *Плоды наукъ* — Хераскова; поэму: *Искусства и Науки* — Воейкова; *Опытъ о Астрономіи* — Норова. — Сверхъ того, мы имѣемъ два довольно хорошіе переводы *Виргиліевыхъ Георгикъ* Ранча и Воейкова; сей послѣдній также перевелъ Делилеву поэму: *Сады*. — П. И. Голенищевъ-Кутузовъ перевелъ Изіодову поэму *Работы*; Кн. Шихматовъ *Опытъ о Критикѣ*, Попэ, а Мерзляковъ — *Науку о стихотворствѣ* Горація.

II. САТИРА.

Опредѣленіе Сатиры и отличіе ея отъ Басни и Комедіи.

§ 110. *Сатира* есть живое стихотворное изображеніе человѣческихъ пороковъ, заблужденій, странностей и другихъ нравственныхъ несовершенствъ съ тою цѣлію, дабы, обнаруживъ и осмѣявъ ихъ, исправить порочныхъ. — Хотя Басня, Комедія и сатирическіе Романы также имѣютъ предметомъ осмѣяніе и исправленіе пороковъ и заблужденій; но они нападаютъ подъ видомъ аллегоріи, и какъ бы стороною; тогда какъ Сатира открыто возстаетъ противъ глупостей людскихъ. — Притомъ же, нравоученіе въ Сатирѣ есть только слѣдствіе, а не цѣль изображенія.

Содержаніе Сатиры.

§ 111. *Предметомъ* Сатиры могутъ быть тѣ особливо пороки и несовершенства, которыя сдѣлались *господствующими* въ какомъ либо обществѣ, званіи и возрастѣ. — Сверхъ того, сатирикъ долженъ устремлять стрѣлы свои на цѣлый родъ людей порочныхъ и глупыхъ, а не на отдѣльныя лица. — Изъ сего

слѣдуетъ, что *личная Сатира*, или *Пасквиль* — какъ низкое мщеніе — уничтожаетъ нашу довѣренность къ сатирику, и допускается единственно въ томъ случаѣ, когда общее благо и заразительное повсюду вліяніе порока, или злодѣйства, востребуютъ такого рода осужденія. — Законъ Сатиры также требуетъ не нападать на пороки слишкомъ отвратительные и выходящіе изъ порядка натуры: такія картины только возмущаютъ чувство.

Раздѣленіе Сатиры.

§ 112. Ешенбургъ раздѣляетъ Сатиры на *важныя* и *веселыя*. — Въ первыхъ стихотворецъ нападаетъ на великія и гибельныя для общества преступленія, и осуждаетъ ихъ со всею строгостію и негодованіемъ. — Только въ негодованіи его не должно быть злобы и мстительности: ему надлежитъ быть не только врагомъ порока, но и пламеннымъ другомъ добродѣтели. — Языкъ его долженъ быть благороденъ и возвышенъ, и отличаться смѣлыми картинами. — Въ Сатирахъ *веселыхъ* представляются однѣ забавныя странности, одни пороки смѣшные и такіе несовершенства, которыя не столько относятся къ нравственности, сколько къ приличію въ свѣтѣ. — Эти недостатки обличаетъ поэтъ съ остротою, въ забавномъ и насмѣшливомъ тонѣ, употребляя слогъ легкій и непринужденный.

Наружная форма Сатиры и размѣръ стиховъ.

§ 113. *Форма* Сатиры бываетъ различная: она излагается въ письмахъ, разговорѣ, разсказѣ, пѣсняхъ и т. п. — Притомъ, она можетъ быть *прямая*, когда открытымъ образомъ вооружается противъ пороковъ, и *косвенная*, когда посредствомъ иронiи и насмѣшки прикрыта мнимою наружною похвалою. — *Размѣръ* стиховъ можетъ быть употребленъ всякій въ Сатирахъ; только *для* важныхъ Сатиръ приличнѣе шестистопный Ямбическій, а въ шуточныхъ, сверхъ шестистопныхъ, употребляются четырестопные и даже

вольные. — Древнія Сатиры писаны ямбами и экзаметрами.

§ 114. Хотя Квинтиліанъ и говоритъ: *satira tota nostra est;* но онъ конечно чрезъ сіе разумѣетъ только то, что въ этомъ родѣ стихотвореній *Римляне* ничего не заимствовали у Грековъ, которые имѣли также своихъ сатириковъ *Иппонакса* и *Архилоха*, содѣлавшихся извѣстными по своимъ дерзкимъ сочиненіямъ. — Вообще Латинскіе сатирики не подражали Греческимъ ни въ размѣрѣ стиховъ, ни въ содержаніи ихъ.—*Ливій Андроникъ*, родомъ Грекъ, почитается у Римлянъ первымъ сатирическимъ писателемъ.— Его Сатиры имѣли форму драматическую, и показывались прежде, или послѣ, главнаго театральнаго представленія, а иногда между актами.— Послѣ Андроника, упоминаются *Энній*, *Пакувій* и *Теренцій Варронъ*, употреблявшіе въ своихъ Сатирахъ разнаго рода стихи безъ всякаго разбора. — Но *Луцилій* далъ уже Сатирѣ ту форму, какую находимъ у Горація и у новѣйшихъ писателей. Тогда значеніе слова — Сатира перемѣнилось; смѣшеніе предметовъ, а не формъ, отличали Сатиру. — Изъ 30-ти книгъ Луциліевыхъ Сатиръ сохранились только отрывки; но эта потеря, по словамъ Горація, не важна: ибо слогъ Луцилія грубъ и стихи слабы; — Квинтиліанъ однакоже такое сужденіе Горація находитъ слишкомъ строгимъ.

Исчисленіе древнихъ Римск. Сатирическихъ писателей.

Ливій Андроникъ.

Луцилій.

§ 115. *Горацієвы* Сатиры, названныя имъ *Sermones*, совершенно Дидактическія, и доведены до возможнаго совершенства.— Онѣ могутъ составить прекрасный курсъ ученія нравственной Философіи, тѣмъ болѣе плѣняющей насъ, что проповѣдникъ ея не есть угрюмый мудрецъ, но остроумный царедворецъ, въ устахъ котораго истина и добродѣтель становятся любезнѣе. — Природа, кажется, хотѣла показать въ Горацiи явленіе самое рѣдкое: совокупленіе изящности даровъ противоположныхъ: *воображенія* и *раз-*

Горацій.

судка. — Между тѣмъ какъ Горацій Лирическими твореніями восхищаетъ слушателя, въ Сатирахъ и Посланіяхъ онъ является мудрецомъ глубокимъ, но всегда любезнымъ, и, какъ говоритъ о немъ Персій, *играющимъ около сердца человѣческаго*, и который, конечно, кромѣ Сократа, никому не уступитъ пальму философіи. — Квинтиліанъ особенно хвалитъ Горація за совершенное знаніе человѣческихъ нравовъ: нельзя осмѣивать пороковъ съ большею остротою, ни выхвалять добродѣтель съ большею тонкостію, какъ Горацій. — Онъ съ прискорбіемъ смотритъ на человѣческія погрѣшности, и только изрѣдка позволяетъ себѣ надъ ними смѣяться. Для живости, онъ не рѣдко даетъ Сатирамъ форму драматическую, вводя повѣствованія, разговоры, вымыслы и т. п.

Ювеналъ. § 116. Послѣ Горація духъ времени измѣнился, нравы Римлянъ начали развращаться, а съ тѣмъ вмѣстѣ родилась гнѣвливая Сатира подъ перомъ *Ювенала*. — Онъ вооружился Сатирою противъ несправедливости знатныхъ людей, употреблявшихъ во зло власть свою. — Слогъ Сатиръ Ювеналовыхъ вообще силенъ; ипербола есть любимѣйшая его фигура. — Скалигеръ называетъ его царемъ сатирическихъ поэтовъ, и говоритъ: *Iunius Iuvenalis ardet, instat, jugulat.* Жаль, что остроты его часто обращаются въ сарказмы.

Персій и Петроній. *Персій* въ Сатирахъ своихъ подражалъ Горацію, и нерѣдко бралъ у него мысли. Важный тонъ, строгая нравственность, краткость и смѣлыя мысли отличаютъ Сатиры Персія. — Сатиры *Петронія*, собранныя подъ названіемъ *Petronii Satyricon*, писаны стихами различныхъ мѣръ и прозою, и показываютъ довольно остроумія.

Кантемиръ. § 117. На Русскомъ языкѣ первый началъ писать Сатиры *Князь А. Кантемиръ*, сконч. въ 1774 г. — Любя страстно Русскую Словесность, онъ, сверхъ многихъ сочиненій и переводовъ, написалъ восемь *Са-*

тиръ силлабическими стихами: онѣ напечатаны въ С. Петербургѣ, 1762 года.—Сатиры сіи переведены еще при жизни автора на Французскій языкъ въ Парижѣ *аббатомъ графомъ Гуаско*. Кантемиръ донынѣ остается у насъ оригинальнымъ, и не имѣетъ совмѣстниковъ въ Сатирахъ. — А. С. Шишковъ представилъ намъ лучшія мѣста изъ нихъ, а В. А. Жуковскій сдѣлалъ прекрасный критическій ихъ разборъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горація. Въ Сатирахъ его видѣнъ не токмо остроумный философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія тѣ предметы, которые самого его поражали. Сатиры Кантемира можно раздѣлить на философическія и живописныя; въ однѣхъ, и именно въ VI и VII, Сатирикъ представляется намъ философомъ, а въ другихъ — I, II, III, IV, искуснымъ живописцемъ людей порочныхъ. Мысли свои, почерпнутыя изъ общежитія, выражаетъ онъ сильно и кратко, и почти всегда оживляетъ ихъ или картинами, или сравненіями; всѣ характеры его изображены рѣзкою кистію. По языку и стопосложенію, Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ старинным, но по искусству, онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ.

§ 118. *А. Сумароковъ*, соревнуя славѣ Кантемира, между прочими родами стихотвореній, писалъ также и Сатиры и Сатирическія Эпистолы. — Сатиръ его считается *до десяти;* но онѣ не заслужили вниманія, и весьма далеки отъ Сатиръ Кантемира. Въ нихъ вездѣ замѣтны какая-то принужденность и недостатокъ въ природномъ остроуміи. Не рѣдко Сумароковъ, гоняясь за богатою риѳмою, выражался не только въ противность приличій вкуса, но и здраваго смысла. Въ первой, напримѣръ, Сатирѣ подъ названіемъ: Сатиры Сумарокова.

*

Піитъ и другъ его, мы находимъ, что Піитъ, рѣшившійся сочинять Сатиры, говоритъ:

«Невѣжи, какъ хотятъ, пускай бранятъ меня;
«Ихъ тѣсто никогда въ Сатиру не закиснетъ.

Не ясно ли, что послѣдній стихъ, вопреки здравому вкусу, написанъ для одной только риѳмы, которою оканчивается извѣстная Русская пословица:

«А брань ни у кого на воротѣ не виснетъ.

Подобными низкими и часто неприличными выраженіями наполнены сочиненія Сумарокова. — Вразсужденіи обработанности слога, отъ писателя сего надлежало ожидать болѣе потому, что онъ жилъ въ такое время, когда языкъ Русскій и самое стихосложеніе были уже значительно усовершенствованы.

Новѣйшіе Русскіе писатели Сатиръ.

§ 119. Современные намъ писатели въ Сатирическомъ родѣ болѣе извѣстны: *Капнистъ*, *Дмитріевъ*, *Воейковъ*, *Милоновъ*, *Пушкинъ*, *Князь Вяземскій*, *Князь Шаховской* и другіе. Къ лучшимъ Сатирамъ Дмитріева принадлежатъ: *Чужой толкъ*. Эта Сатира имѣетъ форму драматическую. — Въ ней дѣйствующими лицами: Авторъ и двое спорящихъ — Старецъ и Аристархъ. Сатира начинается удивленіемъ Старика: отъ чего въ наше время нѣтъ хорошихъ Лирическихъ произведеній, когда мы гораздо прилежнѣе древнихъ писателей; они, по словамъ его, рѣзвясь писали, «А, нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь»—Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь» — «И цѣлый годъ сидитъ надъ Одою одной;» — Притомъ же, сохранены и всѣ принадлежащія этому роду правила.... «Сперва прочтемъ вступленье,—тутъ предложенье, а тамъ и заключенье.» — Далѣе *старецъ* дѣластъ исчисленіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ Одъ такимъ образомъ:

«Возьму ли, напримѣръ, я Оды на побѣды:
«Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
«Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
«Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю.
«Я, бросивши ее, другую раскрываю
«На праздникъ, иль на что подобное тому:
«Тутъ найдешь то, чего бъ не хитрому уму
«Не выдумать и ввѣкъ; зари багряны персты,
«И райскій кринъ, и Фебъ, и нѣбеса отверсты!
«Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
«И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ.»

Авторъ, смущенный вопросами Старика, не зналъ, что отвѣчать ему, но къ счастію «Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ» — и, исчисливъ многія причины неудачъ нашихъ одописцевъ, послѣ разсказываетъ, какъ одинъ поэтъ принимался писать Оду:

«Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
«Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ, и т. д.

(Этотъ отрывокъ приведенъ въ теоріи Изящныхъ искусствъ подъ статьею: *Комическое*).

Въ послѣдующихъ стихахъ является уже самъ авторъ, и, какъ бы принимая сторону обиженныхъ насмѣшливымъ Аристархомъ стихокропателей, иронически говоритъ имъ:

«Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ,
«Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
«Напишемъ на него предлинную Сатиру,
«И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

III. ГНОМЫ.

§ 120. *Гномы* суть поэтическія изреченія, содержащія въ себѣ правила мудрости и добродѣтели, выраженныя кратко, сильно и занимательно. — Къ *со-*

вершенству Гномовъ принадлежитъ то: 1) чтобъ правила, въ нихъ содержащіяся, преимущественно касались нравственности и житейскаго благоразумія; и 2) чтобъ выражены были эстетически, слѣд. чтобъ представлены были не только въ стихахъ, но и въ картинѣ.—*Размѣръ* ихъ различный; но обыкновеннѣе пишутся экзаметрами и шестистопными ямбами.

§ 121. *Гномы* встрѣчаются во множествѣ у Грековъ и Римлянъ. Востокъ также ими изобиловалъ. Изящнѣйшіе дошли до насъ въ Священномъ писаніи. Новѣйшіе народы не столько ими богаты; впрочемъ, довольное число ихъ можно собрать во многихъ стихотвореніяхъ. — Сочиненія нашихъ поэтовъ исполнены прекрасными изрѣченіями; какъ напр.

у *Державина:*

«Блаженъ кто по утру проснется
«Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера.»

или:

«Не льстись горами золотыми,
«И будущему дню не вѣрь.»

или:

«Веселье то лишь непорочно,
«Раскаянья за коимъ нѣтъ.»

у *Крылова:*

«У сильнаго всегда безсильный виноватъ.»

или:

«Услужливый дуракъ опаснѣе врага.»

или:

«А ларчикъ просто открывался.»

или:

«Пушокъ на рыльцѣ есть.»

или:

«Слона-то я и не примѣтилъ.»

у *Мерзлякова:*

«Всѣ други, всѣ пріятели
«До чернаго лишь дня.»

у *Грибоѣдова*:

«Блаженъ кто вѣруетъ; тепло ему на свѣтѣ!»

или:

«А горе ждетъ изъ за угла.»

или:

«Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.»

у *Сумарокова:*

«Коль слушать всѣ людскія рѣчи,
«Придется и осла взвалить на плечи »

Сверхъ того, и народныя Русскія пословицы можно отнести къ гномамъ. — Систематическое, ученое собраніе Русскихъ пословицъ и афоризмовъ сдѣлалъ Г. *Снегиревъ*.— Онъ издалъ значительное ихъ число, сравнивая съ пословицами другихъ народовъ, и объяснивъ исторически значеніе и происхожденіе многихъ изъ нашихъ поговорокъ.

IV. БАСНЯ и ПРИТЧА.

Опредѣленіе Басни и различныя ея значенія.

§ 122. *Басня* и *Притча* первоначально означали происшествіе, или приключеніе, словесно излагаемое. Въ тѣснѣйшемъ и обыкновенномъ смыслѣ подъ *Баснею* разумѣется такой піитическій разсказъ, который имѣетъ основаніемъ или совершенный вымыслъ, или нѣчто смѣшанное изъ вымысла и истины. Часто *Баснію* называется не разсказъ, но содержаніе стихотворенія въ формѣ драматической, или повѣствовательной представленнаго. — У насъ, въ обыкновенныхъ разговорахъ, басня, вымыслъ, или сказаніе несбыточное, употребляются какъ слова однозначащія.

Примѣчаніе. Французскій литераторъ *Батё* даетъ весьма остроумное объясненіе *Басни*. — Онъ называетъ ее дѣтскимъ театромъ, отличающимся отъ другихъ единственно качествомъ дѣйствующихъ лицъ. На этомъ маленькомъ театрѣ не видно ни Александ-

ровъ, ни Цесарей, но тутъ являются Муха и Муравей, которые представляютъ человѣческія происшествія по своему, и, можетъ быть, лучше поучаютъ насъ, нежели Цесарь и Александръ.

Свойственныя Баснѣ существа.

§ 123. *Дѣйствующія существа* въ Баснѣ: люди, но чаще звѣри, другія животныя и даже неодушевленные предметы, коимъ приписывается даръ слова и нѣкоторая способность мыслить. Введеніе въ Баснѣ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ доставляетъ ту выгоду, что авторъ можетъ говорить свободнѣе о слабостяхъ людей, и не имѣетъ нужды опредѣлять дѣйствующихъ существъ характеры, какъ уже извѣстные и постоянные, такъ: лисица хитра, тигръ кровожаденъ, камень нечувствителенъ и проч.

Части Басни.

§ 124. Въ Баснѣ, какъ и въ прочихъ поэмахъ, должны быть: *приступъ*, *узелъ и развязка*; главною же цѣлію ея — нравоученіе, которое бываетъ кратко, ясно и занимательно. Въ немъ не нужны ни слишкомъ отвлеченныя понятія, ни самыя обыкновенныя мысли.

Что преимущественно требуется отъ Басни?

§ 125. Басня должна отличаться *ясностію*, *краткостію* и *правдоподобіемъ*. 1) *Ясность* Басни предполагаетъ употребленіе словъ и выраженій опредѣленныхъ, не двусмысленныхъ, хорошее ихъ размѣщеніе и также правильную разстановку знаковъ препинанія.

«За добычей ходить не можетъ левъ,
«А кто придетъ къ нему, откроетъ зѣвъ....»

Прочитавъ послѣдній стихъ, мы не знаемъ: кто откроетъ зѣвъ?—Левъ, или тотъ, кто придетъ къ нему. — 2) *Краткость* Басни состоитъ въ томъ, чтобъ въ ней не заключалось ничего лишняго, чтобъ разсказъ оканчивался въ надлежащемъ мѣстѣ, и не говорено было того, что всякій легко можетъ подразумѣвать; посему странно читать:

«И ходитъ кошка будто шлюбка
«Да только по сухомъ пути;
«*Водой пѣшкомъ нельзя итти....*»

или:

«На свадьбу ѣхала карета,
«Предъ нею съ факеломъ два вершника *для свѣта....*»

Впрочемъ, краткость иногда уступаетъ прелестямъ краснорѣчія, и позволяетъ распространеніе нѣкоторыхъ производящихъ силу дѣйствій; что видно въ одной Баснѣ Дмитріева, гдѣ описываются боязливыя движенія Зайца:

«Увидя онъ ружье, которое лежало
«Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
«Такъ испугался,
«Что даже и бѣжать съ душею не собрался;
«А только сжался,
«И, уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
«Что въ мигъ ружье убьетъ. —
«Потомъ, поободрясь, воспрянулъ,
«Бросаетъ любопытный взглядъ —
«Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ,
«И наконецъ къ ружью подходитъ.....»

Всѣ мелкія обстоятельства, въ началѣ этой Басни изложенныя, весьма забавляютъ читателя. — 3) *Правдоподобіе* требуетъ точности, т. е. когда все взято съ природы, и когда дѣйствія вводимыхъ существъ согласуются съ ихъ характерами; напримѣръ: лисицѣ придается хитрость, гордость коню, вѣрность собакѣ, трусость зайцу и проч. — Но въ слѣдующихъ стихахъ:

«Онъ въ тысячи мѣстахъ
«И *въ гриву*, и въ бока, и въ брюхо льва кусаетъ...»

или:

«Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней *важны взоры*....»

или:

«Зайцу данъ *клочокъ медвѣжьяго ушка....*»

или:

говоритъ Харонъ —

«И въ свѣтѣ вѣдь она
«Была прямая *сатана*»....

совершенно нарушено правдоподобіе.

Украшенія Басни.

§ 126. Для пріятности разсказа Басни, помѣшаются въ ней приличныя украшенія, состоящія: 1) въ *описаніяхъ* и *изображеніяхъ;* 2) *размышленіяхъ* (sententiae).

a. *Описаніе нрава:*

«А этотъ Крысодавъ, сказать безъ многихъ словъ,
«Былъ постный, жирный котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ котовъ,
«Пустынникъ набожный средь свѣта
«И въ казусныхъ дѣлахъ оракулъ для совѣта»...

Дмитріевъ.

b. *Описаніе тѣла:*

«Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
«Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры
«Смиренны, кроткіе, но полные огня!
«Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня,
«Головка пестрая, а вдоль спины узоры»....

Дмитріевъ.

c. *Изображенія:*

«О бѣдненькой мой чижъ! онъ, мокрыми крылами
«Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
«И ей со вздохомъ и слезами
«Носокъ повѣся говоритъ»....

d. *Размышленія*:

«Былъ левъ слѣпой, а *быть и знатному слѣпымъ*
«*Дурное право состоянье*».....

Хемницеръ.

или:

«Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
«*Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ какъ зовутъ*»....

Крыловъ.

Примѣчаніе. Самыя пословицы иногда употребляются въ разсказѣ вмѣсто размышленій, какъ напримѣръ:

«Хотя слоновъ и умная порода;
«*Однакоже въ семьѣ не безъ урода*». —

или:

«Смотри, кума, чтобы не осрамиться;
«Не даромъ говорится,
«*Что дѣло мастера боится*»....

Крыловъ.

§ 127. Но особенно Басня должна отличаться *веселостію*, или *забавностію* разсказа. Источники забавнаго въ Баснѣ 1) состоятъ въ сообщеніи животнымъ названій и свойствъ, принадлежащихъ людямъ; наприм. назвать Медвѣдя *Скивомъ*, а Льва — *косматое величество*; 2) въ сравненіи малозначущихъ предметовъ съ важными; какъ наприм. О забавномъ въ Баснѣ.

«Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ;
«Изъ *Ахиллеса* вдругъ становится *Омиромъ*»....

§ 128. *Слогъ* Басни долженъ быть простой, игривый, забавный и простодушный. Надутыя выраженія столько же безобразятъ Басню, сколько слова низкія и площадныя. — Русскія Басни обыкновенно пишутся *вольными ямбическими* стихами. Слогъ и размѣръ стиховъ.

Прозою, или стихами лучше писать Басню?

§ 129. Лессингъ, а за нимъ и многіе Нѣмецкіе писатели утверждали, что Басня должна быть писана прозою, основываясь на Езоповыхъ Апологахъ; даже Мейснеръ соглашался съ ними, и написалъ прозою много прекрасныхъ Басенъ. Но Французы говорятъ, что Басня въ прозѣ есть тѣло безъ души, и ссылаются на несравненные образцы Лафонтена. Тѣ и другіе, кажется, слишкомъ стѣснили Басню; и прозой и стихами можно писать се: въ ней разговариваютъ не *одни* люди, а чаще животныя. Но что касается до преимущества прекрасной Басни, написанной стихами, предъ самою лучшею Баснею въ прозѣ; это въ наше время сдѣлалось аксіомою. — Возмите наприм. Басню: *Дубъ и Трость;* прочитайте ее въ прозѣ на всѣхъ языкахъ, и сличите потомъ съ слѣдующими стихами *Дмитріева*:

«И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
«Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
«Упалъ».....

Какая проза, какой Лессингъ выразится такъ сильно и убѣдительно?....

Чѣмъ отличается отъ Басни Притча, и какой слогъ сей приличенъ?

§ 130. *Притча* отличается отъ Басни тѣмъ, что въ ней представляется не дѣйствіе, изъ котораго выводится нравоученіе, но чрезъ сравненіе или примѣненіе объясняется истина. — Прекрасныя примѣры Притчей находятся въ Св. Писаніи. — По важности предметовъ, входящихъ въ составъ Притчи, и слогъ ея возвышеннѣе слога Басни и не терпитъ шутокъ. — На Русскомъ языкѣ мало находится образцовъ въ этомъ родѣ; а притомъ, у насъ часто смѣшиваютъ Притчу съ Баснею.

Примѣчаніе. Греки назвали Езопову Басню *Апологомъ* для отличія отъ Миѳовъ, содержавшихъ повѣствованіе о боготворимыхъ ими существахъ.

§ 131. Басня получила начало въ глубокой древности. На многихъ памятникахъ древнихъ находятся иносказанія и притчи. Кто бы ни былъ изобрѣтатель Басни — робкій ли умъ какого либо невольника выдумалъ этотъ иносказательный языкъ для объясненія мыслей своихъ господину, или мудрецъ, желавшій примирить истину съ самолюбіемъ, и хотѣвшій искоренить пороки и вредныя страсти, не выказывая порочныхъ, изобрѣлъ этотъ пріятный и забавный образъ выраженія мыслей; но изобрѣтеніе сіе дѣлаетъ честь человѣческому уму. — Безъ сомнѣнія, на востокѣ, въ самыя древнѣйшія времена возникъ этотъ родъ стихотворства, хотя Арабскія басни *Локмана* и Индійскія *Бидпая*, или *Пильпая* (Зандабера) въ послѣдующія времена, вѣроятно, потерпѣли многія перемѣны. — Флоріанъ, въ предисловіи къ своимъ баснямъ, приводя мнѣніе Буланже, доказывающаго, что *Езопъ и Локманъ* одинъ и тотъ же писатель, предполагаетъ въ Езопѣ лице вымышленное, подъ которымъ въ Греціи выдавали Апологи, давно уже извѣстные на востокѣ. — Басня всего болѣе сохранила свойство и обороты Азіятскихъ сочиненій. Вкусъ къ загадкамъ, къ гиперболамъ и къ наставленіямъ, подъ видомъ Аллегоріи, продолжается въ Азіи и понынѣ: поэты и философы этой страны никогда иначе не писали. — А потому, Флоріанъ заключаетъ, что Басня должна имѣть начало свое въ Индіи у Браминовъ, принимающихъ за основаніе своей вѣры переселеніе душъ. Апологи *Бидпая* суть древнѣйшіе, а Бидпай былъ Браминъ; и Басни его, въ числѣ которыхъ находится Басня: *Два Голубя*, переведены почти на всѣ восточные языки; и послѣ уже́ могли перейти въ Грецію подъ именемъ Притчей Езоповыхъ. — Вотъ остроумныя догадки Флоріана, съ которыми однакожъ трудно согласиться! — Нашъ Жуковскій, въ разсужденіи своемъ о Баснѣ, съ большею основа-

Мнѣнія о началѣ Басни.

тельностію полагаетъ, что изобрѣтеніе ея не принадлежитъ одному народу въ особенности, а всѣмъ вообще, равно какъ и другіе роды Поэзіи, — По его же мнѣнію, Басня прежде была собственностію не стихотворца, а ритора, и философа, которые, разсуждая о предметахъ политики и нравственности, употребляли, для большей ясности, сравненія и примѣры.

Греческіе Баснописцы

§ 132. Не смотря на предположенія Флоріана, *Езопъ* почитается древнѣйшимъ и славнѣйшимъ изъ греческихъ баснописцевъ. Онъ родился во Фракіи, былъ невольникъ; но скоро остротою ума своего сдѣлался извѣстнымъ — Достоинство Басенъ его заключается въ счастливомъ изобрѣтеніи, краткости, простотѣ и легкости. — Въ нихъ истина ничего не заимствуетъ отъ украшеній, но убѣждаетъ собственнымъ своимъ качествомъ. Посему-то Басни Езопа, независимо отъ нравовъ, обыкновеній, образа мыслей, будутъ нравиться во всѣ времена. — Прочіе баснописцы Греческіе суть: *Автоній* и *Фабръ*, оставившіе также нѣсколько притчей.

Федръ и Авіянъ.

§ 133. Къ золотому вѣку Римской словесности относятся Басни *Федра*. — Краснорѣчиво написанныя ямбами, всѣ онѣ одолжены содержаніемъ своимъ Езопу; но отличаются большею плодовитостію и изящною разборчивостію въ словахъ и оборотахъ. — Федръ смягчилъ строгую философію и обнаженную истину Езопа нѣкоторыми украшеніями, показывающими его остроуміе. — Выраженія его столько же сильны, какъ и пріятны; мысли основательны, словомъ: латинскій баснописецъ уступаетъ греческому только въ изобрѣтеніи. Послѣ Федра, весьма немногіе и мало извѣстные авторы латинскіе писали Басни. — *Авіянъ*, въ концѣ IV столѣтія, сдѣлалъ опытъ сочинять Басни элегическими стихами. — Такой выборъ дѣлаетъ уже подозрительнымъ вкусъ этого стихотворца.

§ 134. Отечественная наша Словесность изобилуетъ превосходными Баснями. — *А. Сумароковъ* первый началъ въ Россіи переводить и сочинять Басни, и оставилъ ихъ великое множество; но всѣ онѣ написаны низкимъ слогомъ. — *Ломоносовъ* также написалъ одну Басню: *Волкъ и Пастухъ*. — Басни *Хераскова*, *Майкова*, *Аблесимова* нынѣ уже забыты. — Но лучшіе сочинители Басенъ, относящіеся къ образованнѣйшей эпохѣ языка, суть: *Хемницеръ*, *Дмитріевъ* и *Крыловъ*. Русскіе Баснописцы.

Хемницеръ чистотою и легкостію слога опередилъ свой вѣкъ. Басни его отличаются добросердечіемъ, естественностію, искренними и откровенными выраженіями, которыя, кажется, выходятъ изъ устъ простодушнаго младенца, но которыя были слѣдствія особеннаго его характера. Живыя мечты, доброе сердце, любовь къ истинѣ были природнымъ удѣломъ Хемницера; и все это отразилось въ его Баснях. — Извѣстно, что слава Хемницера упрочилась послѣ его смерти, и мы имѣемъ теперь 13-ть изданій Басенъ и Сказокъ милаго, простодушнаго остряка, въ полномъ смыслѣ русскаго, котораго читаемъ съ истиннымъ наслажденіемъ.— Въ самомъ дѣлѣ, Хемницеръ неподражаемъ по своей наивности, и и высокъ, какъ писатель народный. — Біографія Хемницера написана К. Полевымъ умно, увлекательно и съ чувствомъ. — Эта Біографія ближе знакомитъ читателя съ достоинствомъ Хемницера, какъ поэта. Характеристика Басенъ Хемницера.

Дмитріевъ, по выраженію Мерзлякова, отворилъ Баснямъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ. — Главныя достоинства Басенъ его: вѣрное подражаніе природѣ, разноцвѣтная живопись, гармонія стиховъ, обиліе въ мысляхъ, строгій вкусъ и благородная простота. Дмитріева.

Крылова.

Крыловъ въ Басняхъ своихъ изображаетъ не однѣ нравственныя истины, но самыя странности и причуды, и въ томъ и другомъ случаѣ отличается остротою и колкостію своихъ уроковъ. — Въ представленіи каждаго дѣйствующаго въ Басняхъ его лица мы находимъ игру ума Русскаго и народность.—Всѣ почти Басни его написаны легкимъ, чистымъ, но особенно гибкимъ и истинно Русскимъ слогомъ, исполненнымъ выраженій, которыя онъ перенялъ у Русскаго народа. — Прочіе наши баснописцы удачно подражали иностраннымъ образцамъ, Крыловъ сдѣлался самъ образцемъ для иностранцевъ; ибо прежнія Басни его переведены на Французскій и Италіянскій языки лучшими литераторами. — Но геній Крылова съ лѣтами пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе опытности и наблюдательности, которыя въ полномъ блескѣ видны въ *новыхъ* его *Баснякъ*. — Кажется, въ нихъ менѣе живости и изобрѣтательности, нежели въ прежнихъ Басняхъ; но все это вознаграждается богатствомъ мыслей и прелестію описаній. — Всѣ его Басни кажутся намъ уже извѣстными, знакомыми, хотя мы въ первый разъ ихъ читаемъ; намъ кажется, будто мы видали баснословныхъ его героевъ и знаемъ ихъ. Трудно рѣшить, которая изъ его послѣ написанныхъ Басенъ заслуживаетъ первенство предъ прежними; но лучшія, наиболѣе піитическія: суть: *Бѣлка*, *Щука*, *Левъ*, *Серна и Лиса*, *Бритвы*, *Пушки и Паруса*, *Купецъ*, *Миронъ*, *Оселъ*, *Левъ*. — Слогъ въ сихъ Басняхъ всегда сообразенъ съ свойствомъ самыхъ предметовъ: онъ то возвышается въ описаніи величественнаго, то простъ въ предметахъ не піитическихъ, то пріятенъ въ описаніи нѣжнаго; то забавенъ, описывая смѣшное. — Выпишемъ для примѣра описаніе бури въ Баснѣ IV: *Пушки и Паруса*.

«Борей послушался, летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
«Насупилось и почернѣло море;

«Покрылись тучею тяжелой небеса;
«Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
«Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
«Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса.

Какая высокая поэзія! эти стихи будутъ отличными, при описаніи бури, и въ Эпической поэмѣ. — Вотъ еще мѣсто исполненное поэзіи:

«По дебрямъ гнался Левъ за Серной....
«Но Серна легкая, всѣ силы натянула,
«Подобно изъ лука стрѣлѣ,
«Надъ пропастью она махнула,
«И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Левъ, Серна и Лисица Б. У.

Что можетъ быть живѣе четырехъ послѣднихъ стиховъ? Кажется, не примѣчаемъ краткости времени, въ которое Серна *подобно изъ лука стрѣлѣ надъ пропастью махнула.*

Сверхъ этихъ трехъ отличныхъ нашихъ баснописцевъ, съ успѣхомъ также занимались сочиненіемъ Басенъ *А. Измаиловъ и В. Пушкинъ;* первый изъ нихъ въ особенности изображалъ пороки и странности людей низкаго класса. — Нельзя не упомянуть также о Басняхъ *Зилова.* — Многія изъ нихъ остроумно написаны и могутъ быть прочтены съ удовольствіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СМѢШЕННАЯ ПОЭЗІЯ.

§ 135. Всѣ поэмы содержатъ описанія въ разныхъ стихотвореніяхъ; но новѣйшіе отдѣлили этотъ родъ поэзіи и обработали съ успѣхомъ. — А потому, нынѣ подъ *Описательною Поэзіею* разумѣютъ ту, ко- Свойство Поэзіи Описательной и

отличіе ея отъ повѣствовательной.

торая изображаетъ новые, занимательные предметы, существующіе въ *одно* время, и которая подражаетъ живописи, замѣняя для воображенія то, что не подвержено зрѣнію. — Отъ повѣствовательной же поэзіи отличается Описательная тѣмъ, что представляетъ предметы въ *пространствѣ*, а не во времени; она не разсказываетъ о предметахъ, но *рисуетъ* ихъ, какъ настоящіе.

Раздѣленіе.

§ 136. Описательная Поэзія заключаетъ въ себѣ: 1) собственно Описательную Поэму, изображающую предметы природы и искусства, и 2) Поэзію Пастушескую, описывающую безпорочные нравы первородныхъ жителей земнаго шара.

I. ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПОЭМА.

§ 137. *Поэма Описательная* особенно занимается изображеніемъ природы, ея дѣйствій, также произведеніями искусствъ. — Стихотворецъ, желая одушевить мертвую природу, изображеніемъ мыслей и чувствованій, ею возбуждаемыхъ, сверхъ обширныхъ свѣдѣній въ Физикѣ и Естественной Исторіи, долженъ обладать геніемъ, дабы сдѣлать сіи предметы достойными языка поэзіи.

Средства доставить занимательность описаніямъ.

§ 138. Въ изображеніяхъ видимой физической природы должно поступать такъ, какъ Омиръ, Тассъ и лучшіе драматическіе стихотворцы поступали въ изображеніяхъ нравственной природы: надлежитъ ее *увеличить*, *украсить* и *сдѣлать привлекательною*. — *Противоположности* въ описаніяхъ также производятъ не малое удовольствіе. — Печаль, изображенная въ восхитительныхъ садахъ, густой прохладный лѣсъ послѣ описанія чрезмѣрнаго жара и т. п. все это пробудитъ чувствительность читателя. Для большаго разнообразія, при описаніяхъ сельской приро-

ды, часто представляются жители полей, ихъ обычаи, труды и удовольствія.

§ 139. Описательныя поэмы сочиняются *экзаметрами* и *Александрійскими* стихами. — Этотъ родъ поэмъ не былъ извѣстенъ древнимъ поэтамъ; но хотя они и не сочиняли Описательныхъ поэмъ, за то славились Описательною поэзіею. — У насъ есть довольно хорошіе переводы Описательныхъ поэмъ *Воейкова*; а изъ оригинальныхъ должно замѣтить поэму, написанную *Ѳ. Глинкою*, подъ названіемъ: *Карелія*.— Любители поэзіи, изображающей красоты и ужасы природы, поэзіи, въ земныхъ очеркахъ своихъ одушевляющейся пареніемъ въ міръ надзвѣздный, съ удовольствіемъ прочтутъ это стихотвореніе. — Авторъ избралъ предметомъ заточеніе родительницы Царя Михаила Ѳеодоровича въ дикой Кареліи, для изображенія тамошней природы, величественной въ угрюмости своей; два вводныя лица: поселившійся въ пустынѣ монахъ Грекъ, и молодая поселянка, бесѣдуя съ Царицею, повѣствованіемъ своимъ оживляютъ картину. — Монахъ говоритъ о страданіяхъ своей юности, о странствіяхъ по Европѣ, о потерѣ всего земнаго, о надеждѣ на небесное; простодушная поселянка разсказываетъ басни и повѣрья своего отечества. — Поэма оканчивается освобожденіемъ страдалицы. — Строгая критика найдетъ въ этомъ стихотвореніи ошибки и слабыя мѣста; но читатель, чувствительный къ красотамъ поэзіи, природы и неземныхъ мечтаній, не разъ поблагодаритъ автора.

Размѣръ Описательныхъ поэмъ. Отечественные писатели.

II. ПАСТУШЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

§ 141. *Пастушеская Поэзія*, или *Буколическая*, есть подраженіе сельской жизни, представленное со всевозможными пріятностями. — Сюда относятся Экло-

Разность между Экло-

гою и Идиліею.

га и Идиллія, имѣющія ту разность, что Эклога требуетъ дѣйствія, гдѣ вводятся говорящія лица, пѣсни пастуховъ, споръ въ игрѣ на свирѣли, ловля рыбъ и т. п., а Идиллія довольствуется изліяніемъ однихъ сердечныхъ чувствованій, нѣжностію и разсказомъ о красотахъ природы. Между тѣмъ, какъ въ Идилліи, такъ и Эклогѣ не просто описываются сельскіе нравы, или происшествія; но изображается состояніе счастливѣйшее, какимъ люди наслаждались, судя по преданіямъ, въ золотомъ вѣкѣ.

Дѣйствующія лица въ Эклогѣ.

§ 141. *Дѣйствующими лицами* въ Эклогѣ бываютъ пастухи, земледѣльцы, рыболовы, жнецы, собиратели винограда и т. п. Можно представить въ Эклогѣ одного, или двухъ пастуховъ, третій вводится иногда въ видѣ судіи. Такимъ образомъ писали Буколическія сочиненія Ѳеокритъ и Виргилій. — Многіе хотѣли исключить изъ области Пастушеской поэзіи косцовъ, дровосѣковъ, рыбылововъ, въ той мысли, что такія занятія не могутъ намъ представить восхитительныхъ картинъ. — Но стоитъ только въ лѣтнее время посмотрѣть на луга во время сѣнокоса, на собираніе хлѣба, на веселыя лица поселянъ, когда они при вечернемъ возвращеніи съ работы, образовавъ хороводы, обнаруживаютъ радость свою въ играхъ, пѣсняхъ и пляскахъ. — Разумѣется, что поэтъ, излагая сельскія занятія, не долженъ теряться въ подробностяхъ. — Эклога не есть Дидактическое стихотвореніе объ овцеводствѣ, садоводствѣ и проч.; дѣло поэта живописать намъ пріятныя страсти, представить благополучное состояніе этихъ дѣтей природы.

Характеры лицъ.

§ 142. *Характеры дѣйствующихъ лицъ* въ Пастушескомъ стихотвореніи должны соотвѣтствовать мѣсту, или сценѣ, на которой дѣйствуютъ. — Тамъ луга украшаются вѣчною зеленью, тѣни прохладительны, воздухъ чистый. — Подобно природѣ, серд-

ца пастуховъ добры, веселы; въ характерѣ ихъ видны кротость, простота. Эти чада природы свѣдущи только въ предметахъ, ихъ окружающихъ, и говорятъ только о стадахъ, дѣлахъ сельскихъ, полевыхъ работахъ и т. п. — Дружба составляетъ главное содержаніе ихъ пѣсень. Впрочемъ, и пастухи имѣли иногда свои печали и безпокойства. — Небо не всегда было у нихъ ясное; поля ихъ терпѣли отъ града, бури; плоды ихъ огородные и полевые могли быть повреждаемы морозомъ, зноемъ; етада истребляемы язвою.

Форма Эклоги, слогъ и размѣръ стиховъ.

§ 143. *Форма* Эклоги бываетъ *драматическая, эпическая* и *смѣшенная;* въ сей послѣдней бываетъ и нѣчто лирическое, какъ то: пѣсни пастуховъ, или нѣчто драматическое, наприм. споръ между ними въ искусствѣ пѣнія. — Наконецъ Эклога можетъ имѣть видъ пѣсни, оды, элегіи. — *Слогъ* же Пастушеской поэзіи вообще простъ, нѣсколько плодовитъ; потому что пастухи, въ спокойной жизни своей, любятъ заниматься подробностями, какъ-то: описаніемъ работъ, плясокъ, праздниковъ, уборовъ, и особенно описаніемъ мѣстоположеній. — Въ одномъ только случаѣ, когда самъ поэтъ говоритъ въ Эклогѣ, слогъ нѣсколько возвышается. — У насъ Буколическія стихотворенія пишутся *Александрійскими стихами*, а у Древнихъ употреблялись для сего *экзаметры*.

Замѣчаніе о Идилліяхъ Аллегорическихъ.

§ 144. Иногда поэты даютъ Идилліямъ видъ *Аллегорій*, сравнивая наши заботы, огорченія, пороки, обязанности съ спокойствіемъ, удовольствіями и невинностію пастуховъ. — *Аллегоріи* такія берутся отъ безчувственныхъ вещей, какъ-то: цвѣтовъ, ручьевъ, водопадовъ и т. п. Что можно видѣть въ Идилліяхъ Г-жи *Дезульеръ*, переведенныхъ у насъ Мерзляковымъ.

Греческіе писатели

§ 145. *Начала* Пастушеской поэзіи надобно искать въ отдаленнѣйшей древности и притомъ въ сочине-

Пастушеск. стихотвореній.

ніяхъ *восточныхъ* народовъ. — Намъ болѣе извѣстны позднѣйшія Пастушескія стихотворенія *Грековъ;* между ними *Θеокритъ* первый началъ писать въ этомъ родѣ. — Онъ родился въ Сиракузахъ за 280 *л.* до Р. Х.

Θеокритъ.

Его творенія отличаются естественностію, пріятностію, невинностію, также выраженіемъ кроткихъ чувствованій и страстей. — Впрочемъ, иногда простота Θеокритова слога переходитъ въ грубость; онъ нерѣдко теряется въ маловажныхъ и однообразныхъ происшествіяхъ. — Бо́льшею частію онъ описываетъ ссоры пастуховъ и споры ихъ въ игрѣ на свирѣли.

Мосхъ

Мосхъ и *Біонъ* явились на этомъ поприщѣ послѣ Θеокрита. По малому числу піесъ, оставшихся послѣ Моска, можно судить, что онъ далъ Эклогѣ новое направленіе: у него болѣе тонкости и выбора, и менѣе небрежности; но за то Эклоги его потеряли со стороны естественности и простодушія, составляющихъ душу пастушескихъ стихотвореній. — Его лѣса суть болѣе увеселительные сады, а источники почти фонтаны. — Впрочемъ, его Идиллія: *Похищеніе Европы* заслуживаетъ особенное вниманіе.

Біонъ.

Біонъ еще болѣе удалился отъ Θеокрита, нежели Мосхъ. Его Идилліи болѣе украшены, и вездѣ въ нихъ примѣтно стараніе нравиться, иногда даже съ принужденіемъ. — *Плачъ объ Адонисѣ,* изящнѣйшее его твореніе, имѣетъ нѣкоторыя антитезы, составляющія одну только игру ума.

Сравненіе упомянутыхъ трехъ поэтовъ.

Примѣчаніе. Сближая характеры сихъ трехъ поэтовъ, видимъ, что *Θеокритъ* изображалъ природу простую, а иногда небрежную; *Мосхъ* съ искусствомъ распорядилъ ее, а *Біонъ* далъ украшеніе. — У Θеокрита Идиллія въ лѣсу, или на зеленомъ лугу, у Моска въ городѣ, у Біона почти на театрѣ.

Римскіе Буколическіе

§ 146. Изъ золотаго вѣка Римской словесности, *Виргилій* прославился также своими Пастушескими стихотвореніями. *Десять* Эклогъ, имъ написанныхъ, суть

подражанія Θеокритовымъ; но въ нихъ замѣтно болѣе вкуса, болѣе украшеній, сообразно съ его духомъ времени и утонченными чувствованіями народа образованнаго. Горацій отмѣнно живописалъ характеръ Виргиліевыхъ Эклогъ слѣдующи словами: писателн.

«Molle atque facetum
«Virgilio annuerunt gaudentes rure Camoenae.»

Виргилій описаніями игръ и забавъ пастуховъ своихъ болѣе занимаетъ читателей, нежели Θеокритъ. — Сладкозвучіе стиховъ его плѣнительно до чрезвычайности. При всемъ томъ, сколь ни прелестенъ покровъ Эклогъ его; но онъ прозраченъ, и сельскіе цвѣты теряютъ свою живость отъ дыханія лести.

Калпурній и *Немезіанъ* славились своими Пастушескими стихотвореніями въ царствованіе Діоклитіана.— *Авзоній*, писатель IV вѣка, оставилъ до 20 Идиллій.

§ 147. У насъ *Ломоносовъ* первый показалъ образцы Идиллій; но, читая ихъ, мы находимъ, что перо, какъ бы противъ воли поэта, измѣняетъ ему; онъ нечувствительно берется за *любимую* кисть свою, и сильнымъ почеркомъ, вмѣсто пастушки, изображаетъ героиню. — *Сумароковъ* написалъ множество Эклогъ, но низкихъ по содержанію и слогу. — *Дмитріева* Идиллія: *Людмила* и *Батюшкова* Эклога: *Омиръ* и *Изіодъ*, отличаются простотою и изяществомъ слога. — Многія изъ Идиллій, изданныхъ *Панаевымъ*, замѣчательны по благородной простотѣ своей. — *Θ. Глинка* въ повѣсти: *Бѣдный* и *Трудъ*, *Гнѣдичъ* въ *Рыбакахъ*, показали опытъ національной Идилліи. — Пушкина, *Гусаръ*, *Будрысъ и его сыновья* также суть Идилліи. — Мы имѣемъ также два довольно хорошіе перевода Эклогъ Виргилія, одинъ *Воейкова*, а другой *Мерзлякова*. — Идилліи Г-жи Дезульеръ и нѣкоторыя изъ Идиллій Θеокрита, Моска и Біона переведены удачно *Мерзляковымъ*. — *Жуковскій* прекрасно пере- Русскіе писатели Пастушескихъ стихотвореній.

велъ Идилліи: *Красный Карбункулъ*, *Овсяный Кисель*, *Двѣ были и еще одна*, *Путешественникъ* и *Поселянка*.

О ПАРОДІИ И О СОЧИНЕНІЯХЪ, ВЫВОРОЧЕННЫХЪ НА ИЗНАНКУ.

Содержаніе, цѣль и изобрѣтатели Пародіи.

§ 148. *Пародія* состоитъ въ примѣненіи одного и того же сочиненія къ другимъ происшествіямъ и къ другимъ лицамъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій. Изобрѣтателемъ Пародіи почитаютъ *Иппонакса*, за 540 л. до Р. Х., а другіе *Архилоха*. Пародія имѣетъ цѣлію пріятность и пользу; иногда выказываетъ ложныя красоты какого либо сочиненія, исправляетъ самолюбивыхъ и достойныхъ осмѣянія писателей. Древніе полагали нѣсколько родовъ Пародій, показанныхъ Цицерономъ въ его твореніи *De oratore*.—У *Аристофана* есть также Пародіи, состоящія въ сочиненіи стиховъ во вкусѣ и слогѣ худыхъ стихотворцевъ. У насъ *Николевъ* сочинилъ двѣ Оды въ подражаніе слогу Тредіяковскаго.

Свойство сочиненій, выворочennыхъ на изнанку, слогъ и писатели.

§ 149. *Изнанкою* называется описаніе шуточнымъ и даже низкимъ слогомъ происшествій, прежде описанныхъ слогомъ высокимъ. *Выворотъ на изнанку* есть произведеніе новѣйшихъ временъ; требуетъ слога легкаго и шутливаго, а притомъ, какъ въ содержаніи, такъ и вымыслахъ не имѣетъ никакой отъ подлинника отмѣны. У насъ первыя семь пѣсней Виргиліевой Энеиды выворочены на изнанку *Осиповымъ*, а остальныя пять *Котельницкимъ*. — *Люценко* написалъ въ томъ же вкусѣ поэму: *Похищеніе Прозерпины*.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

§ 150. Поэзія *Эпическая* изображаетъ минувшее настоящимъ, спокойно и ясно предъ глазами нашими

совершающимся въ постепенномъ развитіи; обьемлетъ, подобно природѣ, и великое и малое; не ограничиваясь временемъ, представляетъ *одно* только дѣйствіе, во всемъ его многообразіи, коего средоточіемъ *одно* главное лице, какъ высокое явленіе эпическаго міра, состоящее подъ законами вселенной, повинующееся волѣ боговъ, несомое вихремъ временъ и колеблемое бурею происшествій, но твердо стоящее на незыблемомъ основаніи своего благородства и ощущающее шествіе Божества по землѣ. Къ Эпической Поэзіи относятся: a) *Поэма Эпическая*, b) *Стихотворная Повѣсть* и c) *Сказка*.

A. ПОЭМА ЭПИЧЕСКАЯ.

Опредѣленіе Эпопеи и раздѣленіе.

§ 151. *Поэма Эпическая*, или *Эпопея*, есть стихотворное повѣствованіе одного дѣянія, или происшествія изъ жизни героя, т. е. главнаго ея лица. — Она, по содержанію своему, раздѣляется: 1) на *Героическую* и 2) *Комическую*. — Къ этимъ двумъ родамъ принадлежитъ еще 3) *Романтическая поэма*, занимающая средину между Героическою и Комическою.

1. Героическая поэма.

Опредѣленіе Героической поэмы.

§ 152. *Поэма Героическая* есть піитическое изображеніе важнаго, великаго дѣйствія, въ которомъ свобода и самостоятельность человѣка являются въ борьбѣ съ судьбою. — *Баттё* называетъ Поэму Эпическую повѣствованіемъ чуднаго дѣйствія; *Вольтеръ* повѣстію въ стихахъ о геройскихъ приключеніяхъ.

Различіе между Эпопеею и Исторіею.

§ 153. Дѣйствіе Эпопеи обыкновенно называется *баснею*. Названіе это произошло не отъ того, чтобы содержаніе Эпопеи необходимо было баснословно и вымышлено; ибо истина и вымыслъ входятъ равно въ составъ Эпопеи, особливо Героической; первая составляетъ ея основу, другой способствуетъ къ об-

разованію и развитію цѣлаго. — Впрочемъ, *разность между Эпопеею* и *Исторіею* не состоитъ въ томъ, что первая не обязана строго придерживаться истины, что̀ непремѣнно требуется отъ другой; эта разность заключается собственно въ объемѣ дѣйствія, въ направленіи и цѣли. Историкъ говоритъ разуму, а Эпикъ воображенію и чувству посредствомъ живыхъ, разительныхъ картинъ и описаній: онъ одушевляетъ всю природу. — Исторія есть повѣствованіе множества происшествій, а Эпопея — одного и притомъ величественнаго, чудеснаго и трогательнаго. — Держась строгой справедливости, Эпопея обратится въ Исторію; не имѣя извѣстныхъ лицъ своимъ основаніемъ, сдѣлается романомъ; не представляя ничего чудеснаго, потеряетъ свое величіе, а съ нимъ вмѣстѣ главный, отличительный признакъ своего качества.

Единство Эпопеи. § 154. Существенное свойство Эпическаго дѣйствія есть *единство* и направленіе всего цѣлаго къ одной точкѣ зрѣнія. — Для сего не довольно, чтобъ было *одно главное лицо*, или *одно время*, въ которое совершаются многія происшествія; но самый главный *предметъ* Героической поэмы долженъ быть *одинъ*: онъ составляетъ изъ многихъ частей одно стройное, цѣлое. — Эпопея не есть описаніе цѣлой жизни, или разныхъ знаменитыхъ подвиговъ героя, но изображеніе *единаго* только славнаго, совершеннаго имъ предпріятія.

Эпизоды. § 155. При единствѣ Эпическаго дѣйствія, Поэма имѣетъ вводныя повѣствованія постороннихъ происшествій, или *Эпизоды*, посредствомъ коихъ продолжительное повѣствованіе Эпическое получаетъ болѣе разнообразія, а читатель болѣе удовольствія, находя въ нихъ, такъ сказать, пріятное отдохновеніе напряженному своему вниманію. Впрочемъ, всѣ Эпизоды должны относиться къ главному дѣйствію и ли-

цу. *Эпизоды* бываютъ *необходимые* и *случайные*. Такимъ образомъ разсказъ Энея Дидонѣ о взятіи Трои и несчастіяхъ, претерпѣнныхъ имъ со времени отшествія изъ сего опустошеннаго города, есть главный и притомъ *необходимый* Эпизодъ Энеиды, потому что посредствомъ его мы узнаемъ о приключеніяхъ важныхъ, происходившихъ до начала дѣйствія Поэмы. Но слѣдующій Эпизодъ есть *случайный*: Эней проситъ помощи у царя Евандра противъ народовъ Италіи, препятствующихъ ему поселиться въ этой странѣ; онъ приходитъ къ нему во время его жертвоприношенія; при чемъ Евандръ разсказываетъ Энею о происхожденіи и началѣ того жертвоприношенія .— Этотъ разсказъ, весьма естественно приведенный, не былъ однакожъ необходимъ.

Величіе Эпопеи.

§ 156. Второе необходимое свойство Эпическаго дѣйствія есть его *величіе* или *важность*. Эпическій поэтъ долженъ избирать такой предметъ, который бы самъ по себѣ и по дѣйствующимъ лицамъ, по слѣдствіямъ, препятствіямъ, вліянію и подробностямъ, доставлялъ обильнѣйшій запасъ творческому его генію. Сверхъ того, Эпическое дѣйствіе весьма много пріобрѣтаетъ важности, когда предметъ заимствуется изъ *отдаленнѣйшаго времени*, потому что самая давность уже, нѣкоторымъ образомъ, возвышаетъ въ насъ понятіе о героѣ и его подвигѣ; а вымыслы стихотворные получаютъ больше правдоподобія. — Межъ тѣмъ какъ дѣйствіе, взятое изъ Исторіи новой, будучи соединено съ вымыслами, сдѣлается мало вѣроятнымъ, и обработать его для сочинителя гораздо труднѣе. Этимъ изъясняется малый успѣхъ поэмъ Лукана и Вольтера.

Занимательность Эпопеи.

§ 157. Третіе и важнѣйшее свойство поэмы есть *занимательность*, которая зависитъ частію отъ важности главнаго дѣйствія, частію отъ достойнаго образа изложенія, хода и слога, частію же отъ харак-

теровъ дѣйствующихъ лицъ. — Обыкновенно чѣмъ болѣе привязываютъ насъ къ себѣ характеры лицъ, тѣмъ живѣе, трогательнѣе становятся для насъ и ихъ предпріятія, состояніе и участь. — Предметъ же повѣствованія дѣлается привлекательнымъ для читателя тогда, когда возбуждаетъ въ немъ полное участіе. Это *участіе* происходитъ: или 1) отъ единства *религіи*, когда предпринятый героемъ подвигъ клонится къ славѣ вѣры, исповѣдуемой читателемъ, какъ въ поэмѣ *Освобожденный Іерусалимъ*; или 2) отъ единства *происхожденія* (отечества), когда герой, произведшій отличныя дѣянія, принадлежитъ къ одному съ читателемъ народу, какъ въ *Россіядѣ* и *Генріадѣ*; или 3) отъ единства *общихъ человѣческихъ чувствованій*, когда изображаются поэтомъ дѣянія, свойственныя каждому народу, каждому вѣку, что̀ находимъ въ *Иліадѣ*.

Завязка и развязка.

§ 158. Занимательность Эпическаго дѣйствія увеличиваютъ *завязка*, или *узлы*, и *развязка*.—Эти узлы суть препятствія и опасности, или въ самомъ дѣлѣ случившіяся въ ходѣ повѣствованія, или вымышленныя стихотворцемъ, и возбуждаютъ участіе читателя, который страшится за героя, и съ любопытствомъ ждетъ окончанія. — Узлы бываютъ: *главный* и *зависимые*. — Главный узелъ Энеиды есть гнѣвъ Юноны, противящейся поселенію Энея въ Италіи; зависимые: буря отдаляющая Энея отъ Италіи, любовь Дидоны, удерживающей его въ Карѳагенѣ, мужество Турна, недопускающаго исполнить предпріятіе. — Развязка (преодолѣніе препятствій) требуетъ вѣроятности, естественности и нечаянности. — Развязка, происшедшая собственно отъ дѣйствующаго лица, безъ внѣшнихъ къ тому пособій, дѣлаетъ болѣе чести герою поэмы, и слѣд. должна почитаться блистательнѣйшею. — Она должна случиться отъ какого либо непредвидѣннаго случая, а не отъ про-

стой перемѣны воли. — Ахиллъ клялся не сражаться за Агамемнона. — Если бы онъ, склонясь на просьбы и убѣжденія, отмѣнилъ клятву свою безъ всякой побудительной причины; тогда не выдержалъ бы величія своего характера. — Но Ахиллъ, не смягчаясь ни просьбами, ни бѣдствіями своихъ соотчичей, пребылъ непоколебимъ; смерть же друга его перемѣняетъ все: онъ забываетъ о клятвахъ, летитъ на брань, побѣждаетъ непріятеля; и — сражаясь за Агамемнона, не его выгоды, но только одно мщеніе имѣетъ своею цѣлію.

§ 159. Эпическое дѣйствіе должно быть *исполнено чрезвычайностей*, извѣстныхъ подъ именемъ *чудеснаго*, т. е. смѣлыхъ, но правдоподобныхъ вымысловъ, какъ-то, въ древнихъ поэмахъ введеніе языческихъ божествъ, а въ новѣйшихъ представленіе лицъ *Аллегорическихъ*. — *Чудесное* составляетъ необходимое свойство Эпическаго дѣйствія, потому что всякое великое происшествіе, касающееся цѣлаго народа, или всего человѣчества, не можетъ быть совершено токмо силами смертныхъ безъ содѣйствія сверхъестественнаго. Впрочемъ, высшія существа вводятся въ Поэмѣ только въ случаяхъ важныхъ:

Чудесное, составляющее необходимую принадлежность Эпопеи.

«Nec deus intersit, nisi dignus vindice nodus
«Inciderit....

§ 160. Древніе въ Поэмахъ своихъ тремя способами представляли силы сверхъестественныя: или онѣ дѣйствовали отдѣльно на небесахъ, въ адѣ, въ воздухѣ; или вмѣстѣ съ героями; или наконецъ являлись въ знаменіяхъ, необыкновенныхъ сновидѣніяхъ и т. п. Первый способъ есть самый приличный богамъ; другой унижаетъ ихъ нѣсколько, сближая съ людьми; третій изъ всѣхъ слабѣйшій. — Тотъ родъ *чудеснаго*, который участвуетъ въ дѣйствіи чрезъ по-

Три способа вводить чудесное въ поэмахъ древнихъ.

средство высшихъ силъ, называется *махинальнымъ* Эпическаго дѣйствія, а самыя существа сіи *Махинами*. — Обративъ вниманіе на одно начало Энеиды, мы увидимъ боговъ, повсюду дѣйствующихъ. Юнона нисходитъ съ неба; царь вѣтровъ возбуждаетъ ужасную бурю; Нептунъ укрощаетъ волны. — Слѣдуя до конца поэмы, мы видимъ вездѣ сверхъестественныя существа, которыя поэтъ заставляетъ дѣйствовать, сообразно понятію о нихъ современниковъ. — Самые первые стихи Энеиды: «*Arma virumque cano, Trojae qui primus ab oris*» — «*Italiam Fato profugus, Laviniа venit*» — «*Littora*.... имѣютъ уже́ чудесность Эпопеи: здѣсь видны божество и человѣкъ.

Способъ введенія чудеснаго Христіанскими поэтами.

§ 161. Эпическая поэзія очень много лишилась съ потерею древней миѳологіи, когда боги привлекали къ себѣ весь благоговѣйный ужасъ и почитаніе народовъ, какъ дѣйствительно существующіе. — Стихотворцу довольно было представить ихъ. — Новѣйшія Поэмы не имѣютъ этой выгоды: ибо не всѣ еще согласны въ томъ, чтобъ силы умственныя, взятыя изъ Христіанской религіи, были способны для поэзіи Эпической. — Въ замѣну древней Миѳологіи, Христіанскіе поэты прибѣгнули: 1) къ способамъ, доставляемымъ отъ господствующаго мнѣнія и суевѣрія народнаго, которое долго не изсякнетъ: человѣкъ всегда младенецъ; 2) къ олицетворенію страстей, добродѣтелей, пороковъ и проч., которые вводятся въ поэмѣ или какъ божества, или представляются какъ риторическія фигуры; такъ у Жуковскаго олицетворены: *самовластительство*, *кара*, *гладъ*, *человѣчество*. — Первымъ же способомъ, замѣняющимъ чудесное, удачно воспользовался Тассъ, употребивъ волшебства и духовъ, которымъ во время Крестовыхъ походовъ, при слабораспространившейся

религіи Христіанской, и при общемъ согласномъ мнѣніи того вѣка, могли вѣрить современники.

Введеніе чудеснаго въ поэмахъ Мильтона и Тасса.

§ 162. *Мильтонъ* и *Тассъ*, въ противность мнѣнія Боало, полагавшаго, что Христіанство не можетъ согласоваться съ чудеснымъ, удачно замѣнили древнихъ боговъ тѣми силами небесными и преисподними, о которыхъ говоритъ намъ Св. Писаніе. — Когда Мильтонъ представляетъ намъ Сына Божія, объявляющаго Богу Отцу желаніе искупить родъ человѣческій; когда описываетъ хитрости злаго искупителя, разговоръ духовъ, господствующихъ надъ звѣздами, рѣками и горами; когда видимъ у Тасса изображеніе Ангела Гавріила, побуждающаго Готфрида на приступъ къ Іерусалиму, и въ другомъ мѣстѣ Михаила, низвергшаго страшнымъ своимъ копіемъ духовъ адскихъ: то, не находя въ томъ ничего противнаго порядку, установленному Всемогущимъ Творцемъ, плѣняемся такими изображеніями.

Ошибки поэтовъ, смѣшавшихъ Миѳологію съ Христіанствомъ

§ 163. Впрочемъ, нѣкоторые знаменитѣйшіе эпики впали въ непростительную погрѣшность, смѣшавъ Миѳологію съ Христіанствомъ. — Тассъ давалъ своимъ демонамъ имена языческихъ фурій и духовъ адскихъ; у Мильтона встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы его Цербера, Тантала и Медузу! въ Камоенсовой Луизіадѣ, въ одно и тоже время, являются лица Христіанскаго міра и языческіе боги.

Правдоподобіе чуднаго.

§ 164. Эпическая поэма требуетъ разборчивости, и *правдоподобія* въ употребленіи чудеснаго; иначе сдѣлается волшебною сказкою. — Омиръ трогаетъ, восхищаетъ насъ, но не тогда, когда позываетъ рѣку, выходящую изъ своего ложа, бѣгущую за человѣкомъ, и Вулкана, съ гнѣвомъ заставляющаго ее войти опять въ свои берега. — Я не говорю уже о чудесныхъ сказкахъ Одиссеи, — о Полифемѣ, Харибдѣ, Сциллѣ, объ этѣхъ, впрочемъ очаровательныхъ, чудесностяхъ — *speciosa miracula*, о кораблѣ, по-

строенномъ Улиссомъ въ два дня,— все это могло нравиться въ младенчествующій по просвѣщенію вѣкъ Омировъ. — Виргилій, живя въ вѣкѣ образованномъ, употреблялъ чудесное осторожнѣе Омира. — Когда въ *Потерянномъ Раѣ* смотримъ на величайшихъ демоновъ, дѣлающихся карликами, дабы помѣститься въ томъ небольшомъ пространствѣ, куда Сатана собираетъ ихъ для выслушанія рѣчи его; — или на разрубленнаго демона, котораго части мгновенно срастаются; или когда въ *Освобожденномъ Іерусалимѣ* находимъ волшебницу, превращающую рыцарей въ рыбъ, Клоринду, заключенную въ деревѣ и поражаемую Танкредомъ: такіе вымыслы кажутся нелѣпыми, разрушающими законы естественные; нашъ умъ опровергаетъ ихъ.

Характеры лицъ, дѣйствующихъ въ Эпопеѣ.

§ 165. Эпическій поэтъ избираетъ для Эпопеи такія *дѣйствующія лица*, коихъ *характеры* изящны, опредѣленны, представлены въ противоположности и выдержаны отъ начала до конца.— Сверхъ того, поэтъ долженъ придать своимъ героямъ нравы ихъ вѣка и страны. — Главный герой поэмы долженъ быть добродѣтельнымъ: ибо подвигъ, имъ предпринимаемый, предполагается полезнымъ и достойнымъ удивленія.— Впрочемъ, не правдоподобно было бы представить его совершенно добродѣтельнымъ (каковъ напр. Готфридъ): герой поэмы можетъ имѣть слабости, погрѣшности, даже сильную и вредную страсть, какъ Эней и Ахиллесъ; хотя и самыя погрѣшности его кажутся героическими. — Но изъ добродѣтелей его одна должна быть господствующею: такъ Эней отличается благочестіемъ, Ахиллъ мужествомъ.

Слогъ Эпопеи.

§ 166. *Слогъ* Эпопеи сообразуется съ важностію предмета. — Одно уже предположеніе , что Божество, или Муза, вдохнула пѣсни стихотворцу, требуетъ великолѣпія въ изложеніи, которое, однакожъ, не должно превращаться въ холодную напыщен-

ность. — А чтобы эпическій тонъ не былъ единообразенъ, то стихотворцы измѣняютъ его по свойству предмета, оставляютъ въ приличномъ мѣстѣ повѣствованія и вводятъ говорящія лица — Отъ сего Эпическое стихотвореніе становится иногда драматическимъ; видимыя сцены оживляютъ дѣйствіе, и глубоко впечатлѣваются въ нашихъ чувствахъ.

Части, составляющія Поэму

§ 167. Въ *формѣ* Эпопеи наблюдаются три части: 1) *предложеніе*, или краткое изложеніе содержанія Эпопеи; — Мармонтель называетъ предложеніе нѣсколько распространеннымъ наименованіемъ Поэмы;— 2) *воззваніе* къ Божеству, или Музѣ, отъ которыхъ пѣвецъ надѣется узнать неизвѣстныя для смертныхъ побудительныя причины происшествій; — 3) *повѣствованіе*, содержащее весь послѣдующій составъ Поэмы, или самое дѣйствіе. — Эта часть Поэмы раздѣляется еще на отдѣльныя части, которыя у Омира называются *рапсодіями*, а у Римлянъ и у новѣйшихъ *пѣснями*, число коихъ зависитъ отъ величины Поэмы.

Размѣръ стиховъ.

§ 168. Греки и Римляне исключительно для Эпической поэмы избрали *Экзаметры*, называющіеся по этой причинѣ героическими стихами. — Италіянскіе пѣснопѣвцы употребляютъ терцеты, или изъ 8-ми стиховъ состоящіе стансы; Англичане, по большей части, пятистопные ямбы безъ рѳмъ въ важныхъ, или краткіе четырестопные ямбы въ шуточныхъ своихъ Эпопеяхъ. — У насъ введенъ *Экзаметръ* только въ переводахъ съ греческаго и латинскаго языковъ. — Оригинальныя же русскія поэмы писаны стихами *Александрійскими*.

Начало Эпопеи и творенія Омира.

§ 169. Происхожденіе Героической поэмы относится къ самымъ древнимъ временамъ Греціи, когда повѣствованіе достопамятныхъ происшествій, особливо баснословныхъ и героическихъ, было главнѣйшимъ предметомъ Поэзіи. Ни одинъ стихотворецъ во всей Греціи не пріобрѣлъ столь великой славы пѣснопѣ-

ніями сего рода, какъ *Омиръ*, жившій почти за 1000 (980) лѣтъ до Р. Х. Мы не знаемъ мѣста его рожденія. Семь греческихъ городовъ присвоивали себѣ эту славу; но два только мѣста: городъ *Смирна* и островъ *Хіо* предъявили весьма многія доказательства въ свою пользу. — Объ его Эпическія поэмы: *Иліада* и *Одиссея*, первоначально были не что иное, какъ отрывки, или особыя пѣсни (рапсодіи), которыя Ликургъ, во время путешествія своего по Іоніи, первый собралъ и привезъ въ Лакедемонъ, откуда распространились они по Греціи. Потомъ во времена Солона и Пизистрата, Ипнархъ, сынъ сего послѣдняго, вновь велѣлъ списать ихъ въ Аѳинахъ, и этотъ списокъ былъ съ того времени въ употребленіи до Александра Великаго. Квинтиліанъ начертываетъ характеръ Омировыхъ поэмъ въ немногихъ словахъ. — По его мнѣнію, Омиръ соединилъ высокое, прелестное, веселое; — *Hunc nemo in magnis sublimitate, in parvis proprietate superaverit; idem laetus ac pressus, jucundus et gravis, tum copiâ, tum brevitate mirabilis.* — Если Древніе называли Поэзію языкомъ боговъ, то въ этомъ смыслѣ Омиръ былъ подлинный поэтъ. — У Древнихъ почтеніе къ нему возвышалось до обожанія. — *Эліанъ* повѣствуетъ, что Птоломей Филопаторъ, соорудивъ храмъ въ честь Омира, представилъ его возсѣдящимъ на тронѣ, въ виду городовъ, состязавшихся о мѣстѣ его рожденія. — По признанію самого *Эсхила*, всѣ отличнѣйшіе стихотворцы почерпали изъ Омира свои предметы и средства живописать ихъ. — Книги Омировы заключали въ себѣ Ѳеологію, Философію, Исторію, Географію и науку государственную. — Дивно ли, что чтеніе Омира повелѣно было правительствомъ и сдѣлалось всеобщимъ?

Толки нѣкоторыхъ

Примѣчаніе. По мнѣнію Скалигера, *Виргилій* превосходитъ Омира. Италіянцы думаютъ, что Тассовъ

Освобожденный Іерусалимъ несравненно превосходитъ ихъ обоихъ. Адиссонъ, въ похвалѣ Мильтона, беретъ слѣдующій текстъ: *cedite Romani scriptores, cedite Graii*; словомъ, нѣтъ ни одной Поэмы до самой Франціады Ронсардовой, которая бы не была подлѣ, или даже выше образцовъ древности. — Но слава Омира непреложна! писателей объ Омирѣ.

§ 170. Сверхъ Омира, не столь блистательные, не имѣющіе отличныхъ піитическихъ красотъ, но заслуживающіе наше уваженіе, памятники греческой поэзіи суть: двѣ Поэмы о походѣ Аргонавтовъ *Орфея* и *Аполлонія Родійскаго;* Геро и Леандръ *Музея*; похищеніе Елены *Колувa*; дополненіе къ Иліадѣ *Калибера*, и взятіе Трои *Трифіодора*. Другія небольшія греческія поэмы.

§ 171. Между Римскими героическими пѣвцами, *Виргилій*, родившійся близъ Мантуи за 70 лѣтъ до Р. Х., заслуживаетъ первое мѣсто. — *Энеида* его хотя есть подражаніе Иліады, но подражаніе, совершенное духомъ высокимъ, творческимъ и притомъ приноровленное ко вкусу и образованности своего времени. — Величественную Омирову простоту, силу и изобрѣтательность замѣнили здѣсь блистательное искусство плана, важный тонъ изложенія и вкусъ во всей своей изящной утонченности. Извѣстно, что Виргилій былъ столь великій почитатель Омира, что его называли *гомерическимъ*; но, будучи его подражателемъ, онъ говорилъ, что легче было бы взять у Геркулеса его палицу, нежели похитить одинъ стихъ у Омира. — Вторая, четвертая и шестая пѣсни Энеиды почитаются совершеннѣйшими, которымъ подобныхъ не произвела Эпопея ни у какого народа. Особливо пѣснь, содержащая въ себѣ любовь Дидоны, принадлежитъ совершенно Виргилію; она безпримѣрна и въ своемъ родѣ единственна во всей древности. — Нѣсколько введеній о Низѣ и Евріалѣ, о Какусѣ, о погребеніи Палладія и щитъ Энеевомъ Достоинства Виргиліевой Энеиды.

суть образцовыя. Главное же совершенство Виргилія въ плѣнительности слога. Извѣстно, что Лейбницъ, восхищенный стихами Энеиды, говаривалъ: если бъ Виргилій наименовалъ меня хотя бъ въ одномъ стихѣ Энеиды, я почелъ бы себя счастливѣйшимъ и пренебрегъ бы всякою другою извѣстностію. — Вообще, по отзывамъ знатоковъ классической Литературы, Виргилій въ первыхъ своихъ шести пѣсняхъ стоитъ наровнѣ съ Омиромъ; и это произошло отъ того, что онъ избралъ для своей поэмы совсѣмъ новое содержаніе: его *Эней, Дидона, Ярбъ* не находятся въ греческихъ поэмахъ; и слѣдовательно Виргилій собственнымъ путемъ прошелъ къ безсмертію.

§ 172. Кромѣ Виргилія, были у Римлянъ и другія, но не столь извѣстныя Эпическія поэмы.

Силій Италикъ. *Силій Италикъ*, умершій въ правленіе Траяна, подражалъ Виргилію, но безъ успѣха. — Онъ написалъ семнадцать книгъ о *второй Пунической войнѣ*. Сочиненіе это есть не что иное, какъ вѣдомости въ стихахъ; и лучшіе стихи его взяты изъ прозы Тита Ливія.

Стацій. *Ѳиваида Стаціева*, поэма въ 12 пѣсняхъ, содержаніе которой есть вражда Этеокла съ Полиникомъ, кончившаяся смертію обоихъ сихъ братьевъ, однимъ своимъ названіемъ показываетъ неудачный выборъ. — Стація, по причинѣ надутости слога и худаго вкуса, гораздо скучнѣе читать, нежели Силія Италика, хотя въ немъ и примѣтны нѣкорыя искры ума. — Лучшее мѣсто въ его Поэмѣ есть *сраженіе двухъ братьевъ*, описанное въ одиннадцатой пѣсни. Впрочемъ Стацій, по причинѣ испорченности вкуса его времени, наслаждался при жизни величайшею славою, такъ что, по увѣренію Марціала, чтеніе Ѳиваиды казалось для Римлянъ празднествомъ.

Луканъ. *Луканъ*, род. въ 38 году по Р. Х., написалъ *Фарсалію* болѣе *Историческую*, нежели *Эпическую* поэму, содержаніе которой междоусобная война, послѣ Фар-

сальскаго сраженія, между Цесаремъ и Помпеемъ.— Многіе древніе критики считали его болѣе за историка, или за оратора, нежели за поэта. — Въ новѣйшія времена, большею частію, повторяли это сужденіе, и не давали Лукану названія эпическаго пѣснопѣвца; потому что онъ избралъ матерію не вымышленную, не отдаленную отъ своего вѣка, и притомъ, не употребилъ въ своемъ твореніи *чудеснаго*. — Между древними критиками Квинтиліанъ замѣчаетъ о Луканѣ: *Lucanus ardens et concitatus es sententiis clarissimus, et ut dicam, quod sentio, magis oratoribus, quam poëtis annumerandus.* — Впрочемъ, Луканъ, при высокомъ дарованіи, украсилъ свое сочиненіе чертами сильными и величественными, избавившими его отъ забвенія. Но отъ Виргилія Луканъ столь же далекъ, сколько Сенека и старшій Плиній отъ Цицерона и Ливія.

Классическія Поэмы, появившіяся по возрожденіи Словесности.

§ 173. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ, Эпопея съ прочими родами стихотвореній оставалась въ совершенномъ небреженіи. — Историческо-піитическія сочиненія, на Латинскомъ языкѣ въ это время писанныя, не заслужили вниманія. Послѣ возрожденія Словесности, появились въ западной Европѣ многія творенія Эпическія. — Но замѣчательнѣйшія изъ нихъ: *Освобожденный Іерусалимъ* Тасса, *Потерянный рай* Мильтона, *Мессіяда* Клопштокова, *Лузіада* Камоенсова, *Генріада* Волтерова. — *Телемакъ* Фенелона, не смотря на то, что написанъ прозою, есть болѣе Эпопея, нежели Романъ, и можетъ почесться счастливѣйшимъ подражаніемъ Одиссеи.

Петріада.

§ 174. *Ломоносовъ*, восхищенный величіемъ безсмертнаго преобразователя Россіи Петра Великаго, хотѣлъ предать потомству неимовѣрные подвиги его въ поэмѣ своей *Петріадѣ*. — Но, къ сожалѣнію, успѣлъ только написать двѣ первыя пѣсни, носящія

черты творческаго генія Ломоносова, и имѣющія нѣсколько превосходныхъ картинъ.

Поэмы Хераскова.

Херасковъ, одинъ изъ обильнѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ, писалъ Поэмы историческія, вымышленныя и смѣшенныя. Къ первымъ относятся: *Россіяда*, *Владиміръ*, *Царь или Спасенный Новгородъ*, *Чесменскій бой*; ко вторымъ: *Пилигримы или Искатели счастія*, *Селимъ и Селима*; къ третьимъ: *Бахаріана*, *Вселенная*. — Если разсматривать эти творенія въ духѣ современныхъ Хераскову теорій классицизма; то *Россіяда* и *Владиміръ* могутъ быть отнесены къ Эпическимъ поэмамъ, какъ по объему своему, такъ по формѣ и по изложенію, близкому къ правильной Эпопеѣ. — *Россіяда* состоитъ изъ 12 пѣсней, и въ силѣ творчества уступаетъ *Владиміру*. Впрочемъ, и самъ авторъ признавалъ предметъ ея неготовымъ для Эпопеи; она писана съ цѣлію нравоучительною, а не по вдохновенію. — При всемъ томъ, Херасковъ, не желая, дабы Россіяда его была Исторіею въ стихахъ, старался вымышлять предметы, приличные Эпопеѣ, и по требованіямъ ея подчинить главный ходъ дѣйствія вліянію чудеснаго. — Согласить же его съ духомъ Христіанства онъ могъ не иначе, какъ замѣнивъ миѳологическія древнія существа олицетвореніемъ страстей. — Но сіи махины чудеснаго всегда будутъ холодны: это риторическія фигуры, а не боги. — Сверхъ того, въ Россіядѣ, вымышленныя силы не всегда дѣйствуютъ по одному плану, къ одной цѣли. — Это призраки, которыя являются и мгновенно изчезаютъ. Къ другимъ недостаткамъ Россіяды должно отнести: однообразіе характеровъ и ослабленіе главнаго узла. — Не смотря на то, Поэма сія заслуживаетъ особенное наше вниманіе по важности содержанія, по нравоучительной цѣли, по множеству трогательныхъ картинъ и по богатству

Россіяда.

эпизодовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ иногда вредятъ единству дѣйствія.

Поэма *Владиміръ*, состоящая изъ 18 пѣсней, изобилуетъ прекрасными описаніями и картинами. — Предметъ этой поэмы: введеніе въ Россію Христіанской Вѣры Великимъ Княземъ Владиміромъ, которому, до исполненія важнаго и благодѣтельнаго намѣренія своего, должно было восторжествовать надъ собою и надъ предразсудками народными. — А потому, какъ свойство самаго предмета, такъ и отдаленность времени, богатаго преданіями о чудесахъ, все способствовало Хераскову приблизить эту поэму къ правильной Эпопеѣ болѣе, нежели Россіяду. — Но, не будучи геніальнымъ поэтомъ, онъ не могъ развить, какъ должно, своей Поэмы; онъ не могъ согласить преданій и вымысловъ съ Исторіею, и, олицетворяя непостижимые догматы Вѣры, онъ выводилъ сверхъестественныя силы безъ разбору, изъ истинной религіи, изъ сектъ языческой и магометанской, изъ міра волшебнаго и аллегорическаго. — Отъ того во Владиміръ славянскія божества часто дѣйствуютъ подобно богамъ греческимъ, и встрѣчаются многія другія несообразности. — Явленіе совѣсти въ видѣ дѣвы, разума въ образѣ старца, суть слабыя пружины къ очарованію читателя. — Походы Всеволодовъ и Рогдаевъ утомительны, какъ продолжительныя аллегоріи, которыхъ весьма много. — Не взирая, однакожъ, на эти недостатки, поэма *Владиміръ*, по высокой цѣли автора, по стоположенію гладкому, по многимъ смѣлымъ, истинно піитическимъ изображеніямъ, соотвѣтствующимъ величію предмета, даетъ Хераскову почетное мѣсто между поэтами временъ Екатерины. Владиміръ.

§ 175. Мы имѣемъ на отечественномъ языкѣ *Омирову Иліаду*, превосходно переведенную экзаметрами *Гнѣдичемъ*, который, желая, сколько возможно, при- Переведенныя на Русскій

языкъ Поэмы

близиться къ подлиннику, долженъ былъ вводить обветшалыя и многосложныя слова, позволять смѣлую перестановку словъ и частое повтореніе союзовъ; отъ того переводъ его, для непривыкшихъ къ чтенію экзаметровъ и изнѣженныхъ мелодіею нынѣшнихъ стиховъ можетъ показаться тяжелымъ. — *Костровъ* перевелъ Александрійскими звучными стихами *девять пѣсней Иліады*; изъ нихъ первыя шесть пѣсней изданы въ 1787 году, а по смерти его найденныя VII, VIII и почти вся IX напечатаны въ Вѣстникѣ Европы на 1811 годъ. — *Петровъ* перевелъ всю *Энеиду* Александрійскими стихами; но языкъ этого перевода нынѣ устарѣлъ. — *Жуковскій* отлично перевелъ *вторую пѣснь Энеиды* размѣромъ подлинника. — *Тассъ* переведенъ стихами *Раичемъ* и *Мерзляковымъ* съ подлинника, а прозою *Шишковымъ*. *Шевыревъ* удачно перевелъ также нѣкоторые отрывки изъ Тасса размѣромъ подлинника.—Нельзя не упомянуть здѣсь о полезномъ предпріятіи *Мартынова*, который съ успѣхомъ кончилъ прозаическій *ближайшій* переводъ Иліады и Одиссеи.

2. КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

§ 176. *Комическая* Поэма есть стихотворное повѣствованіе о дѣлѣ важномъ въ тонѣ простомъ и шутливомъ, или о неважномъ, обыкновенномъ происшествіи, въ тонѣ Героической поэмы. — Изъ сего видно, что, по содержанію, Комическая поэма противоположна Героической; но въ расположеніи сходна съ нею.

Чудесное Комической

§ 177. *Чудесное* Комической поэмы заключается во введеніи какого либо языческаго божества, или аллегорическаго лица, или берется изъ преданій

среднихъ вѣковъ и пр. — Въ разсужденіи же характеровъ, завязки и развязки, единства дѣйствія, въ Комической поэмѣ позволяется большая вольность, для достиженія главной цѣли, забавлять читателей. Поэмы, характеры, завязка и развязка.

§ 178 Комическія поэмы пишутся *размѣромъ* такимъ же, какъ и Героическія. — На Русскомъ языкѣ можно отнести къ этому роду стихотвореній поэму Майкова: *Элисей* или *раздраженный Вакхъ*, также *расхищенныя шубы* сочинен. Князя Шаховскаго. — Въ поэмѣ Майкова не вездѣ сохранены приличіе и благопристойность, а притомъ и слогъ низкій. Размѣръ и сочиненія.

3. РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

§ 179. Поэма *Романтическая* есть піитическое повѣствованіе о происшествіи *рыцарскомъ*, составляющемъ смѣшеніе *благородной любви*, храбрости, благочестія, и основанномъ на дѣйствіяхъ чучесныхъ. — Отъ Героической поэмы отлична какъ по содержанію своему, такъ и по самой формѣ: ибо содержаніе въ ней всегда бываетъ *забавное*, а форма, требуемая Героическою поэмою, въ разсужденіи приступа, раздѣленія и даже самаго рода стиховъ, измѣняется въ Романтической поэмѣ по волѣ автора.

§ 180. *Чудесное*, употребляемое въ Романтической поэмѣ, составляютъ духи, волшебники, волшебницы, Феи, исполины, и т. п. Аллегорическія лица, какъ-то: раздоръ, брань, истина и проч. почти никогда не вводятся; а Верховное Божество не должно быть представлено ни въ какомъ случаѣ: это и составляетъ отличительный характеръ поэмы Романтической отъ другихъ. Чудесное Романтической поэмы.

Единства, эпизоды и слогъ.

§ 181. Касательно *единства* мѣста, происшествія и времени, столь строго соблюдаемаго въ поэмахъ Героическихъ, сочинитель Романтической поэмы не такъ стѣсненъ: въ поэмѣ его можетъ заключаться большее пространство времени; планъ поэмы можетъ быть запутаннѣе; эпизоды обширнѣе, слогъ простѣе и забавнѣе.

Размѣръ и сочиненія.

§ 182. Всякой *размѣръ* можетъ быть употребленъ въ Романтической поэмѣ; но она чаще пишется четырестопными ямбическими и даже вольными стихами. — На Русскомъ языкѣ находится въ романтическомъ вкусѣ поэма Пушкина: *Людмила* и *Руслань*; — *Душенька*, Богдановичемъ написанная, можетъ назваться по *тону* своему Романтическою поэмою, по *содержанію* же и дѣйствующимъ лицамъ Героическою. — Авторъ этой поэмы умѣлъ дать греческой баснѣ русскую физіономію, украсивъ ее эпизодами и подробностями разсказа, принадлежащими Русскому народу. — Раичь довольно удачно перевелъ поэму Аріоста: *Неистовый Орландъ*.

в. СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ.

§ 183. *Стихотворная Повѣсть* есть піитическое изображеніе истинныхъ, или вымышленныхъ происшествій со всѣмъ блескомъ піитическаго искусства. — Здѣсь главное дѣло не герой, какъ въ Эпопеѣ, а самое *происшествіе*. — Отличіе Стихотворной Повѣсти отъ прозаической есть то, что первая не ограничена ни въ выборѣ предмета, ни въ отдѣлкѣ. — Поэту дается полная свобода пользоваться всѣми случаями, чтобъ плѣнить наше воображеніе, тронуть чувство, или представить уму нравственныя наблюденія.

§ 184. Повѣсти стихотворныя бываютъ *важныя* и *комическія*, но чаще, *смѣшенныя*, въ которыхъ важное соединено съ комическимъ. — Небольшія повѣсти называются и *Сказками*. — Простой и легкій слогъ приличенъ Повѣстямъ, которыя обыкновенно пишутся вольными ямбическими стихами. — На Русскомъ языкѣ Стихотворныя повѣсти писали: *Дмитріевъ*, *Жуковскій*, *Батюшковъ*, *Козловъ*, *Вельтманъ*, *Подолинскій*, *Баронъ Розенъ*. — *Масальскій* написалъ хорошую повѣсть: *терпи казакъ, атаманъ будешь*.

С. СКАЗКА.

§ 185. *Сказка* есть вымышленная повѣсть, въ которой естественныя происшествія смѣшаны съ чудесными. — Сказку не должно смѣшивать ни съ Романомъ, ни съ Притчею. — Романъ есть связь нѣсколькихъ приключеній; Сказка содержитъ одно происшествіе. — Въ Притчахъ дѣйствуютъ съ людьми животныя, что́ не всегда бываетъ въ Сказкѣ; если же въ ней и вводятся животныя, какъ наприм. въ Сказкѣ Дмитріева: *Модная жена*, гдѣ помѣщены попугай и собачка; то сіе дѣлается для разнообразія.

§ 186. Сказки, по содержанію, раздѣляются 1) на волшебныя, какъ-то: *Причудница*, Дмитріева, *Громвалъ* — Каменева; 2) аллегорическія, таковы: *Телемахъ* и *Макаръ*, перев. Востоковымъ изъ Волтера; *Вѣнчаніе Леля* — Державина; 3) анакреонтическія, какъ-то: *Спящій Эротъ* — Державина; *Восковой Эротъ*, перев. Мартынова; 4) нравственныя и философскія: къ первымъ можно отнести *Модную жену*, а ко вторымъ *Филемона* и *Бавкиду*; 5) эпиграмматическія, какъ-то: *Любопытный*, *Крестьянинъ* и *Работникъ* — Крылова, *Діонисій* и *Министръ его* — Хемницера. Раздѣленіе Сказокъ.

§ 187. *Лукіанъ* въ Аѳинахъ прославился аттическою остротою, особенно замѣтною въ Сказкѣ его объ *Ослѣ*. — Нѣкоторыя оды *Анакреона* принадле- Писатели древніе и Русскіе.

жатъ къ роду сказочному, какъ напр. *Мщеніе Амура*, *Амуръ бѣглецъ*, *Восковой амуръ* и проч. У Римлянъ *Петроній* извѣстенъ сочиненіемъ остроумныхъ Сказокъ. — Русскія старинныя народныя Сказки сочинены особеннымъ размѣромъ. — Нынѣ въ характерныхъ Сказкахъ никто не могъ сравниться съ *Дмитріевымъ* и *Пушкинымъ*. Особенно вниманія достойна Сказка Пушкина: *О Царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и прекрасной Царевнѣ Лебеди*. — Отдѣленная отъ сора и нечистоты, и сохранившая только свое золото, русская Сказка у него золотозвучными стихами извивается по чудесной области народно-романтическаго. — *Ершовымъ* написана занимательная Сказка: *Конекъ Горбунокъ*. — Сказки, написанныя прежде *А. Сумароковымъ* и *Майковымъ* низки по слогу и содержанію.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

§ 188. *Драматическая* поэзія, получившая названіе свое отъ Греческаго слова: *δρᾶμα* — дѣйствіе, есть піитическое представленіе чудесныхъ, героическихъ, или простонародныхъ происшествій, со введеніемъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ. — Симъ-то оживленнымъ представленіемъ начатаго, продолжающагося и оканчивающагося дѣйствія, такъ какъ оно могло бы случиться въ самой природѣ, посредствомъ лицъ и ихъ разговора, отличается *Драма* отъ *повѣствованія*; а притомъ, имѣетъ предъ нимъ такое преимущество, что все дѣйствующее на взоръ нашъ сильнѣе впечатлѣвается въ душѣ, нежели все поражающее нашъ слухъ.

Въ какихъ случа-

§ 189. Съ *Драматическою* поэзіею соединяется *Эпическая* только тогда, когда во время дѣйствія

случаются такія обстоятельства, которыя не могутъ быть представлены на театрѣ, и о которыхъ мы узнаемъ чрезъ повѣствованіе, дѣлаемое однимъ актеромъ другому. — Эдипъ не могъ пролить кровавыхъ изъ глазъ своихъ потоковъ среди театральной сцены. — Положимъ, что искусство удобно подражать всему; но кто бы рѣшился присутствовать при такомъ ужасномъ зрѣлищѣ? Софоклъ вводитъ для сего повѣствованіе. — Зрители содрогаются, не отвращая, однако же, взоровъ своихъ, и ужасная картина не производитъ столь сильнаго въ ихъ душахъ впечатлѣнія.

ях Драматическая поэзія сближается съ Эпическою?

§ 190. Начала Драматическихъ стихотвореній должно искать во внутренней потребности людей всѣхъ состояній и всѣхъ возрастовъ — увеселяться новыми, занимательными и разнообразными зрѣлищами, или событіями, представляемыми въ дѣйствіи. — А потому, *дѣйствіе* составляетъ первую и существенную принадлежность каждаго театральнаго представленія. — *Дѣйствіе* (т. е. содержаніе Драматическаго стихотворенія, называемое также *баснію*) можетъ быть *истинное* и *вымышленное*. — Часто случается также, что *дѣйствіе* или *баснь* бываютъ только истинны въ основѣ, и вымышлены въ обстоятельствахъ. — Такъ въ *Димитріи Донскомъ* основаніе есть дѣйствительно историческое, а прочія обстоятельства, заключающія завязку и развязку, суть вымышленныя. — Иногда *дѣйствія*, взятыя изъ Исторіи, измѣняются и въ основаніи и въ обстоятельствахъ: существенностію историческою остаются одни только имена героевъ и героинь. — Такія содержанія лучше брать изъ временъ отдаленныхъ. — Сюда принадлежатъ трагедіи: *Селимъ* Ломоносова, *Хоревъ* Сумарокова и проч. Наконецъ въ трагедіяхъ, а особливо въ комедіяхъ, иногда все бываетъ вымышлено: имена, обстоятельства, мѣсто и время. — Примѣрами могутъ служить *Заира*

Дѣйствіе, или баснь Драматическихъ стихотвореній.

Вольтерова, *Владисанъ* Княжнина, *Бригадиръ* Фонъ-Визина и т. п.—Случается не рѣдко и то, что дѣйствіе бываетъ *сложнымъ*, т. е. представляетъ смѣсь происшествій истинныхъ съ вымышленными.

Единство дѣйствія.

§ 191. Всякое драматическое сочиненіе должно содержать въ себѣ *единство дѣйствія*, или *происшествія*, которое состоитъ въ томъ, чтобы всякое обстоятельство споспѣшествовало принятой авторомъ цѣли, и чтобы театральное сочиненіе составляло одно цѣлое. — Въ Эдипѣ Софокловомъ это соблюдено съ особенною точностію. — Цѣль автора состояла въ томъ, чтобъ, во исполненіе оракула Аполлонова, сдѣлать извѣстнымъ невольное преступленіе Эдипа, и все споспѣшествуетъ сему: смерть Коринѳскаго Царя, котораго Эдипъ почиталъ своимъ отцемъ, вѣстникъ, прибывшій изъ Коринѳа; старый воинъ, при глазахъ котораго совершилось убіеніе Лаія; новое предсказаніе Оракула, до того времени молчавшаго; однимъ словомъ: все соединилось тогда для объясненія тайны, столь долгое время скрывавшейся во мракѣ неизвѣстности; и нигдѣ не выказывается намѣреніе автора, а все дѣлается какъ бы по одному слѣпому случаю.

Примѣчаніе. Расположеніе театровъ греческаго и римскаго, особливо непрестанное присутствіе хоровъ, дѣлали необходимымъ наблюденіе *единства*, *времени* и *мѣста*. — Но новѣйшая сцена позволяетъ стихотворцу отступленіе отъ этихъ правилъ, какъ скоро строгій естественный порядокъ явленій и тѣсные предѣлы времени лишаютъ его твореніе важнѣйшихъ красотъ.

Завязка и развязка.

§ 192. Всякое театральное сочиненіе имѣетъ свою *завязку* и *развязку*.— *Завязка*, составляющая всю занимательность Драматическаго произведенія, состоитъ изъ препятствій, встрѣчающихся въ теченіи дѣйствія. Завязка можетъ происходить или отъ того, что

дѣйствующее лице не знаетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, какъ наприм. Ифигенія готовится принести на жертву Ореста, не почитая его своимъ братомъ; или отъ слабости дѣйствующаго лица, какъ наприм. въ трагедіи: Гофолія — видимъ жреца съ одними Левитами своими, желающаго отнять престолъ у могущественной Гофоліи для воцаренія младаго Іоаса. Завязка не должна быть ни слишкомъ запутана множествомъ препятствій, ни слишкомъ проста, отнятіемъ ихъ. — *Развязка* состоитъ въ уничтоженіи всѣхъ препятствій, какія имѣло главное лице, или въ совершенномъ разрѣшеніи жребія сомнительнаго. Развязка бываетъ двоякая: чрезъ *узнаніе* и чрезъ *переворотъ* (перипетію). Когда узелъ, происшедшій отъ того, что дѣйствующее лицо не знало нѣкоторыхъ обстоятельствъ, разрѣшается напослѣдокъ тѣмъ, что они стали ему извѣстны; тогда развязка дѣлается чрезъ *узнаніе*.—Такъ Ифигенія, узнавши въ Орестѣ брата своего, спасаетъ его. — Когда же узелъ, происшедшій отъ слабости дѣйствующаго лица, разрѣшается уничтоженіемъ противной силы; тогда развязка дѣлается чрезъ *перипетію* или *переворотъ*. Такъ въ трагедіи: Гофолія, верховный жрецъ находитъ средство погубить Гофолію и возвести на престолъ Израильскій Іоаса.

Очарованіе, производимое дѣйствующими лицами.

§ 193. Каждое драматическое стихотвореніе должно произвести *очарованіе*, что, по большой части, зависитъ отъ искусной игры *дѣйствующихъ лицъ*, или *актеровъ*. — Число и выборъ ихъ зависитъ отъ воли стихотворца и плана, имъ начертаннаго. Не должно никогда выводить на сцену болѣе лицъ, нежели сколько нужно для хода и развязки пьесы. — Между этими лицами одно есть главное; оно одно рѣшается на какое либо предпріятіе, или всѣ другіе противъ него дѣйствуютъ. Вся занимательность,

какъ и въ Эпической поэмѣ, происходитъ отъ этого главнаго лица.

Характеры лицъ. § 194. Всѣ лица, выводимыя на сцену, должны имѣть особенные *характеры*, обнаруживающіеся во всѣхъ ихъ поступкахъ, рѣчахъ и чувствованіяхъ. — *Характеры* или совершенно изобрѣтаются, или выводятся изъ самого содержанія, взятаго изъ Исторіи; въ обоихъ случаяхъ дѣйствующее лице имѣетъ характеръ своей націи: герой Греціи не можетъ быть представленъ въ одинаковомъ видѣ съ гражданиномъ Римскимъ, Аѳинянинъ въ образѣ Спартанца и т. д. Сверхъ того, какъ *общіе*, такъ и *частные характеры* лицъ должны преимущественно быть *приличны, сходственны* и *постоянны*. Характеръ бываетъ *приличнымъ*, когда лице говоритъ и дѣйствуетъ прилично его возрасту, полу, званію, вѣку, странѣ и пр. Характеръ *сходственный* состоитъ въ томъ, когда дѣйствующее лице изображено такимъ, какъ описываетъ его Исторія, или Миѳологія. — *Постоянные* же характеры суть тѣ, которые отъ начала до конца всей пьесы совершенно выдержаны.

Акты и Явленія. § 195. Театральное представленіе, по наружной своей формѣ, дѣлится на *дѣйствія* и *явленія*. Раздѣленіе это происходитъ отъ свойства и расположенія цѣлаго. — Въ каждомъ актѣ должна быть важная часть цѣлаго дѣйствія, служащая средствомъ къ достиженію предназначенной цѣли. Въ Комедіи такихъ дѣйствій бываетъ пять, три, или одно, рѣдко четыре, или два; въ Трагедіи обыкновенно пять; въ важной Оперѣ три, въ комической неопредѣленное число, какъ и въ Комедіи. — Болѣе же пяти актовъ никакое Драматическое твореніе не должно имѣть. — Горацій говоритъ однакожъ, что не должно быть и менѣе пяти актовъ: *Neve minor, neve sit quinto productior actu fabula*..... Число и длина явленій согласуются съ свойствомъ дѣйствія.

§ 196. *Тонъ* и *слогъ* драматическихъ произведеній сообразуются съ свойствомъ стихотворенія, также съ характеромъ, возрастомъ, званіемъ и положеніемъ дѣйствующихъ лицъ. — Каждое состояніе выражается собственнымъ языкомъ. — Царь, придворный, мѣщанинъ, служанка не могутъ употреблять одинакихъ выраженій. Самъ поэтъ нигдѣ не долженъ выказывать себя. Посему, ораторскія фигуры, лирическіе порывы, тогда только позволительны въ драмѣ, когда внушены страстію. — Творенія Озерова служатъ у насъ образцами драматическаго слога. Слогъ драматическихъ сочиненій.

§ 197. Наружную форму театральнаго сочиненія составляетъ *Разговоръ*, который вездѣ долженъ быть живъ, легокъ и занимателенъ. — *Монологи* (рѣчи, произносимыя однимъ) для разсказа о какомъ либо происшествіи, или для предваренія зрителей о томъ, что долженствуетъ случиться; но это найдено не у мѣста въ новѣйшихъ театрахъ. Зрителей нѣтъ для актера: онъ долженъ предполагать, что дѣйствительно одинъ находится на сценѣ; итакъ, кому же онъ будетъ разсказывать? О Разговорѣ и Монологѣ.

§ 198. Нынѣ *Монологи* употребляются только въ невольныхъ изліяніяхъ сильныхъ чувствованій и волненіи страстей; также въ обращеніи лица къ Высочайшему Существу, или другому предмету, который почитается тогда какъ бы присутствующимъ. — Такимъ Монологомъ начинается Трагедія Озерова: *Поликсена*. Пирръ одинъ, близъ могильнаго холма, опершись о гробовой камень, говоритъ къ тѣни Ахилла, родителя своего. — Во всякомъ же случаѣ Монологи должны быть непродолжительны; потому-то находятъ весьма неестественною рѣчь, которую произноситъ Антигона одна въ началѣ IV дѣйствія Трагедіи Озерова: *Эдипъ въ Аѳинахъ*. Въ какихъ случаяхъ позволительны Монологи?

§ 199. Древніе разумѣли подъ именемъ *Драмы* Трагедію, Комедію и Сатиру, которая была также Раздѣленіе

Драмы у древнихъ и новѣйшихъ.

театральное представленіе важное и вмѣстѣ шуточное. — Нынѣ драматическія стихотворенія раздѣляются на представляемыя безъ музыки, или съ музыкою. — Къ первому виду относятся: *Трагедія*, *Комедія* и *Драма*; къ послѣднему: *Опера*, *Водевиль* и *Мелодрама*.

I. ТРАГЕДІЯ.

Опредѣленіе Трагедіи и отличіе отъ Эпопеи.

§ 200. *Трагедія* есть драматическое представленіе важнаго, или героическаго дѣйствія, возбуждающаго чувствованія ужаса и состраданія. — Хотя въ Трагедіи, какъ и въ Эпопеѣ, герой представляется въ бореніи съ судьбою; но въ Эпической поэмѣ видѣнъ самъ поэтъ, повѣствующій о происшествіяхъ, а Трагедія есть очевидное представленіе самого дѣйствія.

Героическое дѣйствіе по основанію, по цѣли и состоянію лицъ.

§ 201. Дѣйствіе *героическое*, гдѣ свобода и самостоятельность человѣка являются въ бореніи съ судьбою, бываетъ такимъ или по своему основанію, или по своей цѣли, или по состоянію дѣйствующихъ лицъ.

а) Героическое по своему *основанію*. Такое дѣйствіе происходитъ отъ души твердой, мужественной.— Добродѣльными въ этомъ случаѣ примѣрами могутъ быть поступки: *Августа*, прощающаго *Цинну*, *Пожарскаго*, отказывающагося отъ престола; злодѣйскими: поступокъ *Медеи*, убивающей дѣтей своихъ, поступокъ *Клеопатры*, закалающей одного изъ сыновей своихъ и хотящей отравить другаго. — Лица ужасныя по своимъ преступленіямъ, но изумляющія насъ твердостію души своей!

b) Героическое по своей *цѣли*. Оно бываетъ иногда основано на выгодахъ всего народа, какъ наприм. въ *Горацiяхъ*, гдѣ судьба Рима находится въ рукахъ

трехъ юношей; въ *Ифигеніи* (въ Авлидѣ), гдѣ вся Греція требуетъ крови сей Агамемноновой дочери.

с) Героическое по *состоянію дѣйствующихъ лицъ*. Въ Трагедіи обыкновенно дѣйствуютъ Цари, вельможи и вообще лица, благородствомъ и величіемъ соотвѣтствующія важности дѣйствія. — Но это не всегда необходимо: страсти тѣ же у всѣхъ людей; судьба равно каретъ всѣ званія. На семъ-то основывается раздѣленіе Трагедіи на *героическую* и *гражданскую*, или *мѣщанскую*.

Ужасъ и сострданіе.

§ 202. Успѣхъ Трагедіи зависитъ отъ искусства автора, съ какимъ онъ возбуждаетъ въ насъ ужасъ и состраданіе. *Ужасъ*, по мнѣнію Аристотеля, есть душевное смущеніе, происходящее отъ представляемаго нами въ умѣ близкаго несчастія, способнаго прекратить жизнь, или ввергнуть въ злополучіе. Въ такомъ положеніи находится *Фингалъ* въ (Трагедіи Озерова), когда отдаетъ воинамъ Старновымъ мечь свой и рогъ, и потомъ восходитъ на холмъ; когда раздаются удары въ щитъ и *Старнъ* говоритъ: *смерть тебѣ злодѣю!.... Состраданіе*, по словамъ же Аристотеля, есть огорченіе, ощущаемое нами при несчастіи человѣка, достойнаго лучшей участи. — Чье сердце не будетъ сострадательнымъ при чтеніи того мѣста въ Расиновой Трагедіи: *Андромаха*, гдѣ Пирръ объявляетъ ей, что намѣренъ выдать Грекамъ сына ея, *Астіанакса?*

Всякое ли дѣйствіе несчастное можетъ быть трагическимъ?

§ 203. Для произведенія ужаса и состраданія, Трагедія непремѣнно требуетъ *несчастнаго* происшествія, хотя и не всякое несчастное происшествіе можетъ быть *трагическимъ*. — Если человѣкъ убиваетъ другаго въ первомъ пылу гнѣва: это происшествіе есть несчастное, но не трагическое. Самымъ трагическимъ происшествіемъ можетъ почесться то, когда сильное изступленіе страсти, или законъ строгой добродѣтели вооружаютъ руку дѣйствующаго лица на

погубленіе своего друга, сына, брата и проч. Дѣйствія сего рода представляютъ намъ величайшее бореніе между природою и страстію, а это бореніе терзаетъ нашу душу, и исполняетъ ее *ужасомъ* и *состраданіемъ* къ несчастному. — Горацій и Куріацій, готовые сразиться одинъ съ другимъ, заставляютъ насъ брать въ нихъ участіе и производятъ жалость, потому что они между собою друзья и ближайшіе родственники.

В какомъ случаѣ трагику позволяется дѣлать перемѣны въ историческомъ происшествіи?

§ 204. Трагическій стихотворецъ или изобрѣтаетъ цѣлое происшествіе, или беретъ его изъ Исторіи и Миѳологіи. Но во всякомъ случаѣ, баснь Трагедіи располагается такъ, чтобы все могущее доставить непріятность и отвращеніе вкусу и зрѣнію, происходило внѣ мѣста представленія, какъ на примѣръ: самоубійства, насильственныя умерщвленія и т. п. Если же въ происшествіи историческомъ встрѣчаются обстоятельства, могущія произвести отвращеніе; то сочинитель, не нарушая правдоподобія, можетъ придать имъ нѣкоторую занимательность. — Такъ *Корнель* представляетъ *Клеопатру*, выпивающую ядъ съ досады, что открылось ея намѣреніе, а не по принужденію сына ея *Антіоха*, котораго лице, какъ убійцы умышленнаго, не могло бъ быть прилично нашему театру.

Страсти, господствующія въ Трагедіяхъ.

§ 205. Всякое трагическое представленіе должно быть исполнено какой либо сильнѣйшей *страсти* со всѣми бѣдствіями, отъ ней проистекающими. — Греки представляли въ Трагедіяхъ своихъ всѣ сильныя страсти. Но въ наши времена *любовь* изъ всѣхъ страстей употребительнѣе въ Трагедіи, особливо, когда она, будучи въ степени воспламененія, въ отчаяніи, борется со всѣми препонами.

Единство дѣйствія и акты.

§ 206. *Единство дѣйствія* также наблюдается въ Трагедіи. Она обыкновенно составляется изъ *пяти актовъ*: въ первомъ актѣ излагается предметъ и воз-

буждается любопытство; во второмъ начинается безпокойство; въ третьемъ оно увеличивается; въ четвертомъ возбуждаются ужасъ и состраданіе; въ пятомъ восходятъ страсти сіи на высочайшую степень, и дѣйствіе прекращается. — Изъ сего видно, что каждый актъ долженъ заключать въ себѣ особенный случай, составляющій часть главнаго происшествія, во всемъ отъ него зависящую.

Слогъ Трагедіи и размѣръ стиховъ.

§ 207. *Языкъ* и *слогъ* Трагедіи должны соотвѣтствовать достоинству дѣйствующихъ лицъ, ихъ характеру и настоящему расположенію духа. — Героическая Трагедія требуетъ метрическаго слога, а народная прозаическаго, которой тонъ, судя по народнымъ трагедіямъ Англичанъ и Нѣмцевъ, долженъ быть возвышеннѣе обыкновеннаго комическаго. — *Ямбъ* приличнѣе здѣсь всякой другой мѣры; онъ съ великимъ успѣхомъ у Древнихъ соединялся съ *Анапестомъ*, съ неравными полустишіями и безъ риѳмъ.

Отъ чего древними и новѣйшими принято писать Трагедію стихами?

§ 208. Хотя Древніе и были увѣрены, что Драматическая поэзія требуетъ языка, ближайшаго къ разговорному, нежели Эпическая и Лирическая; но Греческіе поэты *приняли писать Трагедію стихами*, въ размѣрѣ впрочемъ ямбическомъ, близкомъ къ прозѣ. — Удобность затверживать стихи скорѣе прозы, соотвѣтственность поющаго хора съ произносимыми рѣчами, и устройство обширныхъ древнихъ театровъ, кажется, были побудительными причинами употребленія стиховъ въ Греческихъ Трагедіяхъ. — Въ наши времена начали писать Трагедіи стихами частію изъ подражанія Древнимъ, частію для облегченія памяти, частію же по слѣдующей важной причинѣ. — Въ Трагедіи не все исполнено страсти, такъ какъ и въ Комедіи не все остроумно: бываютъ объясненія, разсказы, не могущіе приводить душу въ движеніе; словомъ, бываетъ время совершеннаго спокойствія для зрителей. — Тогда-то они требуютъ

всей прелести выраженія; тогда-то стихи очаровываютъ слухъ ихъ, и они забываютъ отсутствіе страстнаго. — Вотъ существенная выгода отъ стиховъ!

Разность системы Трагедіи древней и новой.

§ 209. Различіе между древними и новыми Трагедіями находится въ самой основѣ содержанія. — На древнемъ театрѣ несчастіе лица, обратившаго на себя вниманіе, всегда было слѣдствіемъ невидимой силы, или гоненія людей, а наипаче *судьбы* неумолимой, основываясь на ученіи стоиковъ, которое объяснилъ Сенека въ этихъ словахъ: *Volentem ducunt fata, nolentem trahunt.* — Новѣйшіе поэты сдѣлали изъ Трагедіи не изображеніе бѣдствій человѣка — невольника *судьбы*, но невольника своихъ страстей. — А потому, у насъ основаніемъ дѣйствій трагическихъ сдѣлалось сердце человѣческое. — Въ этомъ состоитъ новая система, творцемъ которой, по мнѣнію Мармонтеля, должно признать Французскаго трагика Корнеля.

Происхожденіе Трагедіи.

§ 210. Древніе писатели ничего не оставили намъ для объясненія начала Трагедіи. — Вѣроятно, что Трагедія не принадлежитъ однимъ Грекамъ, одному какому либо времени, но всѣмъ народамъ и вѣкамъ. — Китайцы, чуждые сообщенія съ Греками, отъ временъ незапамятныхъ имѣютъ свои театры; блистательные Инки Америки, до прибытія Испанцевъ, занимались зрѣлищами трагическими и комическими; всѣ Сѣверные народы и наши предки Славяне тѣшились *личинами*, и любили, такъ называемыя, *вечеровыя игрища*. — А потому трагедія, подобно всѣмъ Изящнымъ искусствамъ, кажется, обязана происхожденіемъ своимъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому. — Мудрая учительница природа явила себя намъ во всемъ своемъ великолѣпіи, красотѣ и благахъ неисчетныхъ; возбудила подражательность; и такимъ образомъ то, что первоначально родилось дикимъ, не стройнымъ, урод-

ливымъ, въ послѣдствіи превратилось въ твореніе прекрасное.

§ 211. Оставляя баснословное преданіе о происхожденіи Трагедіи изъ празднествъ въ честь Бахуса, скажемъ, что первыми изобрѣтателями Драматическаго искусства въ Греціи были *Тесписъ*, *Фриникъ* и *Херилъ*. — Они вскорѣ отступили отъ начальной формы своихъ игрищъ, забавлявшихъ народъ, ввели разсказы, одного эпизодиста, или актера; и, оставивъ обыкновенныя хвалы Бахуса, для разнообразія и удовольствія своихъ зрителей, начали повѣствовать, при народныхъ представленіяхъ, о благодѣяніяхъ другихъ боговъ, какъ-то: Аполлона, Нептуна, Цереры, Геркулеса и проч. Изобрѣтатели греческой Трагедіи, и постепенное ея усовершенствованіе.

По словамъ Плутарха, Трагедія скоро украсилась сказаніями страстными, нѣжными, сатирическими; жрецы на это жаловались, и послѣ вошло у Грековъ въ пословицу: *все это прекрасно, но гдѣ же Бахусъ?* — Ни Аристотель, ни другіе писатели древности не даютъ намъ знать о разныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ съ Трагедіей отъ ея рожденія до высокой зрѣлости. — Но этотъ періодъ, конечно, требовалъ многаго времени и опытовъ. — Намъ остается согласиться съ Квинтиліаномъ, что истинный изобрѣтатель Трагедіи въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, есть *Есхилъ*. — Въ его твореніяхъ есть разговоръ между лицами и дѣйствіе; при немъ она получила зрѣлище и украшенія; при немъ введены одежды и механика. — *Софоклъ* и *Еврипидъ* продолжали и усовершили его опыты.

Примѣчаніе. Омиръ первый, по словамъ Аристотеля, далъ идею Трагедіи и Комедіи, перемѣняя въ разговоръ разсказы древнихъ поэтовъ. — Эсхилъ признавался, что его Трагедіи почерпнуты изъ Иліады и Одиссеи. — Платонъ такъ начинаетъ одну статью

свою: теперь время разобрать Трагедію и Омира, давшаго ей существованіе.

Трагедіи Эсхила. § 212. *Эсхилъ* родился за 525 лѣтъ до Р. Х. Онъ отличился мужествомъ при Марѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ. — Этотъ духъ воинственный пылаетъ въ его Трагедіяхъ. — Изъ множества его Трагедій (90 или 100) дошло до насъ семь, въ томъ числѣ и Трагедія *Евмениды*. — Если цѣлію Трагедіи есть возбужденіе ужаса и состраданія; то къ Эсхилу можно примѣнить слова, сказанныя имъ о героѣ Гиппомедонѣ: *ужасъ шествуетъ предъ нимъ съ главою, возносящеюся до небесъ*. — Этотъ трагикъ возбуждаетъ глубоко поражающій страхъ, но не представляетъ сцены окровавленной. — Особливо онъ любилъ живописать души твердыя, свободныя, ненасытимо алчныя къ славѣ и битвамъ. — Но Эсхилъ рѣдко сохранялъ правила вѣроподобія, не думалъ о завязкѣ и развязкѣ дѣйствія. — Слогъ его во многихъ мѣстахъ напыщенъ, обремененъ низкими сравненіями и недостатками, свойственными писателю, обладающему болѣе геніемъ, нежели вкусомъ.

Трагедіи Софокла. § 213. *Софоклъ* (род. за 495 л. до Р. Х.) прославилъ свое отечество въ Трагедіи подъ названіемъ: *Едипъ Колонейскій*, и былъ увѣнчанъ 20 разъ. — За сладость стиховъ своихъ онъ получилъ названіе Аттической пчелы. — Изъ 170 его Трагедій остались только 7: *Неистовый Аяксъ*, *Електра*, *Едипъ Царь*, *Антигона*, *Едипъ Колонейскій*, *Трахиніянки*, *Филоктетъ*. — Читая Трагедіи Софокла, мы находимъ удивительный шагъ, сдѣланный имъ на поприщѣ искусства. — Онъ уже постигнулъ тайну въ созиданіи, такъ называемыхъ, истинно-трагическихъ характеровъ. Онъ понялъ, что слишкомъ возвышенные характеры, совершенно добрые, не вѣроятны, и не трогаютъ насъ; съ другой стороны, слишкомъ дурные характеры не производятъ ничего, кромѣ отвра-

щенія. Герои его открываютъ въ себѣ чувствованія мирныя, нѣжныя чувства любви и дружбы, обнаруживаютъ нѣкоторыя слабости не унизительныя, но, такъ сказать, общія: отсюда происходитъ *высокое-страстное*, особенно отличающее сего поэта.

Трагедіи Еврипида.

§ 214. *Еврипидъ* (род. за 480 л. до Р. Х.) въ Саламинѣ. Онъ былъ ученикъ Анаксагора, столь много прославленнаго Цицерономъ, и въ твореніяхъ своихъ часто выказываетъ какую-то ученость; въ этомъ упрекаютъ его какъ древніе, такъ и новѣйшіе критики. — Впрочемъ, самъ мудрый Сократъ, который, какъ извѣстно, не любилъ зрѣлищъ, не рѣдко посѣщалъ представленія Трагедій Еврипидовыхъ, уважая мудрость и добродѣтель, которыя дышали въ его сочиненіяхъ. — Одни полагаютъ число Трагедій его до 75, а другіе до 122; но до насъ дошли только *семнадцать*. — Еврипидъ нѣженъ, умѣетъ тронуть сердце, но не столь возвышенъ и силенъ, какъ Софоклъ. Онъ удивителенъ вездѣ, гдѣ только живописуетъ волненіе страстной любви, или возбуждаетъ состраданіе: здѣсь является онъ выше самого себя. — Вообще слогъ Трагедій Еврипида, занимая средину между возвышеннымъ и простымъ, отличается ясностію, звучностію, плавностію и гибкостію. Современники утверждаютъ, что Еврипидъ судилъ о своихъ твореніяхъ со строгостію соперника, и пекся объ нихъ съ нѣжностію отца. — Онъ говаривалъ, что однажды ему три стиха стоили трехдневной работы. Я бы въ это время сдѣлалъ сотню стиховъ, сказалъ ему одинъ поэтъ посредственный; за то, возразитъ Еврипидъ, они не прожили бы и трехъ дней.

Параллель трехъ Греческихъ Трагиковъ.

§ 215. Предложимъ въ короткихъ словахъ характеръ трехъ знаменитыхъ трагиковъ: *Эсхилъ*, образецъ высокаго; *Софоклъ*, примѣръ изящности и вкуса; *Еврипидъ*, по словамъ Аристотеля, болѣе всѣхъ *обладалъ силами трагическими*. — Кажется, изъ раз-

сматриванія этихъ трехъ поэтовъ, Аристотель извлекъ свое правило о критикѣ сочиненія. Онъ говоритъ, что людей можно живописать или болѣе, нежели они могутъ быть, или такими, каковы они должны быть, или наконецъ такими, какими существенно были. — Вотъ, кажется, вѣрныя изображенія Эсхила, Софокла и Еврипида!

Трагедіи Латинскія.

§ 216. Изъ *Латинскихъ Трагедій* мы имѣемъ только приписываемыя *Сенекѣ*, который болѣе славенъ между философами, нежели между поэтами. — По свидѣтельству Квинтиліана и Тацита, *Сенека* былъ одинъ и тотъ же, хотя многіе ученые полагаютъ, что были два Сенеки, изъ которыхъ отецъ былъ трагическій писатель, а сынъ философъ. — *Десять Латинскихъ Трагедій*, приписываемыхъ Сенекѣ, долго пользовались великимъ уваженіемъ, а всеобщая извѣстность Латинскаго языка, межъ тѣмъ какъ Эллинскій былъ удѣломъ небольшаго числа ученыхъ, заставляла многихъ предпочесть ихъ даже Греческимъ Трагедіямъ. — Но послѣ, чистымъ вкусомъ одаренные, истинные знатоки почувствовали — сколько высокая простота Греческихъ трагиковъ лучше искуственной иперболической пышности трагика Римскаго. — Вообще Сенека былъ холодный, надутый подражатель Грекамъ. Онъ послѣ Софокла писалъ также объ Эдипѣ. — Но сколько въ Софоклѣ, говоритъ Баттё, баснь кажется тѣломъ, во всѣхъ частяхъ соразмѣрнымъ и правильнымъ, столько баснь Латинскаго поэта кажется чудовищнымъ и уродливымъ колоссомъ; изъ этого сочиненія можно бы выбросить болѣе осьми сотъ стиховъ, ни мало для дѣйствія не нужныхъ; словомъ, его Эдипъ съ начала до конца противоположенъ Софоклову. — Греческій поэтъ открываетъ представленіе величественною картиною: царя при вратахъ дворца своего, стенящій народъ, воздвигнутые повсюду жертвенники; *Сенека* же пред-

ставляетъ Эдипа описывающимъ горесть свою супругѣ по всѣмъ правиламъ витійства.— Въ Софоклѣ все кажется необходимымъ, въ Сенекѣ излишнимъ и обремененнымъ украшеніями.—Сенека только говоритъ объ оракулахъ, жертвахъ, о вызываніи тѣней, а Софоклъ дѣйствуетъ.— Впрочемъ, Сенека имѣлъ отличныхъ себѣ послѣдователей: Корнель особенно уважалъ Сенеку; Расинъ почерпнулъ изъ него великолѣпную сцену, гдѣ Федра признается сама Ипполиту въ любви; Кребильіонъ не написалъ бы безъ него лучшей своей Трагедіи — Атрея; и у насъ Озеровъ обязанъ Сенекѣ изображеніемъ споровъ Агемемнона съ Пирромъ въ Поликсенѣ. Въ этомъ отношеніи, Латинскія Трагедіи важны для исторіи драматическаго искусства. — Сверхъ того, есть преданіе, что *Овидій* написалъ *Медею*, *Цесарь* — *Эдипа*, *Акцій* и *Пакувій*, современники Сципіоновъ, были первыми Римскими трагиками, коихъ Трагедіи, по приказанію Эдилея, были представляемы на театрѣ въ Римѣ; но ни одна изъ нихъ не сохранилась до нашихъ временъ, кромѣ нѣкоторыхъ несвязныхъ отрывковъ.

Показаніе постепенныхъ успѣховъ Русск. Трагедіи.

§ 217. Русская Литература довольно богата драматическими твореніями. Изданіе, подъ названіемъ: *Театръ Россійскій*, если бъ было продолжаемо, составило бы теперь томовъ 100 и болѣе. — Но количество — не достоинство. — Нынѣ изъ сего изданія ничего не играютъ. *Тредіаковскій* и *Сумароковъ* первые познакомили Русскихъ съ Трагедіею: перваго *Дейдамія*, втораго *Хоревъ* показались почти въ одно время, около 1750 года.

Трагедіи А. Сумароковъ

А. Сумароковъ хотя и началъ писать Трагедіи въ одно время съ Тредіаковскимъ, но превзошелъ въ этомъ родѣ не только его, даже Ломоносова.—Мерзляковъ говоритъ: «Не возможно не возчувствовать удивленія, разсматривая чрезвычайные шаги Сумарокова въ успѣхахъ драмы. Представьте съ одной сто-

роны нравоучительныя зрѣлища объ Олофернѣ, при Царевнѣ Софіи, и Дейдамію; а съ другой въ такомъ близкомъ разстояніи *Семиру*, *Синава* и *Трувора*! Сравните съ сими драматическими твореніями современныя творенія Ломоносова — Демофонта, Селима и Темиру: вотъ точка, съ которой талантъ Сумарокова является въ самомъ блистательномъ видѣ. Дѣйствіе, характеры, катастрофы, порядочно расположенныя, — все это сотворено было для Русскихъ Сумароковымъ, и въ то время, когда они цѣнить его достоинствъ были не въ состояніи, какъ самъ онъ жалуется въ предисловіи своемъ къ *Димитрію Самозванцу*. — Безъ сомнѣнія, Сумароковъ подражалъ иностраннымъ писателямъ, но не переводилъ, какъ Княжнинъ; онъ почувствовалъ въ иностранныхъ писателяхъ изящность расположенія, завязокъ и развязокъ, характеровъ, старался сіе искусство перенесть на свой театръ. Отъ чего упали Трагедіи Сумарокова? — Причина: устарѣлый языкъ и неблагородство разговора, который часто бываетъ ниже комическаго. Слогъ — великое дѣло. — Такимъ образомъ Сумароковъ, забытый на театрѣ, сталъ существовать только для однихъ литераторовъ, какъ первое лице въ исторіи Россійской драмы.

Трагедіи Ломоносова.

Ломоносовъ, сверхъ лирическихъ твореній, которыми пріобрѣлъ безсмертную славу, упражнялся и въ драматическомъ родѣ. Онъ написалъ Трагедіи: *Темира* и *Селимъ* и *Демофонтъ*; но Мельпомена не всегда благосклонна была къ Ломоносову: лирикъ побѣдилъ трагика. — Въ показанныхъ произведеніяхъ нѣтъ почти ни одной сцены, которая могла бъ тронуть сердце; а ежели гдѣ и показывается чувствительность, то въ ту же минуту исчезаетъ отъ грома витійственныхъ выраженій и высокихъ словъ; у Ломоносова каждое дѣйствующее лице кажется поэтомъ эпическимъ.

Княжнинъ, скончавшійся въ 1791 году, родственникъ и ученикъ Сумарокова, также принадлежитъ къ числу хорошихъ нашихъ драматическихъ писателей. — Слогъ его чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ Трагедіяхъ Сумарокова. Нѣтъ столь неприличныхъ обращеній къ *устамъ*, *рукамъ*, *слезамъ*, *очамъ* и другимъ бездушнымъ предметамъ; но за то онъ впадаетъ въ противную погрѣшность. — Слогъ его бываетъ часто холоденъ, напыщенъ; онъ терялся въ подробностяхъ, и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось вездѣ быть высокимъ. Онъ подражалъ всѣмъ французскимъ трагикамъ, или лучше, переводилъ изъ нихъ. — Почти ни одинъ планъ, ни одинъ монологъ, ни одинъ характеръ не принадлежатъ ему. — Большую часть лицъ французскихъ Трагедій онъ *перекладывалъ на Русскіе нравы!* Трагедіи Княжнина.

§ 218. Послѣ Княжнина, писали Трагедіи *Херасковъ*, *Майковъ*, *Николевъ*; но они извѣстнѣе по другимъ своимъ произведеніямъ. Истинная Трагедія наша долго была какъ бы въ нѣкоторомъ усыпленіи. Нѣмецкія драмы наводнили театръ. — Въ особенности же публика привлекаема была представленіями Русалки и переведенными піесами Коцебу, заставившаго забыть Сумарокова и даже Княжнина. — Но *Озеровъ* разрушилъ очарованіе, и снова обратилъ вниманіе публики на предметы важнѣйшіе. Красота слога въ его Трагедіяхъ составляетъ главное достоинство. — Скажемъ подробнѣе о каждой изъ его Трагедій. Упадокъ Русской Трагедіи и возрожденіе.

§ 219. *Озеровъ* написалъ первую Трагедію подъ названіемъ: *Смерть Олега Древлянскаго*. Она была представлена въ 1798 на Петербургскомъ театрѣ. — Но, къ счастію, публика, которой сужденія не всегда безошибочны, по какому-то предчувствію, не приняла эту Трагедію, напоминавшую вѣкъ Сумарокова и Княжнина. — Чрезъ нѣсколько времени, Озеровъ, Разсмотрѣніе Трагедій Озерова.

вооруженный новыми силами, показался опять на трагической сценѣ, и уничтожилъ первое неблагопріятное о немъ мнѣніе. — Трагедія: *Эдипъ въ Аѳинахъ*, представленная въ 1804 году, принята была съ совершеннымъ наслажденіемъ — Характеръ *Полиника* и *Антигоны* изображенъ превосходно. Въ Антигонѣ мы видимъ образецъ дочерней любви, чувствительности и благороднаго презрѣнія къ бѣдствіямъ. — Сухость и холодность нѣкоторыхъ явленій въ этой Трагедіи выкупаются красотою и звучнымъ великолѣпіемъ стиховъ. — Вообще планъ этой Трагедіи былъ бы стройнѣе и Греки дѣйствовали бы по-Гречески, если бъ Озеровъ подражалъ Эдипу Софоклову, а не Дюсисову.

Эдипъ въ Аѳинахъ.

Фингалъ.

Въ Трагедіи *Фингалъ*, представленной въ 1805 году, Озеровъ переноситъ насъ подъ дикое и туманное небо, прославленное однообразными, но сильными и сладостными для души пѣснями Оссіана. Въ Фингалѣ Озеровъ является и трагикомъ и поэтомъ: тутъ все говоритъ воображенію, сердцу и глазамъ зрителей; тутъ соединены всѣ сокровища сѣверной поэзіи. — *Старкъ*, господствующее лице въ Трагедіи, начертанъ сильными красками. — Характеры Фингала и Моины также являются во всѣхъ оттѣнкахъ. Только Трагедія сія, въ противность принятымъ правиламъ, содержитъ не болѣе трехъ актовъ. — Впрочемъ, это отступленіе не слишкомъ важно: правило не болѣе и не менѣе пяти актовъ помѣщать въ Трагедіи произошло отъ извѣстнаго стиха Горація:

«Neve minor, neve sit quinto productior actu fabula.»

Притомъ же, басня Фингала такъ суха и проста, что Озеровъ, при всѣхъ своихъ талантахъ, не могъ исполнить пяти актовъ; и если онъ подлежитъ критикѣ, то развѣ въ томъ, что ввелъ Балетъ въ Трагедію.

Трагедія: *Димитрій Донской* напоминаетъ о великой эпохѣ древней славы Россіи, питаетъ народную гордость священными воспоминаніями, и вызываетъ изъ древности великихъ героевъ, служащихъ образцемъ *для* потомства. Безпристрастіе требуетъ сказать, что Озеровъ слишкомъ измѣнилъ историческій характеръ Димитрія, представилъ сего героя любовникомъ *Ксеніи* въ день битвы Донской, когда онъ въ Исторіи является уже супругомъ Великой Княгини *Евдокіи*.— Притомъ же, Димитрій, по любовной страсти своей, похожъ болѣе на рыцаря среднихъ вѣковъ, нежели на Великаго Князя Московскаго. — И дѣйствительно: не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и тѣмъ укоряетъ его въ постыдномъ малодушіи? Самая кончина *Бренскаго*, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужасная укоризна ему? Но всѣ сіи погрѣшности вознаградилъ Озеровъ прекраснѣйшею поэзіею; вся эта Трагедія написана превосходнымъ слогомъ; роли Димитрія и Ксеніи начертаны мастерскою рукою; а отвѣтъ Димитрія Послу можетъ служить образцемъ истиннаго краснорѣчія. Кромѣ сего драматическаго достоинства, Трагедія: Димитрій Донской согрѣта любовію къ отечеству, которая живо отражается въ сердцахъ Россіянъ, и которой напрасно мы будемъ искать въ твореніяхъ Сумарокова, Княжнина и самого Хераскова, пѣснопѣвца Россіи. Она и при началѣ своемъ имѣла разительное отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ, когда въ 1807 году Россія вела войну съ утѣснителемъ Европы; но послѣ происшествій 1812 года, которыя какъ бы предсказаны во многихъ стихахъ Димитрія, еще болѣе становится на нашемъ театрѣ *народною* Трагедіею.

Димитрій Донской.

Поликсена. *Поликсена*, появившаяся въ 1809 году, есть совершеннѣйшее произведеніе дарованія Озерова, и лучшая наша Трагедія. Въ ней взята обильная дань съ Иліады. Не смотря на нѣкоторыя погрѣшности въ планѣ, Поликсена полнѣе и совершеннѣе въ цѣломъ прежнихъ Трагедій Озерова. Характеры *Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены* выдержаны до конца. Мастерство кисти Озерова въ изображеніи женскихъ характеровъ торжествуетъ здѣсь съ новымъ блескомъ. — Въ послѣднихъ словахъ Нестора, заключающихъ Трагедію, мы слышимъ отголосокъ души поэта:

«Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
«Мы бродимъ на землѣ игралищемъ судьбы. —
«Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
«Счастливѣе стократъ, кто къ жизни не родится.»

Сіи стихи послѣдніе изъ извѣстныхъ, оставшихся по немъ, скрываютъ тайное предчувствіе ужасной судьбы чувствительнаго поэта. — Живя въ деревнѣ, Озеровъ началъ Медею и написалъ уже́ три дѣйствія; но, въ припадкѣ уныніи, кинулъ ихъ въ огонь. — Еще найдены у него заготовленными два плана новыхъ Трагедій: *Вельгардъ*, *Варягъ мученикъ при Владимірѣ* и *Осада Дамаска*. Судьба и люди не позволили ему усовершенствовать у насъ трагическое искусство, съ нимъ возникшее.

Трагедія: Пожарскій. § 220. *Пожарскій*, Трагедія въ трехъ актахъ, написана Крюковскимъ, который и дарованіемъ и преждевременною смертію раздѣляетъ съ Озеровымъ дань нашихъ слезъ и уваженія. — Хорошіе стихи и чувство истиннаго патріотизма, дышащіе во многихъ мѣстахъ сей Трагедіи, доставили ей то лестное преимущество, что она съ 1807-го года представляется при всякомъ торжественномъ случаѣ, какъ отголосокъ народнаго усердія къ Царю и Отечеству. — Если Трагедія *Пожарскій* не изобилуетъ красотами Ди-

митрія Донскаго, и не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ строгой критики въ отношеніи трагическомъ; то, въ замѣнъ сего, нѣсколько прекрасныхъ монологовъ, два, или три, истинно-драматическія положенія, и возвышенность духа, которую сочинитель умѣлъ придать лицамъ *Пожарскаго*, супруги его *Ольги* и *Косьмы Минина*, заслуживаютъ ей при всякомъ представленіи частыя, искреннія рукоплесканія зрителей.— Крюковскимъ еще написана Трагедія *Елисавета*, дочь Ярослава; но она совершенно не имѣетъ достоинствъ первой его Трагедіи, и издана уже по смерти автора.

Переводныя Трагедіи.

§ 221. Озеровъ возбудилъ соревнованіе въ питомцахъ Мельпомены. Много Трагедій написано послѣдователями его; но почти всѣ забыты. — *В. А. Жуковскій* подарилъ нашу Словесность прекраснымъ переводомъ Шиллеровой Трагедіи: Орлеанская дѣва.— Переводы *Лобанова* и творенія *Висковатова* имѣютъ свои достоинства. — *Ротчевъ* перевелъ *Вильгельма Теля* и *Мессинскую невѣсту* — Шиллера, также нѣкоторые отрывки изъ *Макбета* Шекспирова.—Стихи Ротчева сильны и звучны, но иногда темны, и рѣдко передаютъ всѣ оттѣнки оригинала. — *Вронченко* перевелъ *Гамлета* близко къ подлинникѣ; языкъ правиленъ, но тяжелъ въ оборотахъ.— *П. Г. Ободовскій*, кромѣ прежде переведенной Трагедіи Шиллеровой *Донъ Карлосъ*, прекрасно перевелъ Трагедію Шенка: *Велисарій* и Трагедію: *Отецъ и Дочь*. — Драма Раупаха: *Отецъ и Отечество*, или *Земная ночь*, удачно переведена *Г. Семеновымъ*.

Переводы Шишкова 2.

Шишковъ 2, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предпринялъ изданіе *Избраннаго Нѣмецкаго театра*, употребивъ въ переводахъ своихъ *пятистопные ямбы*. Достоинство этихъ переводовъ неотъемлемо: Шишковъ показалъ въ нихъ совершенное знаніе Русскаго языка и . . . что еще рѣдкость у насъ! знаніе того

языка, съ котораго переводилъ. При всемъ томъ, предпріятіе его не вполнѣ достигло своей цѣли. — Знакомить Русскихъ съ Шиллеромъ посредствомъ пятистопныхъ ямбовъ значитъ то же, что дать понятіе о картинахъ Рафаеля посредствомъ литографированныхъ эстамповъ. — Мысль употреблять въ драматическихъ произведеніяхъ пятистопные ямбы, подалъ Жуковскій, который, желая ознакомить нашихъ соотечественниковъ съ произведеніями Германской Мельпомены, выбралъ изъ твореній Шиллера самую поэтическую Трагедію, и перевелъ ее почти размѣромъ подлинника. Этотъ подвигъ сначала изумилъ, а послѣ обрадовалъ всѣхъ любителей словесности. Молодые писатели, не расчитавши, что творить такія чудеса, т. е. переводить Шиллера чуждымъ нашему языку размѣромъ можетъ только Жуковскій, отличный, опытный и даже великій поэтъ, — увидѣли въ его трудѣ какъ бы новый путь, открытый для всѣхъ; рѣшили, что Александрійскій стихъ слишкомъ длиненъ для Трагедіи, и принялись за пятистопные ямбы, размѣръ не благозвучный и употребляемый у Нѣмцевъ по свойству ихъ языка. — Что же вышло? Новѣйшіе переводы Нѣмецкихъ Трагедій мало удобны и для чтенія и для сцены.

Разборъ Драмы Пушкина: Борисъ Годуновъ.

§ 222. *А. С. Пушкинъ* издалъ въ 1831 году Историческую Драму: *Борисъ Годуновъ*. Цѣль автора прекрасна. — Онъ хотѣлъ создать твореніе не только самобытное, но и *національное*, родное. — Выборъ предмета Драмы есть также доказательство проницательнаго генія Пушкина. — Мало найдемъ предметовъ столь поэтическихъ, характеровъ, столь увлекательныхъ, событій, столь разительныхъ, каковы жизнь Бориса Годунова, характеръ его, странная судьба его самого и его семейства; притомъ же, неточность, нерѣшительность опредѣленія историческаго — назвать Бориса цареубійцею — вотъ сокровище для дарованія

сильнаго, смѣлаго! — Пушкинъ не дѣлитъ Драмы своей на дѣйствія: *двадцать два* сплошныя явленія содержатъ въ себѣ событія съ 1598 года до 1605-го, въ теченіе семи лѣтъ, начинаясь избраніемъ Бориса на царство и провозглашеніемъ царя Димитрія. — Если разсматривать сцены отдѣльно, то большая часть изъ нихъ прекрасны, нѣкоторыя особливо отдѣланы мастерски. Таковы: *Инокъ Пименъ и Самозванецъ; Монахи на Литовской границѣ; Рѣчь Патріарха въ Совѣтѣ; Марина и Самозванецъ ночью въ саду; Битва подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ*; *Юродивый* и обѣ *сцены Эпилога*. — Прочія же сцены: гдѣ *Борисъ избирается на Царство*; гдѣ онъ потóмъ *груститъ*; также *пиръ у Шуйскаго* — и нѣкоторыя другія слабы. — *Сцена Курбскаго при переходѣ чрезъ границу* изыскана и не въ духѣ времени. — Всего же не естественнѣе *сцена кончины Борисовой*. — Вообще, по прочтеніи Драмы Пушкина, остается въ памяти множество чего-то хорошаго, прекраснаго, но мало связнаго, въ отрывкахъ, такъ что ни въ чемъ нельзя дать себѣ полнаго отчета. — Это, кажется, происходитъ отъ того, что Пушкинъ, въ созданіи своей Драмы, взявъ идеи Карамзина, тѣмъ наложилъ оковы на свой геній, и потерялся въ планѣ и развитіи его. — Вмѣсто того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу человѣка съ судьбою, мы видимъ только приготовленія его къ казни, и слышимъ только стонъ умирающаго преступника. — А потому, недостатки, замѣченные безпристрастными критиками въ Драмѣ Пушкина, суть: 1) бѣдность идеи, которая не позволила поэту развить ни характеровъ, ни подробностей, когда Драма только и живетъ ими; — едва дѣйствующіе знакомятся съ нами, какъ все опять исчезаетъ, и мы не знаемъ ни дѣйствія, ни лицъ, пока они не придутъ вновь и не разскажутъ намъ, что съ ними сдѣлалось; 2) несправедливое понятіе

объ Исторической, или вообще о Романтической Драмѣ. — Судя по Драмѣ Пушкина, все отличіе ея отъ Классической Драмы состоитъ въ пестротѣ явленій и быстрыхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому. Но это не вѣрно: Романтическая Драма имѣетъ свои строгія правила и свой порядокъ дѣйствій. И такъ, окончательный выводъ о Драмѣ Пушкина будетъ слѣдующій: *Борисъ Годуновъ* есть новый шагъ нашего поэта впередъ; въ Драмѣ этой соединены всѣ его достоинства, всѣ недостатки, весь Пушкинъ, и вся его поэзія, каковы онъ и она *были* донынѣ, и являются въ нынѣшнемъ своемъ состояніи. — Пушкинъ, какъ *Русскій литераторъ*, является въ этой Драмѣ съ новымъ блескомъ; но *какъ Европейскій писатель*, какъ современный драматистъ XIX вѣка, онъ не достигаетъ желаемаго совершенства.

Трагедіи Хомякова: 1) Ермакъ.

§ 223. *Хомяковъ* написалъ Трагедію *Ермакъ* пятистопными звучными ямбами, и показалъ хорошія дарованія. Только въ этомъ произведеніи не соблюдено ни исторической вѣрности, ни правдоподобія въ изображеніи характеровъ и въ представляемыхъ событіяхъ. — Ермакъ въ Трагедіи представленъ какимъ-то мечтателемъ и чрезмѣру сентиментальнымъ. Хорошъ одинъ *Кольцо*, другъ вѣрный, осторожный, душею преданный атаману; онъ выдерживаетъ свой характеръ съ начала до конца. — Не всѣ лица говорятъ языкомъ, приличнымъ ихъ вѣку и положенію. — Въ IV дѣйствіи Заруцкій, замѣтивши, что Мещерякъ не ложится спать во всю ночь, говоритъ ему: «*Мнѣ кажется, что сонъ рукою тихой*» — «*Не закрывалъ сего дня вѣждъ твоихъ.*» — Могъ ли казакъ въ XVI столѣтіи, въ Сибири, говорить такимъ языкомъ? — Вообще, авторъ Ермака, при особенныхъ своихъ дарованіяхъ, не исполнилъ требованій современной критики, и обременилъ Трагедію длинными тирадами и разговорами, которые были только терпимы при Але-

ксандрійскихъ стихахъ, исключительно созданныхъ для декламаціи.

Хомяковъ въ 1833 году издалъ другую Трагедію: Димитрій Самозванецъ. — Авторъ желалъ показать Самозванца человѣкомъ необыкновеннымъ, одушевленнымъ высокими помыслами, но неопытнымъ и преданнымъ въ руки коварныхъ совѣтниковъ. — Но могъ ли и такой Самозванецъ быть лице драматическое — занимательное? Мы не можемъ брать живаго участія въ преступникѣ, какъ бы онъ знаменитъ ни былъ.— Другія дѣйствующія лица тоже ни сколько не занимательны: *Шуйскій* лицемѣръ, честолюбецъ; *Марина* и *Патеръ Квицкій* изверги, безъ правилъ; прочіе пролазы, льстецы, глупцы. — Истинно драматическая сцена во всей Трагедіи есть появленіе, ночью, въ кельѣ Царицы *Маѳы*, слѣпца *Антонія*, хитраго фанатика и клеврета Шуйскихъ; онъ имѣетъ порученіе уговорить ее, чтобъ она торжественно объявила колеблющимся заговорщикамъ, что Димитрій не ея сынъ.— Есть нѣсколько и другихъ удачныхъ мѣстъ, выраженныхъ прекрасными стихами; но могутъ ли они искупить недостатокъ сильныхъ страстей и занимательности лицъ, также ошибки въ планѣ и созданіи формъ изящнаго творенія?

2) Димитрій Самозванецъ

Въ томъ же 1833 году появилась въ свѣтъ напи-санная *Б. Розеномъ* Историческая драма: *Россія и Баторій* *). Интересъ и дѣйствіе драмы сей двоятся между Москвою и Псковомъ.— Авторъ, желая представить картину Русскаго быта въ XVI вѣкѣ, изобразилъ замѣчательныя лица того времени: *Іоанна*, *Бѣльскаго*, *Годунова*, *Баторія*, *Замойскаго*, *Курбска-*

Россія и Баторій-Розена.

*) *Б. Розенъ* извѣстенъ у насъ какъ образованный и трудолюбивый литераторъ. — Имъ также написаны Трагедіи: *Осада Искова* и *Петръ Басмановъ*; сверхъ того, множество мелкихъ стихотвореній и истинно занимательныхъ и полныхъ чувства повѣстей, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

го, придалъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ, удачно придуманныхъ, и заставилъ ихъ говорить языкомъ звучнымъ, сильнымъ, выразительнымъ, но вмѣстѣ съ симъ приличнымъ ихъ вѣку и положенію. — Впрочемъ, Драма Б. Розена не выдержала бы требованій современной критики, еслибъ въ ней не были представлены лица, важныя для насъ историческою занимательностію.

Драмы Кукольника.

§ 224. Н. В. *Кукольникъ* блистательнымъ образомъ началъ свое литературное поприще, написавъ драмы: *Торкватo-Тассо*, *Рука Всевышняго отечество спасла*, *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій*, *Роксолана*, *Доминикино*, *Джулію Мости*, *Іоаннъ Лейзевицъ*. — Всѣ эти произведенія, а преимущественно первое, обратили на себя особенное вниманіе любителей Русской Словесности.

а) Драма: *Торкватo Тассо* есть превосходное произведеніе, проникнутое поэзіею и чувствомъ, исполненное смѣлыхъ помысловъ, творческихъ думъ и чудесныхъ картинъ изъ жизни величайшаго поэта. — Читая ее, мы уносимся душею подъ прекрасное небо отчизны пѣвца Аминты; раздѣляемъ его скорбь, его изгнаническую тоску, его любовь; мы блуждаемъ съ нимъ по берегамъ Неаполитанскаго залива. — Нужно ли говорить о звучныхъ, гармоническихъ стихахъ, въ которые облечены жалобы и мечты Тасса, его вдохновенное безуміе, тайная, робкая любовь его Элеоноры, жгучая ревность и бѣшеная страсть Лукреціи. — Вообще, поэтъ нашъ удачно воспользовался характеромъ и судьбою пѣвца Іерусалима, представивъ его великимъ, безсмертнымъ въ мірѣ духовномъ, но ничтожнымъ въ глазахъ людей міра земнаго, и окруживъ его тѣми лицами и обстоятельствами, которыми судьба, какъ бы съ умысломъ, окружила своего любимца и страдальца. — Сколько препятствій долженъ былъ преодолѣть Тассо! сколько страстей

противустоятъ ему, и какъ великъ онъ въ самомъ изнеможеніи силъ своихъ! Лучшія сцены фантазіи суть: *Бесѣда Тасса съ своимъ геніемъ* въ темницѣ, *разговоръ Тасса съ Корнеліею*, *монологъ подлѣ Везувія*, *сцены сумасшедшихъ* и *кончина Тасса* въ вѣнцѣ Капитолійскомъ. — При всемъ томъ, есть сцены, характеры и переходы натянутые, не естественные. — *Элеонора* иногда слишкомъ свободно говоритъ о любви своей; *Лукреція* представлена вѣтреною. — Поэтъ позволяетъ иногда много неестественнаго: странно, напримѣръ, слышать, что Тассъ предъ смертью пророчествуетъ о Гете, о Державинѣ и о самомъ Кукольникѣ.

b) *Рука Всевышняго отечество спасла* есть драматическое представленіе великаго, истинно патріотическаго переворота, который возвелъ на престолъ благословенный Домъ Романовыхъ. — Предметъ сей драгоцѣнный для Русскаго сердца и столь тѣсно связанный съ чувствами нашего счастія, величія, и славы, долженствовалъ внушить поэту множество возвышенныхъ мыслей и чувствованій, пылающихъ священнымъ огнемъ любви къ Престолу и отечеству. — Первый и пятый актъ отличаются блескомъ поэтическихъ красотъ. — Въ другихъ же актахъ есть сцены, имѣющія мало связи. — *Заруцкій* представленъ лицемъ слабымъ, дѣйствующимъ на удачу, и безполезнымъ для интриги, совершенное отсутствіе которой не позволительно въ Драмѣ. — Продолжительныя рѣчи и частое повтореніе однихъ и тѣхъ же выраженій увеличиваютъ недостатки этой пьесы. — Непріятно также встрѣчать въ этой Драмѣ повтореніе многихъ сценъ, находящихся въ Драмѣ: *Тассо*. — *Мининъ* напоминаетъ лице Тасса. — Сцена больнаго *Пожарскаго* есть отблескъ сцены Лукреціи. — Прощаніе Пожарскаго есть списокъ

прорицанія Тасса; и даже самая идея Минина есть идея Шиллеровой Орлеанской Дѣвы.

c) *Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ. — Скопинъ-Шуйскій былъ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя, какъ бы для утѣшенія человѣчества, являются въ тѣ эпохи, когда торжествуютъ буйныя страсти. — Но въ людяхъ добродѣтельныхъ, въ геройхъ честныхъ мало драматическаго; дѣла ихъ сами по себѣ составляютъ прекрасные отрывки для Исторіи, а въ ложномъ свѣтѣ театра они кажутся блѣдными. — Авторъ это чувствовалъ, и долженъ былъ, такъ сказать, подкрѣпить Скопина двумя другими лицами, истинно драматическими: это Ляпуновъ и Княгиня Катерина Шуйская. — Ляпуновъ страстный, пылкій, доходящій до крайности во всѣхъ своихъ чувствованіяхъ, Княгиня, женщина умная, но мучимая честолюбіемъ, которое заглушаетъ въ ней всѣ другія чувства, и заставляетъ ее совершить преступленіе ужасное. Эти три главныя лица у Кукольника превосходно отдѣланы. — Вся драма его наполнена сценами разительными, дышитъ пламеннымъ патріотизмомъ и написана прекрасными стихами. — Съ особенною силою изображено раскаяніе Ляпунова. Но лучшія сцены изъ всей Драмы находятся въ 5 актѣ, гдѣ изображается терзаніе К. Екатерины. — Особенный ефектъ этой сцены получается отъ музыки, составленной изъ народныхъ мотивовъ.

d) *Роксолана*, Драма въ пяти актахъ. Это первая пьеса, въ которой выведены Азіятцы на нашей сценѣ не въ каррикатурномъ видѣ. — Въ этой Драмѣ развивается талантъ Кукольника въ глубокомъ начертаніи страстей. — Авторъ представляетъ намъ сераль, съ его таинственною политикою, съ пронырствами гарема, съ интригами вельможъ и съ кровавою местью. — Но то самое, что составляетъ одно

изъ первыхъ достоинствъ пьесы — черты *народности*, такъ рѣзко, такъ смѣло выраженныя роскошнымъ языкомъ Востока, ослабляетъ, можетъ быть сценическій ефектъ. Зритель долженъ вникнуть слишкомъ въ сюжетъ автора, перенестись съ нимъ на берега Босфора, въ страну сильныхъ страстей азіятской любви и азіятской ненависти, чтобы вполнѣ почувствовать ихъ борьбу, прекрасно выдержанную съ перваго до послѣдняго стиха этой пьесы. — Нельзя не замѣтить однакожъ, что авторъ напрасно далъ мѣсто въ своей Драмѣ комическимъ сценамъ: сцена *карликовъ* портитъ общій ходъ Драмы. — Зритель въ правѣ досадовать, когда плохія шутки карликовъ и ихъ выносъ со сцены представляютъ самый разительный комическій контрастъ съ величіемъ Солимана, полнаго думъ и тревоги. — Вообще же, ходъ дѣйствія во всей пьесѣ быстръ и занимателенъ; каждое дѣйствующее лице вѣрно выдерживаетъ свой характеръ, и кромѣ поэтическихъ красотъ, главная пружина всей Драмы месть *Кизляръ-Аги* изображена почти съ Шекспировымъ знаніемъ человѣческаго сердца. — Только въ Роксоланѣ общій недостатокъ съ Скопинымъ-Шуйскимъ тотъ, что въ нихъ нѣтъ *главнаго лица*, которое бы сосредоточивало въ своей судьбѣ весь интересъ зрителя. — Князь Скопинъ и Мустафа, оба невинны, благородны, и оба дѣлаются жертвами своего благородства; но роли обоихъ какъ-то незначительны, безцвѣтны. — Къ отступленіямъ историческимъ должно отнести то, что будто побѣжденный Шахъ Персидскій принялъ *Турецкія книги* и *Имановъ*, между тѣмъ изъ Исторіи извѣстно, что войска самого Солимана были разбиты. — Къ непристойнымъ сценамъ должно отнести: пьянство дѣтей Роксоланы и объясненіе Мустафы съ Роксоланою.

II. КОМЕДІЯ.

Опредѣленіе, свойство и цѣль Комедіи.

§ 225. *Комедія* есть предложенное въ дѣйствіи подражаніе нравовъ, пороковъ, странностей, видимыхъ между людьми. — *Свойство* Комедіи заключается въ искусствѣ смѣшить зрителей какъ самымъ расположеніемъ происшествій, такъ и остроумными изрѣченіями; — а *цѣль ея*, показаніемъ недостатковъ и странностей людскихъ, исправлять зрителей подъ опасеніемъ подобнаго осмѣянія. — *Ridendo castigat mores.*

Выборъ предметовъ Комедіи.

§ 226. *Предметомъ* Комедіи могутъ быть только такіе пороки и странности, которые заставляютъ смѣяться; а потому, стихотворецъ обязанъ скрывать все то, что они имѣютъ низкаго, презрительнаго и возбуждающаго негодованіе. — Въ Комедіи не должны мы видѣть человѣка въ положеніи, производящемъ отвращеніе или ужасъ; онъ долженъ только забавлять насъ на свой счетъ.

§ 227. *Содержаніемъ* Комедіи бываетъ или дѣйствительное событіе, или вымышленное. — Но болѣе всего поэты пользуются наблюденіемъ обыкновенной жизни и представляютъ случаи и характеры господствующаго времени.

Средства къ лучшему изображенію нравовъ.

§ 228. *Средства* изобразить надлежащимъ образомъ странности и пороки суть: 1) представленіе противуположныхъ пороковъ; напримѣръ, вмѣстѣ съ женою высокомѣрною и самовластною мужа робкаго и глупаго, каковы *Простаковы* въ Комедіи: *Недоросль*; скупаго отца и сына мота; коварнаго льстеца съ человѣкомъ добрымъ и чистосердечнымъ, или мизантропа съ человѣкомъ учтивымъ и любящимъ общество; 2) нѣкоторое преувеличеніе странностей и слабыхъ сторонъ, представленное въ чертахъ разительныхъ для бо́льшаго впечатлѣнія.

§ 229. Комедія раздѣляется на *высокую* и *низкую*. — Въ первой стихотворецъ представляетъ дѣянія обыкновенной жизни съ смѣшной и странной ихъ стороны; низкой же Комедіи цѣль смѣшить зрителей какими бы то ни было средствами. — Если главное дѣло заключается въ *изображеніи характера*, къ развитію котораго содѣйствуютъ ходъ и расположеніе пьесы; то Комедія называется *характерною*; (Комедіи сего рода самыя трудныя и болѣе уважаемыя); если же смѣхъ производится въ зрителѣ завязкою дѣйствія и неожиданною его развязкою; то Комедія сія именуется *основанною на интригѣ*. — Въ характерныхъ Комедіяхъ описываются нравы и обычаи *общіе*, или *частные*. — Сочиненіе, основанное на нравахъ общихъ, должно нравиться повсюду и всегда. — Плавтова Комедія *Скупецъ*, около двухъ тысячъ уже лѣтъ написанная, донынѣ занимаетъ насъ. — Комедіи же, въ которыхъ описываются нравы *частные*, т. е. особенныя смѣшныя качества какого либо извѣстнаго времени и народа, не могутъ доставлять удовольствія продолжительнаго, и имѣютъ успѣхъ въ одной своей родинѣ. — Потому-то, Комедіи *Теренція*, содержащія изображеніе тогдашнихъ нравовъ Римскихъ, читаются немногими, и то единственно по хорошему своему слогу и расположенію. — У насъ Скотинины и Простаковы повывелись; и мы, плѣнялись остроумiемъ фонъ-Визина, давно уже находимъ натяжку и слишкомъ яркіе цвѣты въ его изображеніяхъ. Раздѣленіе Комедіи.

§ 230. *Слогъ* Комедіи долженъ быть простой, легкій, привлекательный. — Комическій поэтъ обязанъ говорить языкомъ всѣхъ состояній, такимъ, который бы понятенъ былъ какъ придворному, такъ и провинціалу, ученому и невѣждѣ. — Комедіи пишутся шестистопными ямбическими *стихами*, а иногда и *прозою*. — Стихами приличнѣе писать Комедіи общія, Слогъ Комедіи, заглавіе ея и размѣръ стиховъ.

а прозою частныя. — Дѣйствіе Комедіи должно имѣть единство, узелъ и развязку. — *Заглавіе* берется отъ имени главнаго лица, отъ страсти его, отъ завязки и проч.

Начало Комедіи у Грековъ.

§ 231. Въ младенчествѣ своемъ Комедія и Трагедія у Грековъ смѣшаны были вмѣстѣ: онѣ состояли только изъ *хоровъ*. — *Фесписъ*, жившій за 536 лѣтъ до Р. Х. первый ввелъ одно говорящее лице. — По прошествіи немалаго времени, стали отдѣлять шуточное отъ важнаго. — Тогда Комедія и Трагедія получили особенныя основанія. — Поэты, современные Феспису, *Хіонидъ*, *Магнесъ*, *Формисъ*, начали вводить понѣскольку лицъ, подчинили произведенія свои нѣкоторымъ правиламъ, и украсили ихъ всею благопристойностію. — Сочиненія сіи не достигли до нашихъ временъ.

Отличительныя свойства древней, средней и новой Греческой Комедіи.

§ 232. Греческую Комедію раздѣляютъ на *древнюю*, *среднюю* и *новую*. — Древняя, которую Горацій почитаетъ явившеюся послѣ Есхила, представляла полководцевъ, ораторовъ, философовъ, градоначальниковъ, подъ собственнымъ ихъ именемъ; даже самое богослуженіе много терпѣло отъ безжалостныхъ насмѣшекъ комическихъ. — По введеніи аристократическаго правленія, законы возстали противъ этой вольности, и было запрещено называть на театрѣ кого либо собственнымъ именемъ. — Съ сего времени начинается Комедія *средняя*, изображавшая такія же происшествія, но съ перемѣною собственныхъ именъ. — *Новая* же Комедія началась со временъ Александра Великаго, который, овладѣвъ Греціею, совершенно уничтожилъ всѣ соблазнительныя выдумки, запретивъ представлять всѣ истинныя происшествія, и тѣмъ изгналъ съ театра всякую личность. — Тогда стихотворцы увидѣли себя принужденными изобрѣтать и предметы для своихъ Комедій, и имена дѣйствующихъ лицъ, что̀ очистило и

обогатило театръ. — Между великимъ числомъ поэтовъ, отличавшихся въ древней Комедіи, извѣстенъ только *Аристофанъ*, жившій за 455 лѣтъ до Р. Х.— Изъ 54 его Комедій мы имѣемъ 11. — Онъ упражнялся и въ средней Комедіи, также какъ *Евполисъ* и *Кратиносъ*, коихъ творенія утрачены. — *Менандръ*, родившійся въ Аѳинахъ за 342 года до Р. Х. и прозванный *царемъ новой Комедіи*, извѣстенъ только по отрывкамъ, показывающимъ, что Плутархъ справедливо предпочиталъ его Комедіи Аристофановымъ. — Въ Менандровыхъ Комедіяхъ видна Сатира на пороки и странности, всегда тонкая и пріятная.

Начальное употребленіе Римской Комедіи и писатели.

§ 233. Кажется, во всей Греціи, одни только Аѳины имѣли настоящую Комедію, которая съ прочими изящными произведеніями перешла въ Римъ, около 514 года по основаніи Рима. — Ее употребляли при священныхъ празднествахъ къ умилостивленію боговъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Тита Ливія: *Ludi scenici inter alia coelestis irae placamina instituti dicuntur.* — Первымъ комическимъ Римскимъ стихотворцемъ почитается *Ливій Андроникъ*, о твореніяхъ котораго Цицеронъ говоритъ, что они не могли быть читаны дважды: *Livianae fabulae non satis dignae iterum legantur.* Но болѣе замѣчательны комики: *Плавтъ* и *Теренцій*; они не изображали нравовъ Римскихъ, но только переводили театръ Греческій на языкъ природный; почему, и служатъ единственно къ познанію тогдашняго римскаго вкуса. — Первый (за 200 л. до Р. Х.) подражалъ Аристофану; слогъ его Комедій грубъ и часто неблагопристоенъ; второй же все изображалъ съ аттическою утонченностію, неподражаемою простотою и нѣжными оттѣнками. — Плавтъ писалъ для Сената воинственнаго и общества поселянъ, живущихъ во времена побѣдителей при Замѣ; Теренцій, подражатель Менандра, оставившій 6 остроумныхъ Комедій, писалъ для

вѣка, въ которомъ Философія и нѣга побѣжденной Греціи начали укрощать ея побѣдителей — властелиновъ.

Нынѣшнее состояніе и успѣхи Русской Комедіи.

§ 234. Репертуаръ Русской Комедіи составляли и составляютъ: 1) *Грубые фарсы.* — Ихъ началъ Сумароковъ, а за нимъ продолжали и другіе. — *Приданое обманомъ* Сумарокова, гдѣ наслѣдники, окормивши ботвиньею опекуна, принуждаютъ его подписать рядную, и *Ссора или два сосѣда*, К. Шаховскаго, гдѣ за яичницею мирятся два непримиримые соперника, суть творенія одного разряда: это арлекинады Комедіи.

2) *Переводныя Комедіи.* Онѣ начаты до Сумарокова, и съ 1757 года, когда было у насъ только три переложенныхъ Мольеровыхъ Комедій, донынѣ переведено ихъ нѣсколько сотъ. — Вкусъ къ переводамъ былъ въ разныя времена различный. — Сначала переводили Нѣмцовъ, Французовъ, Италіянцевъ, Англичанъ, дурною прозою и тяжелыми стихами. Въ началѣ XIX вѣка Коцебу овладѣлъ театромъ Русскимъ; теперь переводятъ, большею частію, Комедіи Французскія. — Въ послѣдніе годы явилось нѣсколько хорошихъ переводовъ, къ которымъ должно причислить: *Школу женщинъ* и *Мизантропа.* — Г. Кокошкинъ въ изящномъ переводѣ Мольерова *Мизантропа* положилъ основаніе новому языку и новому разговорному тону, могущимъ служить образцами для высшаго общества.

3) *Передѣлки.* — Это самыя жалкія и несчастныя созданія. — Мысль нелѣпая, что, переставивши имена и мѣсто дѣйствія, можно обращать твореніе Нѣмца, Француза, есть основная мысль передѣлокъ. — Водевилисты довели передѣлку чужаго до послѣдней крайности.

4) *Оригинальныя Комедіи.* — Донынѣ ихъ было у насъ очень много; но, къ сожалѣнію, основныя мы-

сли Русскихъ Комедій весьма немногія принадлежатъ нашимъ сочинителямъ; а если и принадлежатъ имъ; то бываютъ такъ мелки, стары, что съ 1764 года, т. е. времени появленія *Бригадира*, Фонъ-Визина, едвали десять Русскихъ Комедій можно насчитать, въ которыхъ мысль была бы оригинальна, не слѣдствіе подражанія. Укажемъ на замѣчательныя въ этомъ родѣ произведенія. — Фонъ-Визинъ написалъ первыя Русскія Комедіи, бывшія долгое время единственными. — Первая его Комедія, *Бригадиръ*, написанная имъ въ молодыхъ лѣтахъ, имѣла большой успѣхъ, и, кажется, что Фонъ-Визинъ, сочиняя ее, имѣлъ въ виду не идеалы, а дѣйствительныя лица. — Эта Комедія, не отличаясь художественнымъ достоинствомъ, любопытна для насъ, какъ картина тогдашнихъ нравовъ и какъ собраніе выраженій тогдашняго разговорнаго слога. — Въ превосходной повѣсти Пушкина: *Капитанская дочка*, можно видѣть образцики этого языка XVIII вѣка. — Спустя двадцать лѣтъ послѣ *Бригадира*, написана Фонъ-Визинымъ другая Комедія: *Недоросль*, блестящій успѣхъ которой рѣшенъ былъ не общимъ голосомъ публики, а ласковымъ взглядомъ знаменитаго вельможи Потемкина. И дѣйствительно, Потемкинъ былъ правъ: Фонъ-Визинъ не написалъ ничего лучше, и *Недоросль* донынѣ остается лучшею нашею оригинальною Комедіею, хотя въ ней многое нынѣ кажется натянутымъ и преувеличеннымъ. (*)

Вскорѣ послѣ Комедій Фонъ-Визина явились Комедіи *Княжнина*, изъ которыхъ болѣе замѣчательны: *Хвастунъ* и *Чудаки*, по многимъ забавнымъ и истинно комическимъ сценамъ, также по острымъ и хорошимъ стихамъ? — Впрочемъ, въ этихъ Комедіяхъ, при многихъ недостаткахъ и странностяхъ, принадлежав-

*) Подробнѣе о Комедіяхъ Фонъ-Визина говорится въ главѣ XVI Исторіи Русской Литературы.

шихъ тогдашнему времени, находится много невѣроятностей, много слишкомъ явныхъ заимствованій изъ французскихъ комиковъ. — Въ Комедіи: *Чудаки* одна сцена почти слово въ слово переведена съ Трисотина и Вадіуса. — Другія Комедіи, написанныя Княжнинымъ въ прозѣ, довольно долго держались на нашей сценѣ, по удачному и вѣрному изображенію современныхъ нравовъ.

Послѣ Княжнина, Комедія наша долгое время была въ усыпленіи, пока въ 1806 году появились двѣ Комедіи Крылова: *Урокъ Дочкамъ* и *Модная Лавка*. Въ этихъ комедіяхъ господствуетъ одна мысль — насмѣшка надъ страстію нашею ко всему иноземному. Обѣ комедіи суть злыя эпиграммы на эту смѣшную сторону нашего общества, наполненныя множествомъ забавныхъ сценъ и положеній, веденныя съ удивительнымъ чувствомъ истиннаго комисма. — Сіи Комедіи, въ свое время, имѣли такой же всеобщій успѣхъ, какъ нынѣ *Горе отъ ума*. — Замѣчательно, что Комедіи Крылова и Комедіи Грибоѣдова нѣсколько сходятся въ главной ихъ идеѣ: въ преслѣдованіи слѣпой страсти къ иностранному. — Различіе ихъ въ томъ, что Комедія Грибоѣдова есть большая картина общества въ данную минуту со всѣми его подробностями, группами и портретами, съ его свѣтомъ и тѣнью, съ его страстями, пороками и слабостями, съ его предразсудками и повѣрьями. — Напротивъ, обѣ комедіи Крылова можно сравнить съ этими небольшими, но тѣмъ не менѣе прекрасными картинами Фламандской школы, въ которыхъ все такъ просто, и въ тоже время такъ забавно, и такъ вѣрно, какъ человѣческая природа, разсматриваемая хладнокровно съ ея смѣшной стороны. — Грибоѣдовъ рисуетъ общество съ благороднымъ негодованіемъ поэта на его лицемѣріе и пороки, даже иногда кисть его предается неумѣренной запальчивости, которую

едва ли извинитъ строгое искусство. — Крыловъ, какъ Теньеръ, смѣется надъ странностями общества, съ простодушіемъ истиннаго добряка — художника. — Проводя смѣшныя черты въ своихъ картинахъ, онъ между тѣмъ улыбается наивно и безъ сердца, и ему самому забавны тѣ фигуры, которыя такъ живо списаны имъ съ природы. — Еслибъ объ комедіи Крылова написаны были стихами; то онѣ сдѣлались бы также народными, какъ и его Басни. — Нельзя не пожалѣть, что Крыловъ такъ мало трудился для нашего театра; кромѣ двухъ комедій, онъ написалъ еще оперу: *Илья Богатырь*. — По всему видно, что баснописецъ нашъ имѣлъ намѣреніе способствовать къ созданію національныхъ русскихъ піесъ.

Княземъ *Шаховскимъ* написано нѣсколько очень милыхъ и забавныхъ комедій, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ. — Комедіи: *Аристофанъ*, *Пустодомы*, *Новый Стернъ*, *Своя Семья* принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей сценической Литературы.

Главное достоинство драматическихъ произведеній *Хмельницкаго* изящество и благородство съ простотою и естественностію. — Впрочемъ, комедіи Хмельницкаго большею частію переводныя, отличающіяся очищеннымъ разговорнымъ языкомъ.

Горе отъ ума, вполнѣ оригинальное произведеніе незабвеннаго нашего *Грибоѣдова*, содѣлалось достояніемъ цѣлаго народа, достояніемъ и собственностію каждаго изъ насъ. — Прошло нѣсколько уже лѣтъ, какъ не стало Грибоѣдова; въ продолженіе этого времени много было толковано о его комедіи; много судили о ней словесно и письменно; но все оканчивалось безусловнымъ удивленіемъ предъ творческимъ произведеніемъ. — Теперь всѣ убѣдились, что Грибоѣдовъ *первый* показалъ образецъ истинно русской, высокой комедіи, и превосходный образецъ разговорнаго языка высшаго общества. — Обыкновенно говорили, что первую Русскую комедію на-

писалъ Фонъ-Визинъ; это справедливо, только не безусловно? — Извѣстно, что Недоросль собственно не комедія, но скорѣе жестокая сатира, въ которой отразился весь сатирическій духъ автора; дѣйствующія лица, за исключеніемъ немногихъ, представлены Фонъ-Визинымъ въ каррикатурномъ видѣ; и Недоросль не запечатлѣнъ тою высшею поэтическою идеею, какою отличаются нѣкоторыя комедіи Мольера, Ренара и Горе отъ ума. — Въ Комедіи: *Горе отъ ума* не изображается, какъ въ Недорослѣ, одинъ *временный* недостатокъ общества, но нравственная сторона людей. — Скотининъ, Простаковы и Митрофанъ теперь не сообразны съ нашими понятіями; но Репетиловы, Фамусовы, Загорѣцкіе, Молчалины, Хлестовы всегда будутъ существовать. — Недоросль останется образцовымъ произведеніемъ въ нашей Литературѣ, но *Горе отъ ума* есть созданіе геніальное, въ которомъ разсѣяны вѣчныя, глубокія, нравственныя истины, и сверхъ того, представлены наши обычаи, слабости и недостатки не въ преувеличенной формѣ, а въ естественную величину. — Многіе стихи Грибоѣдова обратились въ пословицы и поговорки, какъ наприм.

«Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.»

или:

«Подписано, такъ съ плечъ долой.»

или:

«Что за коммиссія, Создатель,
«Быть взрослой дочери отцемъ!»

или:

«Служить бы радъ, прислуживаться тошно.»

или:

«За чѣмъ же мнѣнія чужія только святы?»

Гоголь написалъ достойную вниманія комедію: *Ревизоръ*. — Въ этой комедіи много остроумія, веселости и истиннаго комисма. — Нѣкоторыя выведенныя въ ней лица представлены такъ живо и естественно, что ее читаешь всегда съ новымъ удоволь-

ствіемъ. — Но лучшее мѣсто въ *Ревизорѣ* — монологъ голоднаго слуги Осипа въ трактирѣ. — Очень забавно изображены понятія Городничаго о наслажденіяхъ вельможъ. — Хороши еще Бобчинскій и Добчинскій. — Впрочемъ, дѣйствіе комедіи: *Ревизоръ* не ново, и притомъ несбыточно и не вѣроятно; въ ней часто нарушаются правила вкуса и благопристойности; языкъ вообще неправильный; многія лица ея принадлежатъ къ числу презрѣнныхъ людей; обычаи и пріемы женщинъ не настоящіе русскіе; словомъ — эта комедія, при рачительной обработкѣ, имѣла бы большій успѣхъ.

Комедія: *Добрый малый*, написанная *Загоскинымъ*, принадлежитъ къ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ этого писателя.

П. А. Полевой, кромѣ многихъ народныхъ драмъ, написалъ оригинальную комедію: *Откупщикъ и Дочь его*.

Хотя показанныя Комедіи не всѣ равнаго достоинства; но основное ихъ достоинство есть оригинальность мысли, или новость изложенія предмета, происходившая отъ того, что авторы брали краски не изъ французскихъ комедій, но въ своемъ умѣ, въ обществѣ, въ Русскихъ нравахъ.—Оставляя цѣпи классицизма, и разработывая рудникъ *народности* нашей, мы конечно успѣемъ создать Комедію Русскую. — Сею-то народностію удачно воспользовался неизвѣстный авторъ недавно вышедшей оригинальной нашей комедіи: *Дворянскіе выборы*. — Пусть комедія эта писана въ дурной прозѣ; завязка ея слаба; основные характеры не всѣ выдержаны; но она имѣла большой успѣхъ. — Что жъ причиною такого успѣха? авторъ взялъ предметъ совершенно новый, оригинальный. — Онъ обращаетъ въ смѣхъ одно изъ ужасныхъ золъ современнаго общества нашего; онъ выставляетъ на сцену людей, которыхъ мы знаемъ; выводитъ общество дворянъ, съѣхавшихся на выборы. — Бездѣльникъ и ябедникъ хотятъ попасть въ

Предводители. — Подкупные голоса, попойка, стараніе завлечь добрыхъ людей въ свои плутни, все это видимъ въ комедіи; и списанныя авторомъ сцены превосходны.—Все 7-е явленіе 2 дѣйствія нельзя читать безъ смѣха и негодованія, также сцену обученія *запасныхъ*, и многія другія, дѣлающія честь наблюдательному уму и оригинальности автора.

Общее замѣчаніе о Русск. Комедіи.

§ 235. Заключимъ сужденія наши о Комедіи тѣмъ, что Русская Комедія очень мало подалась впередъ со временъ Фонъ-Визина, въ которомъ имѣла она своего Ломоносова, но Карамзинъ для нея еще не являлся; и если есть что либо хорошее въ ней, то это находится въ такомъ точно отношеніи къ другимъ отраслямъ Словесности, какъ стихи Петрова относятся къ стихамъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина.

III. ДРАМА.

§ 236. Подъ *Драмою*, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣется такое театральное произведеніе, въ которомъ дѣйствіе возбуждаетъ сначала чувство сожалѣнія, но оканчивается всегда благополучіемъ главныхъ лицъ.— Изъ сего видно, что Драма занимаетъ средину между Трагедіей и Комедіей. — Къ Трагедіи она относится также, какъ Романъ къ Эпопеѣ.

Дѣйствующія лица въ Драмѣ.

§ 237. *Героями* драмы, называющейся также *слезною комедіею*, бываютъ люди средняго и даже низкаго состоянія, борющіеся съ коварствомъ и злобою людей, отличающіеся кроткими семейственными и гражданскими добродѣтелями, мужествомъ и терпѣніемъ въ преодолѣніи бѣдствій, и побѣждающіе ихъ наконецъ силою праводушія и невинности.

Мнѣніе Вольтера и другихъ критиковъ о

§ 238. Драмы произошли въ новѣйшія времена. Вольтеръ и другіе за нимъ критики полагаютъ, что произведенія сего рода не достойны стоять на ряду съ трагедіями и комедіями.—Вольтеръ въ письмѣ къ А. П. Сумарокову говоритъ: «Писатели, не имѣвшіе

«ни ума для трагедіи, ни остроты для комедіи, ста- «ли смѣшивать приключенія трагическія съ просто- «народными, т. е. съ комическими. . . Я никогда не «могъ читать ихъ. — Но что жъ дѣлать? безъ лоша- «дей и лошаки возятъ!» О семъ смотрите соч. Сума- рокова. Ч. IV. Введеніе Драмы

§ 239. Драмы пишутся *прозою*. Слогъ ихъ долженъ быть простой, благородный, естественный. — Всѣ прочія принадлежности театральныхъ произведеній въ разсужденіи характеровъ, узловъ и пр. наблюда- ются въ драмѣ. — У насъ были прежде извѣстны драмы *Хераскова*, а особенно драмы *Ильина*, отличав- шіяся своею національностію. — Ильинъ въ драмѣ своей: *Лиза*, или *Торжество Благодарности* первый вывелъ на сцену русскаго солдата, Кремнева, явле- ніе любопытное и оригинальное. — Другая піеса Иль- ина, *Великодушіе*, или *Рекрутскій наборъ*, принята была также съ одобреніемъ. — *Сульоты*, драма Нева- ховича, въ свое время имѣла успѣхъ. — Нѣкоторыя драмы *Князя Шаховскаго* принимаемы были публи- кою съ одобреніемъ. — Въ наше время сдѣлались из- вѣстными драмы: Пушкина, *Моцартъ* и *Салфіери*, Кукольника, *Роксолана*, и оригинальныя, единствен- ныя въ своемъ родѣ драматическія произведенія И. Н. Скобелева. — Н. А. Полевой, одинъ изъ трудолюбивыхъ и извѣстныхъ нашихъ литераторовъ, оживляетъ на- шу сцену своими драмами. — Его *Уголино*, *Честь и Смерть*, *Параша Сибирячка*, *Иголкинъ*, *Дѣдушка Рус- скаго флота*, заслужили рукоплесканія публики. — Каждая изъ этихъ піесъ отличается оригинальностію характеровъ, трогательными положеніями, также мы- слями и чувствами, выраженными сильно и отчетисто. О слогѣ Драмы и Русск. писате- ляхъ.

IV. ОПЕРА.

§ 240. Опера есть драматическое представленіе, въ которомъ соединяются всѣ Изящныя искусства, какъ-

то: музыка, поэзія, живопись, танцы, мимика и декламація. — Соединеніе сихъ Изящныхъ искусствъ приводитъ въ совершенное очарованіе зрителя, который забываетъ правдоподобіе, нерѣдко нарушаемое въ Оперѣ.

Раздѣленіе Оперы

§ 241. Опера раздѣляется на *обыкновенную* и *волшебную*. Первая бываетъ: 1) *Трагическая*, называемая иначе *лирическою Трагедіею* (Весталка, Телемакъ); 2) *Комическая* (Мельникъ, Сбитенщикъ); и 3) *Драматическая* (Водовозъ). — Волшебная опера имѣетъ предметомъ чудесныя, или сверхъестественныя происшествія, переносящія зрителей въ царство волшебниковъ, гдѣ все покорно чародѣйству, гдѣ видны бываютъ въ одно время дворцы Плутона и Феба, боги, колдуны, чудовища, замки, сооружаемые и сокрушаемые во мгновеніе ока. — Эта опера нарушаетъ всѣ правила, сохраняя только акты и явленія. — (Русалка, Волшебная флейта, Діанино дерево и проч.).

Слогъ Оперы, аріи и речитативы.

§ 242. Опера требуетъ слога легкаго; пишется иногда прозою вмѣстѣ съ стихами, полагаемыми на голосъ, иногда же вся стихами. — Стихи, полагаемые на голосъ, называются *аріями*. — Арія одноголосная называется *соло*; для двухъ голосовъ — *дуэтъ*; для трехъ — *терцетъ*; для четырехъ — *квартетъ*; для пяти — *квинтетъ*. — Наконецъ, въ операхъ, наиболѣе Италіянскихъ, употребляются еще *речитативы*, состоящіе изъ стиховъ, произносимыхъ безъ пѣнія, но вмѣстѣ съ музыкою.

О Русскихъ Операхъ.

§ 243. Мы обязаны появленіемъ на нашемъ театрѣ оперы А. П. *Сумарокову*. — Въ царствованіе Императрицы Елисаветы написалъ онъ нѣчто похожее на оперу подъ названіемъ: *Прибѣжище добродѣтели*, Балетъ въ пяти актахъ. — Тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ представлена *добродѣтель*. Она странствовала по Африкѣ и Азіи, видѣла повсюду развратъ, и не находила себѣ пристанища. — Наконецъ, Минерва является въ образѣ Россіянки, и говоритъ ей:

«Поди къ Монархинѣ ты третіяго свѣта,
«Гдѣ щедро царствуетъ теперь Елисавета;
«Подъ скипетромъ Ея веселія цвѣтутъ:
«Найдешь прибѣжище себѣ конечно тутъ и пр.

И потомъ поетъ:

«На востокѣ счастья нѣтъ,
«На западѣ тма бѣдъ,
«Иду въ полночный свѣтъ. —

Въ 1764 году представлена была въ С. Петербургѣ написанная А. Сумарсковымъ *Опера Алцеста*, которая есть весьма слабое подражаніе образцовой французской оперѣ: Алцеста, сочин. *Кино*.—Сумароковъ написалъ много и другихъ оперъ. Ему послѣдовали *Аблесимовъ*, *Левшинъ*, *Княжнинъ*, *К. Горчаковъ* и другіе. — Сама Екатерина II, послѣ дѣлъ государственныхъ, упражнялась въ сочиненіи оперъ. — Россійскій театръ, состоящій въ 20 томахъ, содержитъ нѣкоторыя произведенія сей безсмертной Государыни. Въ наше время лучшими народными операми признаны: *Жизнь за Царя*, соч. Глинки, *Аскольдова Могила* и *Тоска по родинѣ*, соч. Верстовскаго.

V. ВОДЕВИЛЬ.

§ 244. *Водевиль* есть малая опера, въ которой аріи и хоры поются на голоса народныхъ пѣсенъ. Дѣйствіе его просто; содержаніемъ бываетъ комическое представленіе происшествія обыкновенной жизни. Французы называютъ Водевилями пѣсни сатирическія, въ которыхъ осмѣиваемы бываютъ дѣйствія предосудительныя, или которыя заключаютъ насмѣшку надъ какимъ либо страннымъ приключеніемъ. — Каждый изъ этихъ куплетовъ оканчивается острою и даже нѣсколько язвительною мыслію, не выходящею, однакожъ, изъ предѣловъ благопристойности. — У насъ К. *Шаховской* болѣе занимался Водевилями.

§ 245. Отъ Водевиля отличаютъ *малую Оперу* или *Оперетту*. Она не иное что есть, какъ Комедія, или Отличіе Оперетты

отъ большой Оперы.

Драма, смѣшанная съ аріями и хорами. — Отъ большой Оперы разнится тѣмъ, что не имѣетъ ничего чудеснаго и сверхъестественнаго. — Слогъ ея сходенъ съ слогомъ прозаической комедіи и драмы.

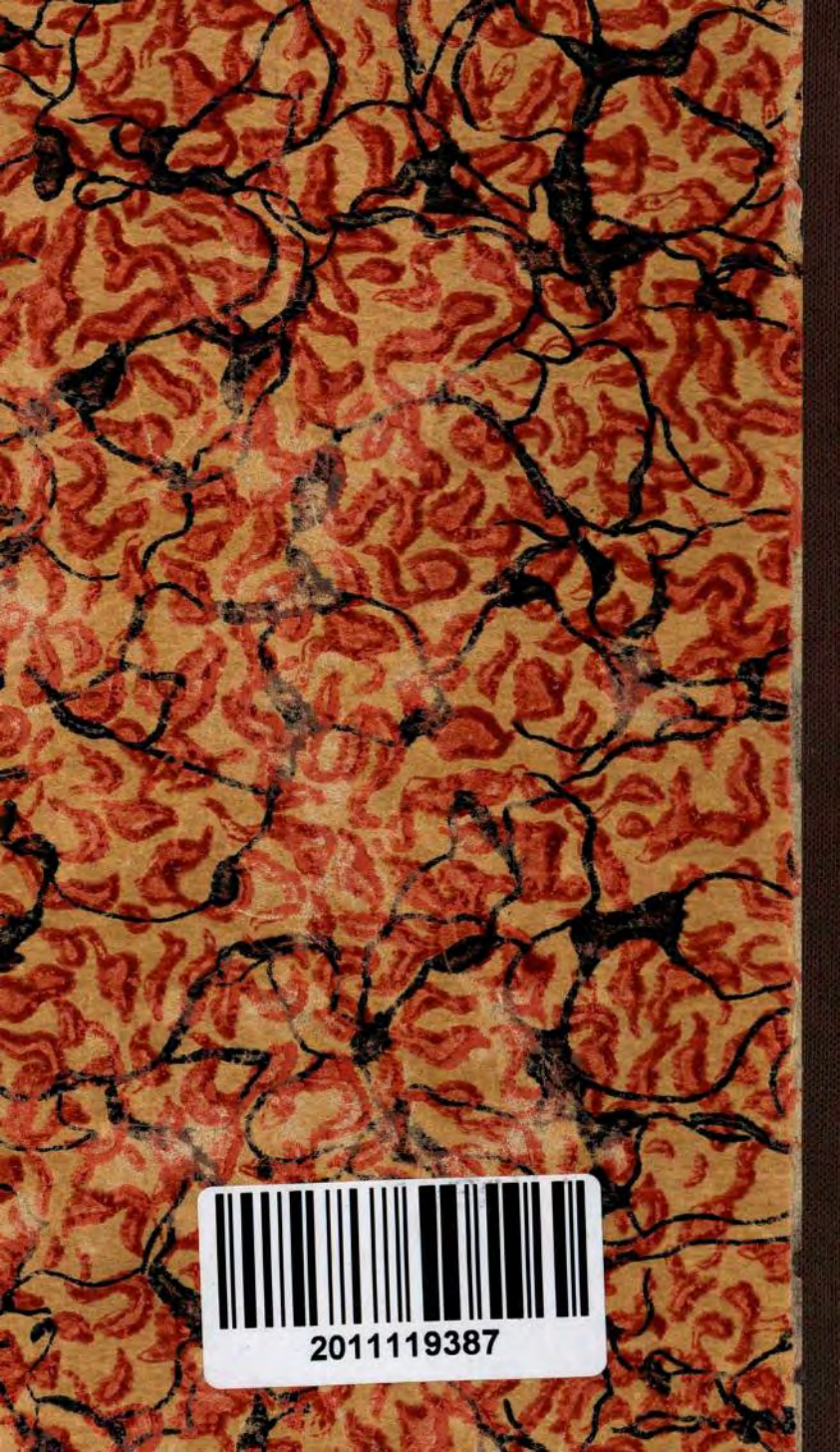
VI. МЕЛОДРАМА.

§ 246. *Мелодрама* есть драматическое стихотвореніе, въ которомъ рѣчи прерываются сопровождающею ихъ музыкою. — Отъ Оперы отличается она тѣмъ, что лица въ ней не поютъ, а говорятъ, и музыка наполняетъ только промежутки между рѣчами.— Впрочемъ, Мелодрама имѣетъ свою увертюру, какъ опера; музыка играетъ речитативъ, соотвѣтствующій смыслу того, что было сказано. — Содержаніе Мелодрамы бываетъ важное; предметы берутся изъ миѳологіи, изъ рыцарскихъ романовъ; часто даже изъ волшебныхъ сказокъ. — Мы имѣемъ многіе переводы Мелодрамъ, по большей части, передѣланныхъ или въ драмы, или въ оперы. — Таковы наприм. *Сорока-Воровка*, *Обрѣева собака*, *Убійца* и *Сирота* и т. п.

Содержаніе древнихъ и новѣйшихъ Прологовъ.

§ 247. *Прологъ* былъ въ употребленіи на древнемъ театрѣ; онъ содержалъ въ себѣ изложеніе послѣдующаго за нимъ драматическаго представленія, и произносимъ былъ опредѣленнымъ къ тому актеромъ; иногда же такіе Прологи произносимы были предъ каждымъ актомъ.—Нынѣ подъ Прологомъ разумѣютъ нѣкоторый *родъ драматическаго сочиненія, имѣющаго отношеніе къ настоящему всенародному торжеству*.— Въ Прологѣ нѣтъ ни завязки, ни развязки; въ немъ дѣйствуютъ боги, нимфы, музы, геніи и т. п. У насъ есть Прологи, *Державина*, С. *Глинки*, Кн. *Шаховскаго* и М. *Дмитріева*. А *Сумароковъ* въ 1759 году написалъ Прологъ подъ названіемъ *Новые лавры* на случай побѣды, одержанной Россіянами при Франкфуртѣ.

Конецъ третьей части.

2011119387